

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий мост, д. 7. Телеф. 2-89-42
3-18-42

||| ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 60 коп.

№ 48—49

13—20 ДЕКАБРЯ 1925 г.

№ 48—49

К юбилею Пятого года.

Двадцать лет отделяет нас от декабря 1905 г., от кульминационного пункта развития первой пролетарской революции, когда на баррикадах в Москве рабочий класс пытался совершить победу, одержанную им в октябре 1917 г.... и потерпел поражение. За этот двадцатилетний промежуток времени совершился ряд событий, изменивших коренным образом всю физиономию прежней Европы, поставивших на очередь дня вопрос о практическом осуществлении социалистического порядка во всемирном масштабе, и во главе этого мирового движения поставивших нашу страну, наш Союз Советских Социалистических Республик, сменивший собою прежнего жандарма Европы — царскую империю Романовых.

Подвести итоги этому исключительному по богатству своего содержания историческому периоду — основная наша задача в дни годовщины нашей революции пятого года.

Каковы, прежде всего, основные и характернейшие черты обеих эпох на их гребнях, основные черты эпох 1905 г. и 1925 г.? Что представляла собою в этот момент мировой истории старая Европа, что составляло собою основной стержень и существо ее исторического бытия в 1905 г., что она представляет собою сейчас?

1905 г. — эпоха поступательного развития и господства промышленного и финансового капитала, эпоха господства нескольких крупных капиталистических государств, поделивших между собою весь земной шар, поработивших сотни миллионов населения, господствовавших над ними и собственным народом и, в свою очередь, являвшихся покорными слугами в руках еще более немногочисленной кучки финансовых магнатов, крупных промышленных воротил, руководителей мировых трестов и мировых банков, к услугам которых и в распоряжении которых на-

ходило все: промышленность, капитал, государственная власть, церковь, наука, культура.

Этот строй, однако, уже в те времена таил в себе свою гибель. Несмотря на все могущество правящего класса, в качестве его антипода в каждой стране имелся налицо организованный, могучий, полный ненависти к существующему порядку и собственному в этом порядке приниженному положению, создатель всех этих богатств, ничего от этих богатств для себя не получающий, прошедший богатейшую школу организации и экономической борьбы рабочий класс. Объединяемый Вторым Интернационалом, руководимый социал-демократическими партиями всех стран, интернациональный рабочий класс в те времена казался даже для своих врагов могучей силой, которой они поневоле опасались. Эта сила оказалась, правда, на деле гораздо более слабой, но все же она казалась силой.

Одновременно с этим правящие воротилы в погоне за новой прибылью были вынуждены отчетливо сознавать, что выхода другого, чем новый передел мира, чего можно было достигнуть лишь путем новой неизбежной кровопролитнейшей войны друг с другом, для капиталистических хищников не было. Отсюда вытекало, с одной стороны, стремление к бесконечным вооруженным подготовкам этой мировой войны, с другой стороны, — страх и ужас перед этой войной. Лихорадочные вооружения со своей стороны ложились новым бременем на широчайшие народные массы, обостряя еще больше их ненависть к существующему порядку.

С точки зрения внешних политических форм весь клубок этих внутренних противоречий прикрывался различными политическими формами: рядом с демократической республикой Франции имела место монархия Гогенцоллернов в Германии, рядом с демократией Соединенных Штатов еще

продолжали сохраняться и монархия Великобритании, и австрийские Габсбурги, и турецкие султаны, и болгарские цари, и итальянские короли, и голландские королевы, — но все они под разными формами прикрывали, однако, всюду одно и то же существо. В качестве всеобщего охранителя капиталистического мира, колосса, которым пугали друг друга соперничающие державы, высилась царская империя Романовых, которой одновременно то в качестве послушного орудия французских банкиров, то в качестве ближайшего, интимнейшего друга германского императора Вильгельма правил Николай Романов, поочередно продававшийся то тем, то другим.

Такова была внешняя картина Европы 1905 г., картина, которую нам сейчас, несмотря на то, что нас отделяет от этой картины всего каких-нибудь двадцать лет, трудно уже себе представить.

1925 г.! После мировой войны, стоившей всем народам Европы миллионов жизней и десятков миллиардов растраченного, сожженного, развешанного на воздух народного добра, после ряда революций в ряде стран Европа представляет собой сейчас совокупность государств, среди которых уже нет ни одного, которое бы не считало сейчас самым основным вопросом своей внутренней жизни заботу о том, чтобы во что бы то ни стало, хотя на немного, отдалить вопрос о ее полном переустройстве на социалистических началах. Нет больше монархий, кроме единственного в качестве случайного пережитка исключения: оставшихся еще монархий Великобритании и Италии; нет Гогенцоллернов, нет Габсбургов, нет Романовых.

За эти годы не было ни одной страны, в которой бы у власти не перебивали сплошь почти социалистические министры из бывших вождей Второго Интернационала. Колониальные народы поднялись в Китае, в Индии, Турции, в Африке, Персии, в Афганистане и всюду поставили один и тот же вопрос о свержении господства иностранных капиталистов. И, наконец, на шестой части земного шара, в качестве провозвестника, вождя и руководителя настоящих и будущих пролетарских революций, на место прежнего жандарма Европы образовался, крепнет и растет могучий пролетарский Союз свободных социалистических республик.

Вот изменения, которые произошли за двадцать лет, вот характерные черты граней обеих эпох.

Нам нет нужды, конечно, здесь в этой статье, посвященной юбилею пятого года, пытаться подробно анализировать нынешнее наше внутреннее и международное положение, пытаться подробно расценивать трудности, которые стоят на нашем пути и на пути развития мировой революции, или,

точнее, формулировать достигнутые успехи. Нам важно отметить лишь значение и роль в этом международном движении пятого года.

Его роль и значение заключается, прежде всего, в том, что это был первый год, который открыл собой эру пролетарской революции, выявил собственные только ей методы борьбы и заложил начало основной формы нового государства и нового общества, пышным цветом расцветших затем в революцию 1925 года. 1905 г. был годом, когда впервые русский пролетариат, пролетариат страны, находившейся в самом тяжелом положении, страны, стоившей под пятой наиболее отвратительного политического режима, сделал первую попытку свергнуть этот режим и в этой своей попытке осуществил в зачаточной форме новые принципы нового пролетарского государства: советы.

В 1909 г., уже после 1905 г., тогдашний вождь Второго Интернационала, нынешний предатель и ренегат Карл Каутский в своей брошюре «Путь к власти», подвергая анализу нашу революцию пятого года, выявил эти конкретные особенности пятого года и указал, что в ближайшем будущем Европа будет вовлечена в мировую войну, которая неизбежно должна привести к мировой революции. Каутский тогда писал, что именно с Востока, возможно, грянет дуновение мировой революции, что формы революционного движения, проявленные рабочим классом в России в 1905 г., — всеобщая стачка, вооруженное восстание, выступления рабочих, — все это должно будет знаменовать открытие начала новой эпохи в мировой истории.

Эти предсказания полностью оправдались на наших глазах. Революция 1917 года повторила в грандиознейшем масштабе революцию пятого года и целиком пошла по предугазанному этой последней пути. Совет Рабочих Депутатов пятого года превратился в Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов 1917 года; всеобщая забастовка и декабрьское восстание московского пролетариата пятого года переродились в Октябрьскую революцию и трехлетнюю гражданскую войну 1917—1920 г.г.; удар по русскому царизму пятого года повторился в свержении монархии 1917 года и, наконец, временный двухмесячный период господства Совета Рабочих Депутатов пятого года вылился в восьмилетнее уже безграничное господство Советов СССР 1917—1925 г.г.

В этом всемирно-историческое значение революции пятого года. Отчетливое усвоение именно этого его значения и должно быть главным достижением нашего юбилейного празднования двадцатилетия первого опыта пролетарской революции в России.

Прекращение уголовных дел в кассационных инстанциях.

В каких случаях практикуется прекращение уголовных дел в кассационных инстанциях? Судебная практика знает три таких случая:

1. Когда приговор отменяется за нарушением ст. 3 УПК, т.е. при обнаружении вторичной судимости за одно и то же преступление, при этом кассационная инстанция должна иметь перед собою вошедший в законную силу первый приговор.

2. За отсутствием уголовной наказуемости в деянии осужденного лица, по ст. 4, п. 5, УПК. В таком случае кассационный суд должен и вправе рассматривать это деяние только в формулировке приговора, ни в коем случае не задаваясь вопросом о доказанности содеянного, о маловажности его и нецелесообразности репрессии (см. приказ пленума Верх. Суда кассац. колл. в № 31 «Ежен. Сов. Юст.» 1924 года). Отсутствие состава преступления—признак формального свойства и означает, что деяние, приписанное осужденному лицу по приговору, не предусмотрено уголовным законом и не может быть квалифицировано ни по одной из статей особенной части Уголовного Кодекса не только прямо, но и по аналогии (в порядке ст. 10), или же хотя и предусмотрено, однако, с указанием, что совершившее его лицо несет ответственность в дисциплинарном, а не судебном порядке (напр., 2 часть ст. 105 УК). Всякие иные подходы к делу и заключения об отсутствии состава преступления на основании других материалов процесса, кроме приговора, в законченном судебном деле абсолютно недопустимы. Это настолько ясно, что нечего казалось бы и говорить об этом. А между тем, из просмотра кассационных определений некоторых судов усматривается непонимание такой простой вещи, и нередко можно видеть как кассационная инстанция, углубляясь в ревизионном порядке в существо судебного дела и в доказательность мотивов обвинения, в результате приходит к выводу об отсутствии состава преступления и прекращает дело вместо того, чтобы обратиться на новое рассмотрение по недоследованности или явной несправедливости приговора или неясности изложения, и впадает в грубую ошибку кассационного судопроизводства. То обстоятельство, что все дела в наших кассационных судах обзревается не только со стороны мотивов жалобы или протеста, но и в ревизионном порядке, т.е. полностью со всеми материалами, вовсе не значит, что кассационный суд пересматривает каждое дело по существу, создавая тем самым грубый сурогат апелляционного рассмотрения, а значит только, что высшая инстанция попутно ревизует всякое дело в порядке, точно указанном Уголовно-Процессуальным Кодексом, т.е. с соблюдением всех форм и норм кассационного производства и отнюдь не изменяя поводов, влекущих отмену приговора и указанных в законе, а также в вышеприведенном наказе Верховного Суда.

3. Третий случай прекращения дел в кассацион-

ных инстанциях—это по ст. 4-а УПК, т.е. по маловажности и ничтожности содеянного и нецелесообразности поэтому уголовного преследования, при наличии формального признака преступления. К сожалению, в тексте этой статьи не указало, какая инстанция суда может применять эту меру и мне кажется, что эта именно недомолвка привела к создавшейся практике. Обстоятельства, при которых появилась эта статья, известны, и мысль законодателя ясна: это дать судебным органам возможность ликвидировать массу ничтожных в уголовном смысле дел, главным образом, по мелким кражам, обременявшим парсуды и не обещававшим никаких благотворных результатов от их заслушивания. Было полезно в целях общего поднятия работы парсуда и сокращения ненужной волокиты прекратить всякую мелочь, залежавшуюся к тому же довольно долго. И парсуды провели эту ликвидацию в жизнь, но, однако, не механически, а разумно, исходя из существа каждого дела и в сомнительных случаях знакомясь с привлеченным на процессе. Таким образом, в кассационные инстанции попадали уже проверенные дела, и если первая инстанция не нашла возможным, исходя из всех прений на суде и учитывая особенности каждого отдельного дела, прекратить производство, как же может это сделать кассационный суд, не имея перед собою подсудимого и не выслушав всех прений, бывших в первой инстанции? А ведь для установления признаков маловажности содеянного и нецелесообразности репрессии, касающихся глубокого существа дела, надо именно рассмотрение дела по существу, т.е. в первой инстанции. Надо заметить также, что на прекращение дел по ст. 4-а в кассационной инстанции некуда жаловаться, а между тем, обвиняемый не всегда может согласиться с таким применением ст. 4-а. Представьте себе общественного работника, признанного виновным в небольшой краже, обратившегося в кассационный суд с жалобой на несправедливость и незаконность приговора, а дело его прекращают «по маловажности». Разве для него не безразлично быть уличенным в крупной или мелкой краже? Не признавая себя виновным, он ищет оправдания, а не забвения, но жаловаться он уже больше не может. Между тем, хотя приговор о нем и отменен, однако, судимость или, по меньшей мере, моральный удар остается.

Кассационная практика даже первых лет революции, когда задача законности не ставилась так отчетливо и остро как теперь, не знала столь явного и прямого случая отмены приговора, исходящего из мотивов существа дела, как это имеет место теперь при применении ст. 4-а УПК. Исходя из сказанного, следует признать, что статья эта должна применяться лишь в судах 1-й инстанции, и что текст ее должен быть дополнен указанием в этом смысле.

А. Галкин.

Какие из гражданских дел следует изъять из ведения народных судов.

I.

Одним из основных вопросов на предстоящем VI Всероссийском съезде деятелей советской юстиции явится вопрос о проведении органами юстиции революционной законности. Проведение принципов революционной законности требует углубленного изучения советского права и отчетливого проведения его в практической работе. Количество дел в народных судах неудержимо растет, и это не может не отражаться на качестве работы, являясь в то же время значительным тормазом в работе по проведению революционной законности. Особенно велик рост гражданских дел. За последние полтора года число гражданских дел возросло на 62,7% (см. статью т. Бранденбургского: «Надо серьезно подумать» в № 233 «Правды» от 11 октября 1925 г.).

Для разгрузки нарсудов следует, конечно, увеличить количество участков. Параллельно, однако, можно принять и другие меры. Подобно тому, как часть уголовных дел уже передана в административные органы, следует произвести разгрузку и в области гражданских дел. В статье «К вопросу о компетенции народных судей» (№ 29 «Ежен. Сов. Юст.» 1924 г.) тов. Бранденбургским выдвинут вопрос об освобождении нарсудов от дел особого производства и от некоторых других дел, отнесенных к ведению нарсуда отдельными законами, не согласованными с ГПК.

Проект тов. Бранденбургского вызвал дискуссию на страницах «Еженедельника». Отзывив в общем согласны с положениями, высказанными в проекте ¹⁾.

Коллегия НКЮ в заседании 11 июля 1924 г. признала, что необходимо разгрузить нарсудей от некоторых видов особых производств.

По данным статистического отделения НКЮ, из общего числа поступивших в нарсуды гражданских дел дела особого производства составляют: за первое полугодие 1924 г.—108.875, за второе полугодие 1924 г.—109.899 и за первое полугодие 1925 г.—115.068.

Мы видим, что абсолютное число поступлений дел особого производства растет. Что касается процентного отношения к общему количеству дел, то за первое полугодие 1924 г. оно составляет 25,1%, за второе полугодие—20,9% и за первое полугодие 1925 г.—16,3%.

Значительное число дел особого производства сосредоточено в городах, а судебные приказы, дела

о депозитах и расторжении браков занимают много времени у народных судей. В народных судах г. Москвы можно наблюдать длинные очереди перед кассами финотдела. Это—вносят квартирную плату в депозит суда (см. статью Вольфсона в № 39-40 «Еж. Сов. Юст.» 1924 г.). В 8 участке народного суда гор. Москвы за пять месяцев 1924 г. было дел особого производства 1450 или 29,94% всех поступивших гражданских дел за это время (статья Ворохобина «Пролетарский Суд» № 3—1924 г.). Народный судья Курской губернии Переверзев указывает, что в его участке количество дел особого производства составляет $\frac{1}{3}$ всего количества дел («Еж. Сов. Юст.» № 39-40).

С введением положения о гос. нотариате некоторые функции были изъаты из ведения народных судей, и в настоящее время значительная часть дел бесспорной юрисдикции относится к области нотариата. Нужно пойти дальше и разгрузить суды от такого рода бесспорных дел, которые могут быть возложены на другие органы.

Случаи, когда отдельным гражданам или учреждениям необходимо участие органов власти для того, чтобы придать юридическую силу и значение их сделкам или установить особым актом их права при отсутствии притом спора, относятся к ведению нотариата. Между тем, по ГПК некоторые из такого рода бесспорных дел еще относятся к компетенции суда. Выдача удостоверения о том, что данное лицо является наследником, сопровождается лишь проверкой родственных отношений и удостоверением о взносе наследственных пошлин. Передача кредиту денег, внесенных для него в депозит должником, состоит лишь в проверке личности получателя денег и документов, удостоверяющих право на получение депозита. Учинение надписи об исполнении по просроченным векселям, неплатежеспособность должника по которым уже удостоверена протестом, также не сопровождается рассмотрением и разрешением каких-либо спорных вопросов. Все дела такого рода могут быть изъаты из ведения судов.

При загруженности нарсудов делами исковыми, дела особого производства представляются делами сравнительно мелкими, на которые нарсудья не может уделить достаточно времени. Нотариальные конторы исключительно заняты делами бесспорными. У них имеется особый навык и опыт в оформлении документов по удостоверению прав при отсутствии спора. По закону, нотариальные конторы обязаны исполнить нотариальные действия в течение трех дней (ст. 4 положения о гос. нотариате).

Кроме органов нотариата, некоторые из дел особого производства целесообразнее передать в административные органы. Например, дела о расторжении брака правильнее всего передать в ЗАГС, дела об охране имущества после умерших целесообразнее всего передать в административные отделы исполкомов и т. д.

¹⁾ Вольфсон—О так называемой судебной волоките и об ее причинах («ЕСЮ» № 39-40). Переверзев—Еще к вопросу о компетенции нарсудов («ЕСЮ» № 39-40). Розенманн—О компетенции народных судов («ЕСЮ» № 39-40). Владимирова—О разгрузке народных судов («ЕСЮ» № 42). Карпов—Еще по вопросу о компетенции народных судей («ЕСЮ» № 47). Ворохобин—Дела особого производства («Пролет. Суд» № 3).

II.

В нотариат следует передать дела по выдаче удостоверений о переходе наследственных прав (ст. 196 ГПК), о депозитах (ст.ст. 204—209) и об учинении надписи об исполнении на актах, по которым в настоящее время выдаются судебные приказы.

1. Удостоверение о переходе наследственных прав нет оснований оставлять у парсудей. При отсутствии спора между наследниками или между наследниками и государством нет надобности выносить какое-либо судебное определение. Наследники могут осуществить свои наследственные права и без участия суда (ст. 196 ГПК и 435 ГК). Удостоверение о переходе прав к наследнику выдается лишь по его просьбе, при этом должны быть проверены лишь родственная связь его с наследодателем и факт внесения наследственной пошлины. Это может сделать и нотариус. При засвидетельствовании в нотариальном порядке сделок нотариус также проверяет права лиц на заключение сделки (ст. 21 полуж. о гос. нот.). Нет оснований считать некомпетентным нотариуса и в случае необходимости удостоверить наследственные права.

Что касается остальных, возлагаемых на парсудей в настоящее время по наследственным делам действий: распоряжение об охране имущества, назначение хранителя, выдача из имущества средств на расходы по охране,—все эти функции вовсе не судебные, а распоряжения административного свойства, их следует передать в административные отделы или волисполкомы. Они первыми получают сведения о случаях смерти; они могут судить, насколько необходима охрана наследств, и они лучше всего будут охранять имущество в случае надобности.

2. Выдача исполнительных листов по решениям третейских судов должна быть оставлена попрежнему в ведении парсудей, так как при выдаче этих листов проверяется соответствие третейского решения закону.

3. Против передачи нотариусам дел о депозитах, вероятно, спора не будет. Действия по этим делам сводятся лишь к выдаче по назначению внесенных денег. Между тем, в больших городах таких дел очень много (см. статью Вольфсона № 39-40 «И. С. Ю.», 1924 г. и Ворохобина «Пролет. Суд», № 3, 1924 г.). Нотариальным конторам следует предоставить право открывать для этого депозиты и текущие счета в местных финансовых органах и других учреждениях.

4. На нотариальные же конторы следует возложить и производство исполнительных надписей, имеющих силу исполнительных листов на документах и по взысканиям денежных сумм и передаче имущества, по которым допускаются в настоящее время судебные приказы (гл. XXIV ГПК). Судебные приказы издаются лишь на основании формальных документов без вызова должников, и действия суда сводятся к проверке формальных условий составления этих документов и к удостоверению наступления срока ответственности по ним. На первый взгляд, излагаемый проект может вызывать сомнения. Обычно, взыскание производится на основании исполнительных листов судебных мест. Однако, поскольку по этим делам

никакого спора не разрешается, участие суда не нужно. Нотариальная контора удостоверяет лишь наступление момента, с которого обязательное по акту лицо должно исполнить свое обязательство. Кредитор же имеет право на взыскание этой суммы по закону.

Пункт «б» ст. 210 ГПК предусматривает применение судебных приказов лишь для актов, для которых установлен обязательный нотариальный порядок совершения или засвидетельствования. Нужно сказать, что такого рода акты предъявляются в суд для получения судебных приказов сравнительно редко: судебные приказы выдаются лишь по договорам, заключенным на основании ст.ст. 137 и 153 Граж. Кодекса. Большинство же договоров, для которых установлена обязательная нотариальная форма, т.-е. договоры об отчуждении строений и права застройки, не могут быть подведены под действие этих правил, так как никаких денежных взысканий по этим делам не производится. В целях разгрузки судов и увеличения числа дел, взыскания по которым можно было бы осуществить без обращения к суду в исковом порядке, следовало бы распространить права нотариусов учинять исполнительные надписи и на бесспорные взыскания на основании всех долговых документов, совершенных и засвидетельствованных нотариальным порядком, т.-е. и в тех случаях, когда нотариальный порядок по закону не обязателен. Введение этого правила послужило бы побудительной причиной к увеличению числа сделок, совершаемых и свидетельствуемых нотариальным порядком, и избавило бы суд от значительного количества исковых дел.

Лицам и учреждениям, против которых обращено взыскание по исполнительным надписям нотариальной конторы, должно быть предоставлено право в известный срок со дня получения извещения об исполнении предъявить иск об освобождении от взыскания по исполнительной надписи, причем суду должно быть предоставлено право при самом предъявлении этого иска приостанавливать взыскание. Кроме того, конечно, может быть принесена жалоба в порядке ст.ст. 231—234 ГПК на действия нотариуса по принятию к производству документа или на отказ в принятии. Кассационный порядок обжалования, существующий ныне для судебных приказов, не может быть оставлен в случае передачи этих дел в нотариальные конторы, не являющиеся судебными местами.

5. Нет никакого основания к тому, чтобы расторжение брака в случае спора супругов производилось судом. Расторжение браков во всех случаях должно производиться органами ЗАГС'а.

6. Следует остановиться на главе XIV ГПК «Обеспечение доказательств». Действия при обеспечении доказательств сводятся к осмотрам, экспертизам и допросам свидетелей. Никакого судебного определения по существу дела при этом не выносятся. Между тем, дела этого рода требуют особой срочности, и для парсудей, загруженных делами, обычно нет времени для немедленного исполнения по этим делам. Эти дела также могут быть переданы в нотариальные конторы, где быстрота исполнения является одним из главных качеств. При произ-

водстве дел обеспечения доказательств нотариусы должны соблюдать правила ГПК. Принятие к производству дел по обеспечению доказательств нотариусами следует ограничить. Нотариусы не должны производить обеспечение доказательств по делам, уже находящимся в производстве суда в том городе, где находится нотариальная контора.

III.

Рядом отдельных законов на народные суды возложены различные действия, где не только не нужно разрешать никаких споров о праве гражданском, но и не возникает никаких правовых вопросов. Некоторые из этих законов возлагают на суды установление фактов. Рассмотрим эти случаи:

1. Декрет Совнаркома от 24 октября 1920 г. «О производстве расчетов по общей аварии—диспан» («Собр. Узак.» 1920 г. № 87, ст. 443) возлагает на народный суд действия по морским протестам. Сущность этих действий сводится к составлению протокола по заявлению капитана, к производству осмотра и допроса свидетелей, составлению выписок из судового журнала и т. п. Самый закон называет эти действия нотариальными. Дела этого рода и должны быть переданы в нотариат. В настоящее время в Совнарком Союза соответствующий проект находится на рассмотрении.

2. Декретом ВЦИК и СНК от 20 июня 1923 г. («Собр. Узак.» 1923 г. № 51, ст. 575) на суды возложено установление имени, отчества, фамилии, времени рождения и семейного положения гражданина на предмет получения из административных органов удостоверения личности, если гражданин не может для этой цели получить документов. Дела этого рода вовсе несвойственны судам и должны быть переданы в административные органы тем более, что и сейчас некоторые из действий этого рода производятся административными органами (см. ст. Владимирова «О разгрузке народных судов» — «Е. С. Ю.» № 42 1924 г.).

3. Согласно ст. 308 ГК суд назначает ликвидаторов для ликвидации дел товарищества в случае отсутствия соглашения об этом между товарищами.

4. Далее, по положениям о государственных трестах («Собр. Узак.» 1923 г. № 29, ст. 336, 1923 г. № 84, ст. 815, и 1925 г. № 2, ст. 14), при ликвидации трестов губернский суд назначает представителей интересов кредиторов в ликвидационной комиссии. Назначение ликвидаторов есть функция административная, и правильное назначение ликвидаторов передать в органы Народного Комиссариата по Внешней и Внутренней Торговле.

5. По декрету ВЦИК и СНК от 14 мая 1924 г. («Собр. Узак.» 1924 г. № 61, ст. 601) в случае перемены одним из родителей фамилии и при недостижении между супругами соглашения о присвоении детям новой фамилии вопрос о фамилии детей решается судом. Присвоение фамилии не должно входить в функции суда. Правильнее всего в случае несогласия родителей на изменение фамилии детей оставить детям прежнюю фамилию, не привлекая к делу суда.

6. Во многих случаях отдельными законами на суд возложено рассмотрение жалоб на действия административных органов:

а) жалобы на неправильное производство

публичных торгов при взимании налогов и сборов («Собр. Узак.» 1923 г. № 12, ст. 77, п.п. 34 и 35);

б) жалобы на производство торгов при взыскании единого сельско-хозяйственного налога (прилож. 1 к «С. У.» 1923 г. № 67, ст. 653);

в) жалобы на неправильное исчисление органами Наркомфина наследственных пошлин («С. У.» 1923 г. № 59, ст. 565);

г) жалобы на назначение опеки и опекунов (ст.ст. 200 и 212 Код. зак. об акт. гражд. сост.);

д) жалобы на отказ в регистрации товарных знаков («С. У.» 1922 г. № 75, ст. 939);

Жалобы на постановления административных органов должны рассматриваться высшими инстанциями того же ведомства. Из ведения судов эти дела должны быть изъяты. По некоторым из этих дел вопросы об изменении порядка обжалования стоят на очереди. В общесоюзном положении о взимании налогов («С. З.» 1925 г. № 70, ст. 518) указан порядок обжалования неправильных действий и распоряжений должностных лиц при взимании налогов (ст.ст. 32—34). Жалобы эти принимаются в административные же органы в порядке инстанции. Следует согласовать с союзным положением о взимании налогов и правила об обжаловании действий финорганов при взимании налогов и сборов, установленные законом РСФСР для отдельных случаев. Во ВЦИК представлен уже проект закона об отмене инструкции о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета о едином сельско-хозяйственном налоге («С. У.» 1923 г. № 67, ст. 653), где предусматривается обжалование в суд действий административных органов.

Необходимость отмены ст. 11 декрета СНК от 10 ноября 1922 г., которой установлено обжалование в суд отказов отдела товарных знаков в регистрации товарного знака признана Верховным Судом (см. разъяснение пленума Верховсуда от 21 июля 1924 — «Е. С. Ю.» № 32 1924 г.).

IV.

1. Остановимся еще на одном случае применения судебных приказов. До первого октября 1925 г. действовало положение о взимании налогов и сборов, утвержденное Совнаркомом РСФСР («С. У.» 1922 г. № 44, ст. 550). Согласно ст. 9 положения обращение взыскания на вклады плательщиков в кредитных учреждениях, равно на суммы, причитающиеся плательщику от третьих лиц, производилось в каждом отдельном случае по постановлению подлежащего суда. С 1 октября 1925 г. было введено в действие в общесоюзном масштабе положение о взимании налогов, утвержденное ЦИК и СНК Союза ССР («С. З.» 1925 г. № 70, ст. 518), и с этого времени было отменено действие положения РСФСР о взимании налогов и сборов 1922 г. («С. З.» 1925 г. № 70, ст. 517). Согласно ст. 20 нового положения лица, учреждения и организации обязаны по требованию финансовых отделов в пределах действующих узаконений давать отзывы о том, имеется ли у них имущество и причитаются ли казне какие-либо суммы плательщиков. По требованиям финансовых органов, все учреждения, организации и лица обязаны причитающиеся с них недоимки плательщиков вносить не недоимщику, а в кассу НКФ

(ст. 20). Обращение взыскания на всякого рода вклады в кредитных учреждениях и сберегательных кассах производится с соблюдением особого порядка, установленного по этим предметам положениями и уставами этих учреждений, а равно специальными узаконениями (ст. 21).

Таким образом, в настоящее время обращение взысканий недоимок по налогам и сборам на суммы, находящиеся у третьих лиц и причитающиеся недоимщику, может быть осуществлено финансовыми органами непосредственно без обращения к суду. Что касается обращения этих взысканий на вклады в кредитных учреждениях и сберегательных кассах, то тут дело осложняется необходимостью соблюдения кредитной тайны. По декретам Совнаркома от 30 июня 1924 г. («С. У.» 1921 г. № 52, ст. 301) и от 25 февраля 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 18, ст. 115), всякие справки о текущих счетах, вкладах, переводах и всяких банковских операциях клиентов выдаются только владельцам их или судебным и следственным органам. Последние получают справки с точным соблюдением порядка, установленного ГПК и УПК РСФСР. Никаким другим государственным органам, не исключая и финансовой инспекции, этих прав не выдается. Ссылка на этот порядок имеется в ряде положений и уставов кредитных учреждений (см. ст. 29 полож. о Гос. банке («Собр. Узак.» 1921 г. № 75, ст. 615), ст. 26 устава Центр. сельхоз. банка СССР («С. У.» 1924 г. отд. II, № 11, ст. 31), ст. 12 устава Средне-Азиатского комм. банка («С. У.» 1924 г., отд. II, № 15, ст. 42), устав Центр. сел.-хоз. банка РСФСР («С. У.» 1925 г., отд. II, № 4, ст. 9) и др.

В ГПК не содержится никаких указаний на порядок обращения взыскания недоимок, налогов и сборов на суммы, находящиеся в кредитных учреждениях. Верховный суд в циркуляре от 16 июля 1924 г. № 22 («Е. С. Ю.» № 30 1924 г.), разъяснил, что в таких случаях суд, по требованиям производящего взыскание государственного учреждения, выдает судебные приказы по правилам ст.ст. 210—219 ГПК (см. также циркуляр НКЮ от 21 января 1925 г. № 27 в «Ежен. Сов. Юст.» № 4 1925 г.).

В виду признанной законом необходимости соблюдения тайны кредитных учреждений, следует сохранить существующий порядок обращения взысканий на вклады, включив в соответствующие правила ГПК.

Есть еще некоторые категории дел, находящихся в производстве судов, по существу бесспорных, но которые целесообразно оставить в ведении суда.

2. Признание безвестно-отсутствующих умершими (приложение 2-е к Гражд. Код., к ст. 12) влечет настолько серьезные последствия, что право объявления безвестно-отсутствующих умершими следует предоставлять только судебным учреждениям.

3. Следует включить в ГПК правила статьи 329 УПК: в случае необходимости произвести подробный расчет по гражданскому иску или необходимости собрать в отношении последнего дополнительные сведения суд вправе признать право на удовлетворение иска и передать его в соответствующий суд для определения в порядке гражданского судопроизводства о размерах его удовлетворения.

4. Пленум Верховного суда РСФСР в заседании от 24 ноября 1924 г. (прот. № 22) разъяснил, что судам

предоставляется применительно к ст. 121 УПК, допускать обеспечение будущих бесспорных исковых требований государственных учреждений и предприятий к частным лицам по гражданским делам, если бесспорно устанавливается, что необеспечение иска влечет за собой неисправимый ущерб для государства.

Это правило, выдвинутое жизнью, имеющее в виду государственные интересы, также следует включить в ГПК, в отдел особых производств, так как это обеспечение касается претензий, по которым иск еще не предъявлен.

5. Народные судьи портовых городов знают еще одно производство, не предусмотренное ГПК, производство расчетов по общей аварии (диспаш) («Собр. Узак.» 1920 г. № 87, ст. 443). «Общей аварией считается ущерб, намеренно причиненный судну или грузу или тому и другому по распоряжению капитана ради спасения судна и груза от грозившей морской опасности, а также повреждения и издержки, явившиеся прямым последствием принятых мер спасения. Убытки от общей аварии распределяются между судном, грузом и фрахтом» (ст. 2). Заявления о производстве аварийного расчета подаются народному суду. Народный суд назначает диспашера для составления расчетов, утверждает расчет диспашера и разрешает споры, возникающие по поводу диспаша.

В настоящее время на рассмотрении законодательных учреждений СССР находится проект Наркомвнешторга: положение о диспашерах. По этому проекту диспашеры назначаются фрахтовыми бюро, по соглашению с НКЮ, и утверждаются центральным фрахтовым совещанием. Диспаша составляются диспашерами без участия суда. При отсутствии спора диспаша считается обязательной для заинтересованных сторон. Спор по диспаше может быть предъявлен только в общеисковом порядке.

Таким образом, по законопроекту дела расчетов по морским авариям могут рассматриваться судом только в общеисковом порядке.

6. Жалобы на действия судебного исполнителя по исполнению судебных решений (ст. 270 ГПК).

Сводя воедино все сказанное, мы полагаем, что из дел особого производства в ведении народных судей следует оставить: 1) выдачу исполнительных листов по решениям третейских судов, 2) жалобы на действия судебного исполнителя, 3) определение размеров удовлетворения гражданского иска по делам, переданным для этого из уголовных судов, 4) признание безвестно-отсутствующих умершими и 5) обеспечение будущих исковых требований государственных учреждений и предприятий к частным лицам. Из всех этих дел только жалобы на действия судебных исполнителей встречаются более или менее часто.

В нотариат отойдут дела: 1) о выдаче удостоверений о переходе наследственных прав, 2) депозиты, 3) исполнительные надписи на актах, 4) морские протесты.

В тех городах и поселениях, где нотариальные конторы не учреждены, эти вновь передаваемые нотариальным конторам функции на общем основании примечания 2-го к ст. 52 положения о судопроизводстве должны будут производить народные судьи.

П. Трунев.

Проект Кодекса законов о браке, семье и опеке¹⁾.

17 октября с/г. на обсуждение 2-й сессии ВЦИК^а был внесен проект нового Кодекса законов о браке, семье и опеке, содержащий в отделе о браке значительные новшества принципиального характера по сравнению с ныне действующим законодательством.

Основное нововведение этого отдела заключается в 1 и 2 статьях проекта, объявляющих (не дословно, но по смыслу) регистрацию брака факультативной, этим самым приравнивая «фактические брачные отношения» к оформленным в ЗАГС^е как со стороны их правовой защиты, так и юридических последствий.

Этому основному моменту мы и посвящаем настоящую статью.

Считая, что полемика, имевшая место по поводу проекта как в прессе, так и на 2-й сессии ВЦИК^а, достаточно осветила этот вопрос с социально-политической стороны, мы ограничимся только чисто юридическим анализом предложенного проекта.

Являясь результатом желания законодателя обеспечить интересы нелегалizованных супружеских пар, новый принцип брачного права, наделяющий фактические брачные отношения правовыми атрибутами доныне существовавшего брака, как явление формального порядка, несостоятелен по самой своей природе.

Это явствует из того, что существование брачных отношений, в силу причин морально-бытового характера, на всем протяжении истории связало с соблюдением известных формальностей (таинство в религиозном браке и в последнее время договор в гражданском браке) — необходимого и вместе с тем достаточного условия для возникновения брачных отношений.

Конечно, взаимные отношения супругов, носящие чисто фактический характер, сами собой разумеются при формальном браке, однако, не обязательны, что следует хотя бы из того, что во всех доныне существовавших Кодексах моменты, препятствующие фактическому осуществлению супружеских отношений (как болезнь супруга и т. п.), служат только законными поводами для развода, но никак не противостоят идее брака. Этим исключительным преобладанием формы над фактом и объясняется полное отсутствие в науке какого-либо определения брака по содержанию.

Авторы разбираемого проекта, однако, очевидно упустили из виду, что, оперируя таким издавна существующим понятием, как брак, нужно хотя бы отчасти согласоваться с его историко-правовой сущностью, и поэтому не приняли во внимание, что с отменой обязательной регистрации вообще всякое представление о сущности брака в проектируемом кодексе будет отсутствовать.

Ведь говоря о «фактическом браке», мы в сущности подразумеваем ряд отношений, сопутствующих браку формальному, за отсутствием последнего, ничем не объединенных и никоим образом не дающих основания для образования какого-либо нового юридического целого.

Поэтому, при обсуждении проектов, отменяющих обязательность регистрации браков, всегда чувствуется необходимость в каком-то «фактическом» определении. Так почти аналогичный закон на Украине побуждает одного из составителей и в то же время комментаторов его, тов. Мазуренко, дать определение брака настолько типичное для «реалистически-матримониального» направления, что на него полезно обратить внимание. Согласно его мысли брак это есть «отношение совместного сожительства, основанного на началах любви, дружбы, сотрудничества»¹⁾.

Эта формула, однако, как легко убедиться, бессодержательна и в корне неправильна, ибо если центр тяжести ее лежит в наличии совместного сожительства (термин, равнозначный браку), то, значит, брак определяется браком же; если же основным моментом в браке будут любовь, дружба и т. д., то, как мы уже говорили выше, методологически недопустима попытка объявить простую сумму элементов (да к тому с весьма большим трудом определимых) новым специфически-отличным явлением, именуемым браком. Это тем более недопустимо, что народное правосознание и закон должны допускать и допускают возможность существования брака и без любви, и без дружбы, и без постоянного сотрудничества, в частности экономического (право на экономическое самоопределение супругов), и без совместного сожительства (согласно ст. 11 проекта) и т. д., так же, как и, наоборот, наличие любви, половой связи, экономической взаимозависимости еще не создает брака. В противном случае объяснение в любви, проституция, наем прислуги (чем не совместная жизнь, основанная на ведении общего хозяйства: ведь наемные отношения, согласно ст. 13 проекта, не препятствуют браку) чреватые самыми неожиданными последствиями для «контрагентов».

К таким же результатам ведут и аналогичные попытки определить брак по содержанию, лучшей иллюстрацией к которой является деятельность специальной законодательной комиссии, которая так и не дала определения.

Не доверяя поэтому определениям, некоторые юристы в стремлении уничтожить привилегированное значение регистрации заходят так далеко, что пытаются обосновать брак на «ощущениях и переживаниях судьи»²⁾. Мы склонны, однако, думать, что Наркомюст, вопреки советам автора, не возложит на суд таких обязанностей.

Совершенно ясно, почему попытки подойти к браку с реалистической точки зрения терпят неудачу. Эта неудача, как уже было сказано, вызывается исключительно формальной сущностью брака. В то время, как всякий договор (например, мена или купля-продажа) объединяет в себе целый ряд взаимных обязательств договариваю-

¹⁾ Мазуренко. «Вопросы семейного и брачного права».

²⁾ Григ. Рындзюнский. «Еженед. Сов. Юст.» за 1924 г. (№ 7—8).

щихся сторон, основанных всецело на их воле, соглашение о вступлении в брак содержит в себе только себя самое¹⁾; дальнейшие юридические последствия²⁾ вытекают уже не из этого договора, но из факта заключения брака—в публично-правовом порядке³⁾—и относятся к его содержанию в такой же степени, как ряд прав, возникающих в силу закона у наследников, будет юридическим содержанием смерти наследодателя.

Поэтому, если можно говорить о факте мены или купли-продажи, подразумевая под этим осуществление обязанностей, лежащих в основе этих договоров,—реального содержания брака в силу его особой природы, которую мы отметили, вообще не существует; а раз так, то совершенно естественно, что все попытки освободиться от «ненужных формальностей» регистрации приводят к исчезновению самого института брака, что мы и видим воочию на примере нашего проекта.

Казалось бы, все же, что хотя проект ставит перед нашим советским судьей непосильную задачу разобратся в «фактических отношениях»,—в случае регистрации брака (она ведь все таки не запрещается) супруги и при новом законе могут быть уверены в своем праве защищать судебным порядком свои интересы. Предположение это, однако, по нашему мнению, было бы мало основательным, и вот по каким соображениям.

Согласно мысли законодателя (ст. ст. 1 и 2 проекта) регистрация служит «техническим средством»⁴⁾ для оформления уже существующих брачных отношений, «способом к облегчению охраны интересов супругов», а отсюда следует, что регистрация не имеет самостоятельного значения, как источник возникновения брака⁵⁾, ибо брак есть явление фактического порядка, хотя и не определенное законом.

Утверждать противоположное (то, что и факт и регистрация одинаково являются источниками брака) невозможно, ибо прямой смысл только что цитированной ст. 1 противоречит такому заключению, да, кроме того, два явления различного порядка не могут быть определены одним общим термином.

Принимая же во внимание, что по проекту брак основывается на фактических отношениях, логически последовательно признать, что регистрация имеет юридическую силу лишь постольку, поскольку свидетельствует действительное наличие этих отношений, но не создает юридически чего-то нового.

Отсюда можно сделать следующие выводы:

I. Регистрация может заверять только существующие или бывшие брачные отношения, но не те, которые должны наступить (как это имеет место в настоящее время), ибо, повторяем, запись в ЗАГС'е не есть договор, создающий новое

юридическое отношение, по определенным способ доказательства на суде факта существования брака до момента регистрации, но не после него, а при предлагаемой нами постановке вопроса регистрации: а) не создает для супругов наследственных прав постольку, поскольку естественно муж и жена в момент регистрации живы, а после нее могут и не быть в браке, так как, еще раз настойчиво подчеркиваем, оформление брачных отношений в ЗАГС'е не распространяется на будущее время; б) хотя действительно является законной презумпцией прав на алименты и общность имущества супругов, приобретенного за время до регистрации, но какой же в ней тогда смысл? Предполагая, что обязанный супруг добровольно признает свой долг, вытекающий из дорегистрационных отношений, регистрация не нужна, не захочет признать, то, конечно, и регистрироваться не пойдет.

II. Вообще, какое-либо значение за регистрацией может быть признано лишь в том случае, если факт регистрации безоговорочно подтверждает факт брака, а так как ст. 1 придает ей лишь роль средства для «облегчения охраны интересов супругов», средства отнюдь не бесспорного, то вполне допустимо такое явление, что, несмотря на соблюдение всех формальностей, брак (как фактическое явление) может считаться не имевшим места. Помимо чисто гражданско-правовых результатов такого случая, зарегистрированные супруги могут быть привлечены к ответственности в уголовном порядке за сообщение ложных сведений (умышленно или неумышленно) органам государства¹⁾.

Итак, строго стоя на почве брака-факта, проект отнимает у регистрации какое бы то ни было содержание.

Составители проекта, очевидно, сами чувствуют слабость своего отправного пункта, потому что в проекте есть ст. ст. 7—8 и примечание к ст. 14, отдающие принципами ныне еще действующего семейного кодекса.

Совершенно непонятно упоминание о разводе в проекте, ибо там, где брак есть только факт и развод является тем же фактом, основанным либо на воле одного из супругов, либо на обоюдном желании, упоминание о разводе просто не нужно. Если же ст. ст. 7 и 8 относятся только к зарегистрированному браку, то тут несомненно противоречие с общей тенденцией рассматривать регистрацию, как способ установления факта брака, а не как договор, который может быть расторгнут разводом. То же относится и к примечанию к ст. 14, на несоответствие которой духу разбираемого проекта указывал на сессии уже и тов. Крыленко²⁾.

«Способ охраны интересов...» и т. п. (ст. 1) превращается в особую привилегию зарегистрированных супругов (прим. к ст. 14).

В заключение мы остановимся еще на одном пункте, имеющем большое практическое и принципиальное значение.

Проект, основывая брак на фактических отношениях, в сущности говоря, уничтожает

¹⁾ Так, Загоровский—«Курс семейного права».

²⁾ Ср. Шершеневич—«Курс гражд. права», т. 2, стр. 264.

³⁾ В том числе и обычно включаемые в буржуазные кодексы статьи о «взаимной любви, верности, почете» и т. д. (так, ст. ст. 106—107 зак. гр. и ст. ст. 230—237 проекта гр. улож. и проч.).

⁴⁾ Курский (доклад на 2-й сессии ВЦИК).

⁵⁾ Так Бранденбургский (речь на 2 сессии ВЦИК): «Брак имеет последствия не в силу регистрации его, а в силу самого факта брачных взаимоотношений», и др.

¹⁾ Ср. Красиков (речь на 2-й сессии ВЦИК'а).

²⁾ Впрочем, ст. 14 не включена Совнаркомом в новейшую редакцию разбираемого проекта Наркомюста.

недействительность брака. Рассуждая последовательно, законом должны защищаться браки между несовершеннолетними, кровосмешение, многоженство, браки между душевно-больными, без согласия одной стороны или обоих и т. п.¹⁾), ибо глава 2-я говорит об условиях регистрации брака, а не брака, как такового.

Уголовное же преследование этих уродливых отношений настолько же рационально с точки зрения общего предупреждения, как и наказание вора, получающего украденное в полную собственность. Принимая, кроме того, во внимание общую половую распушенность, о которой неоднократно уже поднимался вопрос в нашей печати, строгое проведение законов, карающих за многоженство, за браки с (или между) несовершеннолетними

и т. п. привело бы к переполнению тюрем несметным количеством «прирожденных преступников», хотя вряд ли эта мера могла бы способствовать упорядочению супружеских отношений. Опыт истории показывает, что здесь нужно общее поднятие морального уровня, а не законодательное вмешательство.

Резюмируя изложенное, можно подвести его к следующему заключительному итогу.

Проектируемая отмена обязательной регистрации ни в коем случае неприемлема, ибо в результате ее вообще уничтожается понятие брака—формального института, вследствие чего даже имеющая место регистрация теряет всякое юридическое значение.

Е. Розенберг.

Ответственность двора по выпладе алиментов.

В проекте нового Кодекса о браке, семье и опеке²⁾ упоминается так же, как и в прежнем Кодексе об актах гражданского состояния, получившая развитие в циркуляре НКЮ № 159—1923 г. обязанность прямых и нисходящих родственников и членов двора по содержанию детей при отсутствии средств у родителей детей.

Если данное положение об ответственности за действия других лиц и имело хоть какое-нибудь оправдание в начальный период революции, то в настоящее время оно (особенно в крестьянском дворе) неприемлемо по принципиальным и практическим соображениям.

Так как новый проект сессией ВЦИК отложен до дня передачи его на обсуждение на места, необходимо по данному конкретно вопросу высказать нижеследующие соображения.

Нельзя обязанность родителей по содержанию детей возлагать на лиц, хотя бы и родственников, но никакого отношения к указанным действиям и последствиям не имеющих.

В самом деле. Один из членов двора (примерно, молодой парень) вступил в сожительство с другим членом другого двора (девицей), родился ребенок. На каком же основании остальные члены двора должны нести материальную ответственность? Ст. 71 Земельного Кодекса, устанавливает, как

обязательное правило, что имущество двора не может быть присуждено в уплату за долги отдельных членов, если они не совершались в интересах целого двора. Поскольку обязательства по алиментам есть тоже своего рода «долговые обязательства» и притом касающиеся исключительно личных интересов, мне кажется неправильным обращать взимание по этим обязательствам на общее имущество (кроме причитающейся из него доли). На практике может получиться (и получается), что один из членов двора не будет считаться вовсе с материальным положением двора. Значит ли это, что за его распушенное поведение должны нести ответственность остальные члены двора своей частью имущества? Эти действия могут привести или к искусственному и необходимому разделу, или к уничтожению трудового принципа и потере заинтересованности в развитии двора остальных членов.

Материальную ответственность должны нести лишь родители и только в размерах им лично причитающейся части во дворе. Двор в целом не должен нести ответственности за подобные действия отдельных членов, если он сам по каким-либо причинам не изъясняет на это своего согласия.

И. Л.

Движение личного состава прокуратуры РСФСР за 1-ое полугодие 1925 года.

(Сравнительные данные).

Степень укомплектования прокуратуры.

Как отмечалось в отчете за 1924 г., численность личного состава прокуратуры за все время ее суще-

ствования никогда не достигала штатной нормы, имея, однако, возрастающую тенденцию приближения к ней. Это остается вполне верным и для первого полугодия 1925 г. как для отдельных прокуратур, так и для прокуратуры в целом.

Прокурор Северо-Кавказского края отмечает: «В момент реорганизации некомплект прокурор-

¹⁾ Красиков (речь на 2-й сессии ВЦИК'а).

²⁾ Автор имеет в виду проект НКЮ, напечатанный в № 48 «Ежен. Сов. Юст.» 1924 г. Статья печатается в порядке дискуссии. Редакция.

ского состава достигла 17 единиц (21,2%) и, несмотря на то, что за период июль—декабрь 1924 г. штаты были пополнены на 21 единицу и с введением после 1 января новых штатов потребовались еще 25 единиц (23% недокомплекта), чтобы укомплектовать штаты на 100%, эта задача была прокуратурой разрешена почти полностью: на последнее число отчетного месяца некомплект помпрокурора имеет место в следующих прокуратурах: Северо-Осетинской — 4, Ингушской — 1, Сунженской — 1, а всего 6 человек*.

Для всей прокуратуры процент недокомплекта составлял к 1 января 1924 г. 22,8%, к 1 января 1925 г. — 12,3% и к 1 июля 1925 г. — 8,1%.

Таким образом, первое полугодие 1925 г. характеризуется значительным снижением процента недокомплекта помощников прокурора (с 12,3 до 8,1).

Если тем не менее недокомплект окончательно все еще не изжит и в данном полугодии, то это — в подавляющей степени результат не недостатка пастойности отдельных прокуроров, а сознательного воздержания от укомплектования штатов работниками недостаточной подготовки: вопрос ставился в плоскость не только количественного, но и качественного подбора работников. Центральная Прокуратура уделяла усиленное внимание тщательному изучению личного состава путем ревизий, вызовов, проверки личных дел и иными способами в целях устранения балласта, с одной стороны, и более целесообразной перегруппировки — с другой.

О степени устойчивости и текучести личного состава прокуратуры РСФСР имеем такие данные:

Наименование должностей.	Отчислено.	Новые назначено.	Перемещено.
Прокуроров	13/14	13/13	7/0
Помпрокурора	216/129	382/211	116/38 *)

Таким образом, как в процентном отношении ко всему количеству лиц прокурорского состава, так и в абсолютных цифрах имеем гораздо большую устойчивость и понижение текучести в 1 пол. 1925 г.; так в процентном отношении уменьшилось: число отчислений помпрокурора — с 28% до 15,4%, а новых назначений их — с 50% до 25,2%, перемещений — с 15% до 4,5%.

Уменьшение за истекшее полугодие сравнительно с предшествующим количества отчислений, назначений и перемещений показывает, что работа в направлении улучшения состава, проделанная во 2-м полугодии 1924 г., имела своим результатом большую устойчивость личного состава в данном полугодии (1925 г.).

Усиление партийного состава.

Одним из существенных достижений за истекшее полугодие в области улучшения личного состава

является значительное усиление партийного состава прокуратуры. О размерах его можно судить по следующим сравнительным данным:

Состояло:	Прокуроров.		Помпрокуроров.	
	Партийн.	Беспарт.	Партийных.	Беспарт. ных.
На 1/I—24 г.	63	2	515	150 (22,7%)
На 1/I—25 г.	57	—	642	128 (16,6%)
На 1/VII—25 г.	57	—	741	97 (13%)

Число беспартийных помощников прокурора уменьшилось с 128 до 97, несмотря на увеличение общего числа помощников прокурора с 612 до 741; в процентном отношении уменьшение числа беспартийных помпрокурора выразилось с 22,7% (на 1 января 1924 г.) и 16,6% (на 1 января 1925 г.) до 13% (на 1 июля 1925 г.).

Распределение партийного состава по партстажу также дает в общем благоприятные показания за отчетное полугодие.

По сравнению с состоянием на 1 января 1924 г. число партийцев-прокуроров со стажем до 1917 года увеличилось более чем вдвое.

Что же касается помпрокурора, то, на ряду с уменьшением на 8 числа их со стажем до 1917 г., имеем увеличение на 31 со стажем с 1917 года, на 48 — с 1918 г., на 60 — с 1919 г. и на 36 — с 1920 г.

Изменение личного состава по социальному положению.

Изменение личного состава по социальному положению выразилось:

	Прокуроров.		Помпрокурора.	
	Рабочих.	Крестьян.	Интелл. и служащих.	
На 1/I—24 г.				
По соц. полож. до револ.	13 (20%)	1 (1,6%)	51 (78,3%)	
По происхождению . . .	20 (30,3%)	15 (38,4%)	20 (30,8%)	
На 1/I—25 г.				
По соц. полож. до револ.	11 (19,3%)	1 (1,7%)	45 (79%)	
По происхождению . . .	21 (36,8%)	20 (35,1%)	16 (28,1%)	
На 1/VII—25 г.				
По соц. полож. до револ.	17 (29,8%)	2 (3,6%)	38 (66,6%)	
По происхождению . . .	25 (43,8%)	17 (29,8%)	15 (26,3%)	
На 1/I—24 г.				
По соц. полож. до револ.	147 (22,1%)	46 (7%)	472 (70,9%)	
По происхождению . . .	196 (29,5%)	210 (31,5%)	259 (39%)	
На 1/I—25 г.				
По соц. полож. до револ.	211 (27,4%)	71 (9,2%)	488 (63,4%)	
По происхождению . . .	267 (34,6%)	264 (34,2%)	239 (31,2%)	
На 1/VII—25 г.				
По соц. полож. до револ.	247 (29,4%)	87 (10,4%)	504 (60,2%)	
По происхождению . . .	307 (36,5%)	285 (34,1%)	244 (29,3%)	

Приведенные данные доказывают значительный рост за данное полугодие (как в абсолютных, так и относительных цифрах) рабочей части личного состава прокуроров; с 19,3% (по признаку социального положения до революции) и 36,8% (по признаку происхождения) соответственно до 29,8 и 43,8%.

*) Числитель относится ко 2-му полугодью 1924 г., знаменатель — к 1 полугодью 1925 года

Хотя не с такой интенсивностью, но все же продвинулось вперед орабочение и помпрокурора (с 27,4 и 34,6% до 29,4 и 36,5%).

Тот факт, что численность крестьянской группы, как видно из приведенных цифр, оставалась устойчивой, доказывает, что рост рабочей группы совершался за счет соответствующего уменьшения численности группы интеллигентов и служащих. Таков общий вывод, не исключающий необходимости дальнейшего увеличения рабочей и крестьянской прослойки.

Практическая подготовка и образовательный ценз.

В смысле практического стажа состав прокуроров, несомненно, улучшился. Это доказывается хотя бы тем фактом, что процент прокуроров с одногодичным стажем практической работы в органах советской юстиции на первое июля 1925 года сравнительно с состоянием на первое января 1924 года уменьшился почти вдвое (с 23% до 12,3%), между тем как процент прокуроров с трехгодичным стажем увеличился на половину, а с шестилетним стажем—почти в два с половиной раза.

Тот же в общем вывод можно сделать и в отношении помощников прокурора. Правда, в связи с привлечением выдвиженцев в прокурорскую работу из числа рабочих мы видим на 1 июля с. г. в составе помпрокурора 16,9% лиц, не имеющих вовсе практического стажа, что составляет на 7,2% больше, чем к январю прошлого года. Но зато почти в два с половиною раза уменьшился процент лиц с одногодичным стажем за счет увеличения работников с более солидным стажем. Конечно, отчасти повышение практического стажа объясняется просто устойчивостью определенной части работников. Отчасти оно—результат подбора работников. Но как бы то ни было в указанном отношении факт качественного улучшения налицо.

Со стороны образовательного ценза состояние личного состава прокуроров существенных изменений не потерпело. Правда, мы имеем уменьшение на 10,6% числа прокуроров с высшим образованием; но это отчасти компенсируется увеличением на 7% прокуроров со средним образованием. Что же касается помощников прокурора, то со стороны образовательного ценза имеем признаки отрицательного характера: уменьшение на 6,2% с высшим образованием, уменьшение на 2% со средним и одновременно увеличение процента работников с низшим образованием на 8,5.

Штатный вопрос.

Огромный рост работы прокуратуры в связи с возрастающей борьбой за укрепление революционной законности и директивой максимального усиления работы в деревне выдвинул вопрос об усилении штатов прокурорского надзора, как один из самых серьезных и больших вопросов.

О необходимости для возможности нормального охвата и развертывания прокурорской работы рез-

кого увеличения ее штатов, особенно в уездах, говорили решительно все отчеты с мест за прошлое полугодие, о ней же говорят все сообщения с мест за 1-е полугодие 1925 г.

Из данных по Северо-Кавказскому краю видно, что в среднем в округах Сев.-Кавк. края приходится на уч. помпрокурора 145.572 души населения, а для Кубани эта цифра повышается до 310.498 человек, при чем на каждый участок приходится в среднем по 4 района, 7 следучастков и по 7½ суд. участков.

«Деятельность аппарата прокуратуры может быть охарактеризована, как работа машины перегруженной, с неизбежными при этом перебоями и пережатостями в работе»,—замечает другой прокурор (Вотской области).

Штат Забайкальской губпрокуратуры был установлен Центральной Прокуратурой в 43 человека, Дальревкомом—33, в каком количестве он фактически и существовал. В результате в уездах помпрокурора выполняют у себя обязанности и курьеров.

«Указанный штат (констатирует тверской прокурор) с возложенными на него обязанностями справляется с большой натяжкой. Рабочий день каждого помпрокурора в среднем равняется 12—14 час. в сутки».

Необходимость увеличения штатов прокурорского надзора единодушно признана всеми местными руководящими органами.

Так в резолюции по докладу губпрокурора пленум Ленинградского губкома в целях усиления работы в деревне признал крайне необходимым создание второй должности помпрокурора в уездах Ленингр. губернии, а в Троицком уезде двух новых должностей с соответствующим увеличением технического штата.

Такие же резолюции мы имеем почти по всем губерниям и областям. Далее относительно состава технических сотрудников.

«В уездных прокуратурах состав технических сотрудников очень слаб, и на местах их найти при наших ставках невозможно,—так характеризует положение вещей прокурор Томской губернии.

Прокурор Вологодской губернии замечает: «Канцелярский состав в уездах до смешного мал, до того, что во многих случаях я вынужден отказываться от необходимых работ или исследований, заранее зная о невозможности их выполнения».

Сама жизнь диктовала и диктует крайнюю необходимость расширения штатов улучшения материальных условий работы как технических сотрудников, так и прокуратуры в целом (увеличение ставок, кредитов на разъезды, на уплату сверхурочных работ и т. п.).

Ныне, когда штаты прокуратуры РСФСР увеличены по сравнению с теми, какие были до сих пор, на 1.304 единицы (в том числе на 460 лиц прокурорского состава), подведен реальный базис под то «укрепление и расширение правильной работы прокуратуры», которое III Съезд Советов Союза ССР признал одним из необходимых мероприятий для проведения твердых начал революционной законности.

Н. Лаговнер.

Киноинсценировка чужих произведений.

1.

Еще около 20 тому назад этот вопрос сильно волновал западно-европейские юридические и литературные круги, пока, наконец, законодательства не разрешили его в смысле недопустимости киноинсценировок чужих произведений без согласия их авторов; соответствующие оговорки стали вноситься и в международные конвенции.

В русском дореволюционном законе об авторском праве (20 марта 1911 г.) определенных указаний по этому вопросу не было, не обсуждался он сколько-нибудь подробно и в литературе, если не считать нескольких заметок в «Праве». В монографии Я. А. Канторовича «Авторское право» по этому вопросу приведен интересный иностранный материал, но самостоятельного разрешения вопроса с точки зрения закона 20 марта также не дано. В судебной практике вопрос о возможности экранизации чужого литературного произведения без согласия его автора впервые возник лишь в 1916 г., но окончательно разрешен не был.

При таких условиях статья т. Кусикова «Кино и авторское право» в № 31 «Ежен. Сов. Юст.», значительная часть которой посвящена этому вопросу, получает особый интерес, как первая попытка разрешения его с точки зрения постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января т. г. об основах авторского права.

Вопрос этот ставится т. Кусиковым в форме вопроса о том, на какие киносценарии распространяется авторское право.

Казалось бы, что этот вопрос не может вызывать сомнений, так как на него в отличие от дореволюционного закона в ст. 2 дан прямой и совершенно ясный ответ: авторское право распространяется на кинематографические сценарии, имеющие свойства самостоятельных произведений. Из этого следует, что на те кинематографические сценарии, которые не имеют свойств самостоятельных произведений, в частности, которые написаны на заимствованный сюжет, авторское право не распространяется. Другими словами, киноинсценировки литературных произведений без согласия автора наш закон не разрешает.

Однако, т. Кусиков находит, что такой вывод основан лишь на букве закона, по существу же, очевидно, с точки зрения его общих принципов, он является неправильным. В подтверждение этого т. Кусиков указывает, что наш закон в охране авторского права не отличается той строгостью, которой проникнуты в этом отношении буржуазные законодательства, а, наоборот, дает весь широкий простор легальным позаимствованиям (ст. 4). Так, не считается нарушением авторского права перевод произведения на другой язык, использование композитором для своего музыкального произведения текста, заимствованного из чужого произведения, исполнение чужих драматических, музыкальных и кинематографических произведений в красноармейских и рабочих клубах

при условии невзимания платы с посетителей, пользование чужим произведением для создания нового, существенно от него отличающегося, и т. д.

Остаиваясь на этом последнем ограничении авторского права, как самом подходящем к рассматриваемому вопросу, т. Кусиков высказывает два положения: 1) литературные, драматические и кинематографические произведения существенно отличаются друг от друга уже по одному тому, что относятся к совершенно различным видам творческой и умственной деятельности автора, ибо первые создаются для чтения и производят на нас впечатление внутренним и внешним богатством своего изложения, вторые главным образом рассчитаны на наши зрительные переживания, а третьи—исключительно на зрительные; и 2) таких киносценариев, которые слово в слово, буква в букву повторяют чужое произведение, нет и быть не может, и требуется большое и исключительное дарование киносценариста, чтобы приспособить чужое литературное или драматическое произведение для кино. Поэтому, заключает т. Кусиков, всякий сценарий, в основе которого лежит чужой драматический или литературный сюжет, есть создание нового произведения, существенно отличающегося от того произведения, которое послужило для него сюжетом, и, следовательно, на всякий сценарий у автора его создается самостоятельное авторское право. Другими словами, по мнению т. Кусикова, выходит, что, говоря о киносценариях, имеющих свойства самостоятельных произведений, закон под этим понимает киносценарии, построенные по чужим произведениям, т. е. не самостоятельные. Такой совершенно невероятный вывод уже сам по себе указывает, что в аргументации т. Кусикова не все обстоит благополучно.

Прежде всего вызывает серьезные недоумения положение автора о коренном различии между литературным, драматическим и кинематографическим произведением в том виде, как оно изложено. В самом деле, разве драматическое произведение не является произведением литературным? Разве, например, «Ревизор» рассчитан, главным образом, на наши зрительные переживания? Разве В. И. Ленин придавал кино исключительно громадное значение ради «исключительно зрительных переживаний»? При всем различии между повествовательным и драматическим произведением, и притом различии лишь в форме, а не по существу, между ними то общее, что оба они относятся к литературе, так как и «писатель», и «драматург» одинаково пользуются словом. Что касается драматических и кинематографических произведений, то, как видно из слов самого т. Кусикова, разница между ними не качественная, а лишь количественная, ибо и драма, и кино рассчитаны на наши зрительные переживания, только драма—«главным образом», а кино—«исключительно». Таким образом, оказывается, что между кино и повествовательным произведением легко может быть перекинут мостик через драматическую форму, которая сближает между собой эти, казалось бы с первого взгляда, существенно различные друг от друга рода искусства.

Второе положение автора о том, что литературное произведение, в том числе и драматическое, не может быть прямо перенесено на экран и требует для этого приспособления в виде многочисленных изменений, сокращений и дополнений, совершенно правильно, но что же из этого следует? Требуется доказать, что киносценарий по чужому произведению является произведением новым в смысле 4 ст., а доказывается это тем, что для экранизации необходимо приспособить чужое произведение, как будто создание нового и передача уже созданного одно и то же. Между тем, это далеко не одно и то же.

2.

В п. «б» 4 ст., правда, не указано, в чем должно состоять существенное отличие произведения для того, чтобы оно могло считаться новым по сравнению с использованным, но в нем весьма ясно изложено, что не считается нарушением авторского права пользование чужим произведением для создания нового, существенно от него отличающегося, а не всякое пользование чужим произведением. Таким образом, закон требует, во-первых, создания в смысле творчества, во-вторых, новизны созданного произведения и, в-третьих, существенного отличия его от прообраза. Лишь при совокупности этих условий получается новое или, как выражается 2 ст., самостоятельное произведение.

Классическим примером создания новых произведений на основе прежних считаются пьесы Шекспира, сюжеты которых, как известно, в большинстве случаев заимствованы из английских, итальянских и др. новелл, по свидетельству историков литературы, крайне бледных и неинтересных и преобразованных лишь гением Шекспира. Другим примером самостоятельного творчества являются Мольеровский Гарпагон, Пушкинский Скупой Рыцарь и Гоголевский Плюшкин—все образы скупцов, но каждый существенно отличается от другого.

Конечно, Пушкины и Гоголи рождаются не каждый день, но все же при всей снисходительности и нетребовательности нельзя не только что приравнять, но даже сравнивать с творчеством «приспособления» по указанному выше рецепту. Критика о такого рода «произведениях» говорит, как о «стряпне», а литераторы считают такое «приспособление» простым кромсанием их произведений. Если бы произведение могло быть перенесено на экран «буква в букву», то в этом случае речь шла бы о простом, совершенно ничем неприкрытом списывании. Если же списывание произведено с изменениями, дополнениями и сокращениями, то от этого оно не перестает быть списыванием, не обращается в «создание» в смысле творчества, а в лучшем случае будет простым, более или менее грамотным пересказом или, говоря школьным языком, переложением. Едва ли может быть какое-либо сомнение, что п. «б» 4 ст. имеет в виду не то.

Что киносценарий по чужим произведениям является лишь «приспособлением» их к условиям и возможностям кино, об этом говорит сам т. Кусиков, и это же, что в данном случае особенно важно, подчеркивается законом.

В ст. 2 указано, что кинематографические сценарии могут быть предметом авторского права не безусловно, как все другого рода произведения, а лишь при условии, что они имеют свойства самостоятельных произведений. Спрашивается, почему такого рода условие предъявлено только к киносценариям? Ведь, самостоятельность произведения есть общее условие для признания авторского на него права, и потому, казалось бы, нет надобности оговаривать его особо и парочито подчеркивать в отношении кино? Несомненно, что при обсуждении вопроса о возможности распространения авторского права на киносценарии законодатель не мог закрывать глаза на тот общеизвестный факт, что киносценарии в 99 случаях из 100 пишутся «по роману» того или иного автора, используя для кино все, что только возможно, от «Нибелунгов» до «Моники Лербье». Вот этот-то общеизвестный факт и нашел свое отражение в редакции 2 ст., которая в полном соответствии с самым характером авторского права, как права на собственное произведение, признает его лишь за киносценариями на самостоятельный сюжет, отказывая в таком признании киносценариям с «приспособленным» сюжетом. Этой оговоркой законодатель не только попал «не в бровь, а в глаз» кино, но и совершенно ясно подчеркнул, что кино, по преимуществу, живет чужим умом, что это он, закон, не поощряет, и принимает на себя охрану лишь тех киносценариев, которые в отношении самостоятельности удовлетворяют тем же требованиям, какие установлены для остальных объектов авторского права.

Однако, закон не только не поощряет «приспособлений» для кино чужих произведений, он прямо их запрещает.

Согласно 13 ст. издатель, а к изданию приравнивается и публичное исполнение драматических, музыкальных и музыкально-драматических произведений (ст. 10), не вправе без согласия автора вносить какие-либо (не многочисленные, а какие-либо) дополнения, сокращения и вообще изменения ни в самое произведение, ни в его заглавие, ни даже в обозначение на нем имени автора, а равно не вправе и иллюстрировать его. Это значит, что авторское право распространяется на все произведение в целом, на содержание, на форму, заглавие и даже обозначение имени автора. Правда, закон говорит лишь об издателях и исполнителях чужих произведений, но, несомненно, что изложенный в 13 ст. запрет имеет общий характер, во-первых, в виду исключительности авторского права, а во-вторых, в виду того, что оно, как указано уже выше, охватывает собой все произведение в целом¹⁾. Поэтому, если, например, при издании «Двенадцати» в них нельзя изменить ни одной строчки, то точно так же нельзя переделать это стихотворение в повествовательную или драматическую форму.

Дело в том, что запрет изменять чужие произведения в каком бы то ни было отношении, в содержании или в форме, установлен законом не столько

¹⁾ Любопытно, между прочим, отметить, что в данном случае закон 31 января в охране авторского права строже закона 1911 г., который разрешал издателю и исполнителю в чужое произведение изменения, в согласии на которые автор не мог бы отказать по доброй совести (2 и 70 ст. ст.).

в интересах автора, сколько в интересах самого искусства. Автор, как создатель, как отец своего произведения («сжигаю выше дитя», говорит Гедда Габлер, бросая в камин рукопись Левборга), в котором выражена его умственная и нравственная личность, наконец, как общественный деятель, несущий перед обществом ответственность за свои произведения, кровно заинтересован, чтобы публика знала его произведения в их подлинном, а не в изменном виде. Что касается искусства, то основным его требованием является гармония между формой и содержанием, и потому автор уже в качестве художника вправе требовать, чтобы это основное требование искусства было охранено от всяких посягательств.

Большой интерес в этом отношении представляет письмо Достоевского к Н в ответ на ее просьбу разрешить ей переделку в драму только что вышедших тогда отдельным изданием «Бесов». Вот что писал Достоевский: «На счет же Вашего намерения извлечь из моего романа драму, то, конечно, я вполне согласен, да и за правило взял никогда таким попыткам не мешать, но не могу не заметить, что почти всегда подобные попытки не удавались, по крайней мере, вполне. Есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической. Я даже верю, что для разных форм искусства существуют и соответствующие им ряды поэтических мыслей, так что одна мысль не может быть никогда выражена в другой, несоответствующей ей форме. Другое дело, если Вы как можно больше переделаете и измените роман, сохранив от него лишь один какой-нибудь эпизод для переработки в драму, или, взяв первоначальную мысль, совершенно измените сюжет»...

Таким образом, беглый даже просмотр нашего закона показывает, что изменение, сокращение и дополнение чужого произведения, для чего бы это ни делалось, не только не считается им за создание нового произведения в смысле ст. 4, но и прямо им запрещается, как одно из грубейших нарушений авторского права и основных требований искусства.

3.

Не подлежит, однако, сомнению, что кино не литература, и средства воздействия его на массы совершенно иные, чем те, какими располагает литература и театр. Между тем, нельзя отрицать, что при обсуждении вопроса о том, является ли данное произведение новым или только повторением в измененном виде прежнего, имеет большое значение самый способ воспроизведения, самый род искусства. Это явствует из п. «и» 4 ст., согласно которому не считается нарушением авторских прав художника воспроизведение его картины скульптором и наоборот. Само собой понятно, что указанный в законе случай не единственно возможный. Так, например, хотя никаких указаний на этот счет в законе не имеется, не может быть сомнений, что «Буря» или «Манфред» Чайковского являются произведениями новыми, несмотря на то, что первая записана «по Шекспиру», а вторая—«по Байрону»,

не может быть сомнений потому, что Чайковский рисовал картины исключительно звуками, а одноименные произведения Шекспира и Байрона принадлежат к разряду литературных.

При таких условиях, какие могут быть разумные основания, чтобы смотреть на кино, как на какое-то бесправное, незаконное дитя искусства, и игнорировать ту, действительно, громадную разницу в средствах между ним и литературой, ту колоссальную творческую работу, которая предельно достигается для создания кинокартин, достигающих при современном уровне кинематографической техники высокой степени художественности? Этот вопрос совершенно естественен, и, поскольку он постоянно возникает в спорах между кино и литераторами, на нем стоит остановиться.

Кино, как способ воспроизведения, отличается двумя главными особенностями: 1) он передает лишь действия (движения и мимику), но не в силах передать звук, и 2) он передает не самые действия, как они происходят в действительности, а лишь изображения их на экране. Первой своей особенностью кино приближается к пантомиме, как безмолвной драме, и отличается от литературы, в том числе и от драмы в современном ее значении, как слова от действия. Вторая особенность сближает его с фотографией, от которой он, однако, отличается способностью передавать действия.

Таким образом, в кино две стороны: искусство и техника. Представителями первого являются автор произведения или киносценария, артисты и режиссер, а равно с'емщик; представителями техники являются изобретатель, оператор и машинист.

Техническая сторона кино значения в данном случае не имеет, так как посетителей кино меньше всего интересует, каким образом передается на экран картина, и, сидя в кино, они меньше всего думают об Эдиссоне. Зато публику интересует самая картина, занимательность сюжета, характеристика действующих лиц, игра артистов, постановка, и в этом лишь публика видит смысл кино, и в этой лишь плоскости кино является конкурентом театра. Необходимо, однако, отметить, что в то время, как артистам театра надо сыграть пьесу столько раз, сколько она ставится, артисты кино играют ее всего один лишь раз на с'емке, остальные представления перед публикой даются уже машинистом. В этом отношении кино имеет сходство с граммофоном.

Равным образом, для разрешения вопроса не имеет значения способ с'емки, как особый вид фотографирования, тем более, что до киносценария, как такового, с'емка не имеет никакого отношения. Поэтому останавлиюсь лишь на композиции кинокартины, как произведения.

Несомненно, что сотрудничающее с кино по созданию картины искусство есть искусство драматическое, не говоря, конечно, о художниках-декораторах. Кино называют кинотеатрами, в картине участвуют, подчас, первоклассные артисты, ставят их мировые режиссеры, наконец, кинокартина не есть картина в обычном смысле, как художественное запечатление момента, а, как показывает и самое слово, картина в действии, движущаяся картина.

Разумеется, что, так как кино не в состоянии передавать слов, техника киноартистов и приемы режиссуры должны быть иные, чем в театре, на первый план должна быть выдвинута мимика. Этот же недостаток кино должен быть учтен и при составлении сценария, от которого требуется как можно больше действия, «сценичности», чтобы вынужденное безмолвие драмы искупалось живостью ее исполнения. При таких условиях понятно, что кино может показать на экране далеко не все литературные произведения, а лишь те из них, которые являются особенно сценичными. Поэтому, например, романы Достоевского или пьесы Ибсена для него мало пригодны, за то романы бульварные или приключенческие для него суший клад.

Таким образом, переделка произведения для кино есть ни что иное, как переделка его в драматическую форму, и все сказанное по поводу незаконности изменения без согласия автора формы его произведения сохраняет полную силу и в отношении кино. И это тем более, что кинематографическая форма является менее совершенной формой по сравнению с драматической в тесном смысле этого слова.

Что касается особых, якобы, способов воздействия на зрителя, особых средств кино, то, как видно уже из изложенного, эта особенность относится вовсе не к кино, как таковому, а исключительно к артистам и режиссеру. Опи слово заменяют мимикой, они создают образы, и, конечно, ни один мало-мальски серьезный киноартист или режиссер не преминет изучить подлинник исполняемого произведения, не ограничиваясь сценарием.

Что же делает киносценарист? Он дополняет, сокращает, изменяет чужое произведение, говоря проще, списывает его, имея в виду, что диалоги кино передать не может. Описания, например, природы или обстановки, среди которой происходит драма, он заменяет обычными ремарками, воспроизводимыми художником и сценщиком, суть диалога он лишь намечает, и она появляется в виде

пояснительной надписи, внешний и внутренний облик действующих лиц он целиком берет из «приспособляемого» произведения. Конечно, такие произведения, как, например, романы Достоевского, требуют «многочисленных» изменений, с теми же произведениями, которые имеют лишь внешний сюжет, не претендуя ни на психологические глубины, ни на художественные красоты, «хлопот» гораздо меньше: их можно прямо списывать почти «слово в слово». Конечно, это обстоятельство для оценки труда киносценариста с точки зрения творческой никакого значения не имеет, так как в противном случае пришлось бы, пожалуй, признать, что, чем шаблоннее произведение, тем сильнее охраняет закон авторские на него права.

Словом, киносценарий не больше, чем план, схема кинокартины, скелет ее, при чем скелет этот держится на чужом станом хребте.

Таким образом, оказывается, что особенности кино, как способа воспроизведения, поскольку речь не идет о технической стороне, есть особенности той драматической формы, в которой воплощается произведение, и только. Истинными создателями кинокартины являются артисты и режиссер, а составитель сценария может заявлять свои отдельные на нее права лишь в том случае, если артисты исполняют его произведение, воплощают созданные им образы, в противном же случае он является простым так сказать посредником между действительным автором и исполнителями.

Поэтому не по букве только, а по самому смыслу закона, из самого существа авторского права, как права исключительного и охватывающего все произведение в целом, наконец, по законам творчества, столь же незыблемым, как и законы механики, следует, что самовольная киноинсценировка чужого литературного произведения должна быть признана одним из грубейших нарушений авторского на него права и потому не может быть допущена. Интересы масс от этого не пострадают, а художественное и литературное их развитие только выигрывает.

Б. Фелонов.

Рентгенография и авторское право.

Среди вопросов, связанных с декретом об авторском праве, заслуживает большого внимания вопрос о праве на рентгенограмму.

Вопрос этот, далеко не такой простой, как кажется с первого взгляда, в нашей юридической литературе еще не затрогивался, а между тем, он представляет не только академический, но и практический интерес.

Что такое рентгенограмма?

Это — фотографический снимок, сделанный при помощи рентгеновских лучей. В медицине рентгенография имеет применение для установления наличия или отсутствия тех или иных изменений в организме человека. Использование рентгенографии в медицинских целях является предметом специальной науки, рентгенологии.

Если бы рентгенограмму можно было рассматри-

вать только как фотографическое произведение, выпускаемое ради извлечения имущественной выгоды, то вопрос об авторском праве на нее разрешался бы на основании ст. 9 декрета от 30 января 1925 года, по крайней мере, в отношении снимков, сделанных не по заказу. В отношении же снимков, кем-либо заказанных рентгенолог, как и фотограф, должен был бы считаться ограниченным в своем праве, т.-е. издание и размножение возможно было бы для него лишь с согласия заказчика. Последнее не требовалось бы лишь для выпуска рентгенологом всех своих снимков (напр., в альбоме).

Но рентгенограмма не может быть приравнена к фотографическому произведению, так как она делается не ради извлечения имущественной выгоды путем размножения и не по заказу больного для себя, а по заказу лечащего врача и для

врача же, и кроме того, рентгенограмма заказывается со специальной целью установить с ее помощью более точный диагноз. Вместе с тем рентгенограмма является для лечащего врача способом проверки своих научных умозаключений и для накопления научного и практического опыта, каковым она обычно делится с научным миром.

И, наконец, рентгенолог обычно сдает рентгенограмму не как голый фотографический снимок, а снабжая ее своими объяснениями и заключением.

Врачи, не умеющие читать рентгенограммы (разбираться в рисунке), пользуются этим заключением рентгенолога как диагнозом или подсказкой к диагнозу.

В связи с этим может возникнуть сомнение, подлежит ли в таком случае вопрос о праве на рентгенограмму разрешению на основании декрета об авторском праве? Мы полагаем, что подлежит, так как статья 2 декрета говорит, что «авторское право распространяется на всякое произведение литературы, науки и искусства, каков бы ни был способ и форма его воспроизведения, а равно его достоинство и назначение, как-то:... фотографические произведения или произведения, полученные способами, аналогичными с фотографией».

Говоря о «каком бы то ни было назначении», статья эта допускает, значит, не только экономическое назначение произведения, а упоминает об аналогичных с фотографией способах, она дает юридическое обоснование и рентгенограмму считать объектом авторского права.

Врачи-рентгенологи, считая рентгенограмму не только произведением искусства (рентгенография — конечно, искусство), но и продуктом специального научного знания, склонны считать ее принадлежащей им, а не пользующему врачу. К такому выводу они приходят из взгляда на себя не как на исполнителей заказов врачей на фотографический снимок-рентгенограмму, а как на консультантов врачей-практиков, каковые обращаются к ним за их мнением, как к обладающим специальным методом исследования. В виду этого рентгенологи даже не считают себя обязанными изготовлять рентгенограммы по требованию врачей, ибо они, мол, не фотографы.

«Если лечащему врачу желательно путем рентгена установить, что имеется у больного, мы посмотрим и скажем ему», — говорят рентгенологи.

Для этого рентгенологу достаточно просветить больного (рентгеноскопировать). Поэтому рентгенограмму рентгенолог может, если захочет, изготовить только для себя, сообщив врачу лишь результаты рентгеноскопирования. Непременное же изготовление рентгенограммы для пользующегося врачом может, по мнению рентгенологов, иметь место лишь в исключительных случаях, когда рентгенограмма нужна для ориентировки при извлечении инородного тела или для другой какой-либо операции, или при каких-либо особых отклонениях в расположении внутренних органов и т. д. Иначе говоря, рентгенологи оставляют за собой право решать, нужна или нет рентгенограмма.

Поэтому, мол, рентгенограммы — собственность рентгенолога. Но лечащий врач видит в рентгенограмме не только один из способов для постановки диагноза, но и крупный научный интерес, когда рентгенограммой фиксируется заслуживаю-

щий, по его мнению, научного внимания или разработки случай, относящийся к его больному.

Наконец, рентгенограмма нужна врачу как контроль над заключением рентгенолога. Отказ последнего в выдаче рентгенограммы — это требование к себе абсолютного доверия, к его знаниям, опыту, диагнозу и лишение лечащего врача права критики его.

Кто же в таком случае имеет право на рентгенограмму? Лечащий врач или рентгенолог? И чем должен бы руководствоваться наш суд при иске об истребовании лечащим врачом рентгенограммы от рентгенолога или об использовании последним в своем научном труде рентгенограмм, сделанных с больных по заказу лечащего их врача, который таким путем лишается возможности использовать рентгенограммы для своей научной работы.

Для разрешения юридической стороны вопроса нельзя, конечно, игнорировать ни медицинскую сторону его, ни врачебную точку зрения. У нас, насколько удалось нам выяснить из бесед с рентгенологами, врачебная точка зрения далеко не установлена.

Среди немецких же рентгенологов, на съездах которых вопрос этот неоднократно дебатировался, он разрешен в пользу рентгенологов настолько, что без разрешения рентгенолога лечащий врач не вправе использовать рентгенограмму.

Лично нам кажется, что это далеко не так и, во всяком случае, без спора, без обсуждения принято быть не может.

Мы полагаем, что в работе рентгенолога нужно различать две стороны: работу его, как техника по рентгенографии и как консультанта-рентгенолога, при чем совсем не обязательно, чтобы обе эти стороны совпадали. Допустим, что лечащий врач, сам прекрасно читающий рентгенограммы и потому не нуждающийся в консультации рентгенолога по разъяснению их, направляет больного к рентгенологу только для снятия рентгенограммы. На каком основании рентгенолог имеет право отказать в этом, предлагая взамен свое заключение лишь после рентгеноскопии или же, выдавая рентгенограмму, снабжать ее своими консультационным заключением, если последнее от него врачом не запрашивается.

Мы полагаем, что такого права рентгенолог иметь не может, ибо лечащим врачом при этом не преследуется экономическая выгода, и своим требованием он не нарушает экономических интересов рентгенолога. Здесь имеются в виду исключительно интересы больного и науки. Вопросам же самолюбия нет места там, где идет речь о больном. Поэтому, отказывать в исполнении заказа на снимок, на рентгенограмму, исходя из самолюбия, что рентгенолог — не фотограф, на наш взгляд, рентгенолог не вправе. А если так, то в случае заказа на рентгенограмму право на рентгенограмму имеет лечащий врач. Рентгенолог, однако, не лишен права издания этой рентгенограммы в сборнике своих снимков (атлас, альбоме).

Не меняется положение дела и в случае, если лечащий врач просит заключения рентгенолога. В этом случае рентгенолог выступает консультантом по чтению сделанного им, как техником, снимка, что также не дает ему права на рентгенограмму, явившуюся в результате заказа другого лица.

Попутно может возникнуть вопрос, а какое отношение имеет к рентгенограмме сам больной? Имеет ли он право на рентгенограмму, т.е. может ли он потребовать негатив в свое полное обладание, запрещая пользующему его врачу и рентгенологу воспроизведение ее в альбомах или в научном труде? Или больной играет роль модели, натурщика, не имеющих никаких прав на произведения, явившихся в результате их участия в их сотворении?

Мы полагаем, что больной, как заинтересованный в своем здоровье, имеет право требовать не самый негатив, а диапозитив или снимок на бумаге, но не имеет права запрещать использования рентгенограммы врачом, так как это пользование преследует не экономический, а научный интерес. Допущение права такого запрета привело бы к требованию больными оплаты врачами приобретения ими права на использование рентгенограмм, что, конечно, недопустимо в интересах науки.

И вот то, что рентгенограмма появляется на свет не ради получения выгоды, что при этом не преследуется экономический интерес, сильно отличается ее от других объектов авторского права и делает неточным сделанное проф. Шершеневичем определение защиты авторских прав, как «охраны экономических интересов духовных деятелей».

Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1926 года в ст. 3 вполне последовательно разделяет личное авторское право от имущественного авторского права, определяя последнее особо, как право «извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права».

Итак, в приведенном выше случае из возможных субъектов права на рентгенограмму сам больной исключается. Исключается он и в том случае, когда приходит к рентгенологу не от лечащего врача, а по собственной инициативе.

В этом случае он также может получить диапозитив или снимок на бумаге, не имея права ограничивать рентгенолога в использовании им рентгенограммы в научных целях. Но только в научных целях. Но если бы рентгенолог захотел выпустить для продажи в отдельности этот снимок без какой-либо научной цели, а исключительно ради имущественной выгоды, то мы полагаем, что в виду наличности здесь выгоды больной мог бы предъявить свои права, ибо снимок делался им для себя по заказу.

Но может быть случай, когда рентгенолог и в научных целях не вправе использовать заказанную ему рентгенограмму. Предположим, что врач заказывает рентгенограмму с себя самого, чтобы затем использовать ее в своем собственном научном труде. Здесь и больной и врач совпадают в одном лице, и рентгенолог является лишь техническим исполнителем задания (или если угодно техническим консультантом), не имея уже права и на научное использование рентгенограммы.

Если в основе произведения искусства лежит творчество его автора и хотя бы далекий, но все же экономический интерес, то в основе рентгенограммы лежат интересы больного, цель врача поставить путем ее точный диагноз. Задача же рентгенолога правильным снимком способствовать достижению этой цели, так как рентгенография — один из методов диагностики.

Рентгенологи, как мы выше указывали, свое право на рентгенограмму и на отказ в выполнении ее по требованию врачей основывают на том, что они не фотографы, а специалисты-врачи, ставящие свой диагноз на основании применяемого исключительно ими метода.

Хотя мы и отклонимся в сторону недостаточно знакомой нам области, все же мы рискуем сказать, что очень часто заключение рентгенолога далеко не диагноз.

Возьмем, напр., случай, когда рентгенолог ставит свое заключение о перемещениях сердца *in toto* вправо.

Что же это будет диагноз? Конечно, нет, потому что диагнозом будет определение причины, вызвавшей такое явление, а не констатирование самого явления.

И, наконец, за то, что право на рентгенограмму принадлежит лечащему врачу, говорит и то обстоятельство, что рентгенограмма является снимком с больного, являющегося объектом наблюдения лечащего врача, и потому все, что имеет отношение к этому больному и служит для целей постановки в его отношении диагноза, может принадлежать только пользующему врачу.

Считать же рентгенограмму принадлежащей рентгенологу потому, что для ее воспроизведения он применяет свои, только ему присущие знания и искусство, которых лишен лечащий врач, значит считать, что и сложный анализ мочи, крови и т. п., полученный по заказу лечащим врачом от специалиста-бактериолога, также не принадлежит лечащему врачу, и он не вправе им пользоваться в своей научной работе без разрешения бактериолога.

Выдвигаемый рентгенологами вопрос о роли их как консультантов, самостоятельно ставящих диагноз на основании ими сделанной рентгенограммы, мы отбрасываем по вышеприведенным основаниям.

Бактериолог не лишен права использовать в своих специальных трудах произведенный им анализ, если он почему-либо, по сложности ли его производства или по исключительным данным, заслуживает быть им отмеченным, хотя бы пришлось коснуться и истории болезни больного, клинического течения ее и диагноза, но этот научный труд будет изложен все-таки с точки зрения бактериолога. Точно также не лишен, по нашему мнению, и рентгенолог права пользоваться с согласия лечащего врача для своих научных трудов по рентгенографии.

В русской практике установлено, как говорят рентгенологи, что учреждения, производящие рентгеновские снимки, рентгенограмм не выдают, какое правило, однако, базируется на дороговизне материала.

Хотя вопрос о праве отдельных рентгенологов, а равно и учреждений, отказывать врачам в исполнении рентгенограмм по их заказу и об основаниях этого права может быть отнесен больше к области медицины, все же мы позволим себе сказать, что так как всякий (тем более частный) рентгенологический кабинет разрешается к открытию в интересах общественно-полезной деятельности его, а не в интересах его владельцев, то рентгенолог, по нашему мнению, не вправе отказывать врачу в исполнении и выдаче рентгенограммы, являю-

щейся одним из методов диагностики и пужной врачу не ради извлечения выгоды, а в интересах больного и науки.

Что же касается права на рентгенограмму, то мы считаем, что вопрос этот может и должен разрешаться на основании декрета об авторском праве, но авторское право во всем его объеме может принадлежать рентгенологу лишь тогда, когда объектом для съемки являются лица, им самим выбранные для этого; что при исполнении рентгенограммы по заказу лечащего врача право на нее принадлежит врачу, понимая под этим не право размножения и распространения ее, а исключительное право использовать ее в своих научных работах; что рентгенолог имеет право помещать эту рентгенограмму при издании в целом своих работ (напр., в альбоме) или с согласия лечащего врача в специальном труде по отдельному случаю, касаясь его лишь с точки зрения рентгенографии (иначе говоря, научная ценность существа рентгенограммы принадлежит лечащему врачу); что при заказе рентгенограммы лично больным рентгенолог не вправе помимо согласия заказчика издавать и размножать ее ради получения имущественной выгоды.

А отсюда вытекает, что рентгенолог, построивший свою научную, чисто медицинскую, работу на рентгенограммах с больных, присланных ему лечащим их врачом, должен считаться поступившим незаконно при отсутствии согласия на то лечащего врача. Но так как всякая научная работа преследует не экономическую выгоду, а интересы науки, и так как ущерб, нанесенный врачу лишением его возможности написать свой научный труд за использованием для такого же другим лицом соответствующих рентгенограмм, не может быть определен, почему не может быть и речи об убытках, то в таких случаях должна бы иметь место уголовная ответственность.

Как известно, декрет от 30 января 1925 года не предусматривает уголовной ответственности за нарушение авторского права, а говорит лишь об убытках, подлежащих возмещению.

Между тем, как мы видим, может иметь место такое незаконное использование рентгенограммы, при котором может идти речь, главным образом, не о нарушении имущественных интересов другого лица, а о нарушении права научного приоритета, так как при опубликовании научных медицинских открытий имущественная выгода или совсем отсутствует, или если даже не отсутствует, во всяком случае, ученый не ею руководствуется при их опубликовании. Это — право научного приоритета, кажется, можно видеть вложенным в начало 3 ст. декрета от 30 января 1925 года, в котором говорится, что «автор имеет исключительное право под своим именем выпустить в свет свое произведение и в течение установленного законом срока всеми дозволенными законом способами воспроизводить и распространять его».

Это право есть личное авторское право и нарушение его должно бы караться в уголовном порядке.

В виду того, что затронутый нами вопрос касается взаимоотношений между лечащими врачами и рентгенологами и не может быть разрешен без анализа с медицинской точки зрения, совместное

участие врачей и юристов для его разрешения было бы только полезно.

Вышенапечатанные строки были уже пабраны, когда мы получили возможность до некоторой степени ознакомиться с положением вопроса о праве рентгенологов на пластинку в Германии.

«До некоторой степени» потому, что имевшаяся в нашем распоряжении книга, вышедшая в этом году и по заглавию, как-будто, должностующая заключать в себе исчерпывающие данные, на самом деле говорит очень мало*). Отсутствие в книге каких-либо ссылок на статьи закона можно объяснить, надо думать, только отсутствием самого закона, тем более, что один из авторов книги — адвокат при высшем суде.

Вопрос о праве на пластинку, пишут авторы, решен судебным определением, и добавляют, что в Германии рентгенологу принадлежит право решать, нужен или нет рентгенограмм, если пластинка требуется, то это должно быть предварительно обусловлено.

Не приводя самого определения суда, авторы приводят затем мнение Эбермайера, который, соглашаясь с решением суда, допускает, однако, возможность случаев, когда врач-терапевт или хирург просят сделать снимок без заключения самого рентгенолога, желая сами сделать из снимка свои выводы.

Авторы же указанной книги не согласны с этим, считая, что если рентгенолог берет на себя рентгеновское исследование, то он получает исключительное право на пластинку. И только если рентгенолог не берется за постановку диагноза и предупреждает, что он берет на себя лишь техническое изготовление, он действует как технический исполнитель, а не как специалист, и тогда он этим самым свое право на пластинку передает другому.

В заключение авторы указывают, что вопрос об авторском праве на рентгеновский диагноз или протокол остается неразрешенным, но они, со своей стороны, полагают, что будучи переданы другому врачу рентгеновским институтом, они могут быть врачом воспроизведены в литературе только со ссылкой на институт. Снимки же (рентгенограммы) могут врачом воспроизводиться лишь с разрешения института.

Проф. же Ф. Гениш в своей статье «О праве собственности рентгенологов на пластинку» в специальном журнале**) приводит случай, ставший предметом судебного разбирательства. Повидимому, это тот самый случай, вызвавший судебное решение, на который ссылаются выше цитируемые авторы.

Проф. Гениш — защитник положения, что владельцем рентгенограммы является рентгенолог.

Интересно отметить, что изложению судебного процесса проф. Гениш предпосылает такие строки:

*) Gesetzbuch und Aerztlicher Röntgenbetrieb. Dr. Franz M. Groedel und Fritz Kloofeer, Rechtsanwalt an Land und Oberlandesgericht. Berlin. 1925 г.

**) Eigentumsrecht des Röntgenologen an seinen Platten. Prof. Haenisch, Fortschritte auf dem Gebiete der Röntgenstrahlen XXVIII. 1921—22 г.

«Думали, что существует уже судебное решение этого вопроса. Но это ошибочно. Я был однажды вызван в суд в качестве эксперта и тем содействовал вырешению этого юридически невыясненного вопроса».

Это дело возникло в виду отказа больницы выдать снимок, сделанный по поручению врача.

Представитель истца в своем заявлении суду, основывает свое право на наличии соглашения между пациентом и больницей об обязанности последней сделать снимок за определенную плату и выдать пластинку. Последнее обязательство больница взяла на себя приемом заказа на снимок, и выдача пластинок самое существенное в соглашении, говорится далее со ссылкой на §§ 157, 242 герм. гражд. уложения, так как без пластинок нельзя хорошо определить перелом.

Представитель ответчика просил об отказе в удовлетворении иска на том основании, что сущностью соглашения (договора) является не снимок и выдача пластинок, а самое рентгеновское исследование и диагноз, так как врач не фотограф, а специалист, и оплачивается не пластинка, а научное распознавание. Пластинка может быть показана, и в данном случае по телефону, предложено было посмотреть пластинку в больнице. Правового же обязательства выдавать пластинки нет.

В дальнейшем спор между сторонами идет тоже только о том, исполняет ли больница только техническое поручение, как доказывает представитель истца, или специальное научное исследование, как утверждает противник.

Был запрошен эксперт, каковой, как видно из протокола суда, объяснил, что, направляя больного для снимка, он, как врач, имеет в виду получить пластинку на руки. Но в качестве руководителя рентгеновского института он не считал себя по закону обязанным выдавать врачу пластинку. Приглашенный в качестве эксперта проф. Гениш отстаивал свою точку зрения, что рентгенолог не фотограф, что он выбирает способ исследования, действуя, как самостоятельный врач, что рентгенологу платят не за пластинку, а за врачебное заключение, что рентгенологу пластинки нужны, как научный материал, и т. д. и т. д., и что пластинка собственность рентгенолога, больница пластинок выдавать не обязана, выдача перерисовок добровольна и по соглашению.

Обычай еще не утвердился в этом отношении.

В результате суд отказал в выдаче пластинок, в мотивированном постановлении ссылаясь лишь на заключение эксперта проф. Гениша и на то, что в данном случае не было особых медицинских показаний к необходимости обладания пластинкой. Вопрос же о моральной обязанности рентгенологов выдавать пластинки суд нашел неподлежащим его решению.

Поданная истцом апелляция во вторую и последнюю инстанцию была отклонена.

Я позволю себе несколько подробнее привести основания решения этой инстанции, как доказывающего на отсутствие закона о праве рентгенологов на пластинку.

Суд не допускает, чтобы больной, или врач

могли заключать с рентгенологом такое условие, по которому рентгенолог обязан изготовить рентгенограмму и передать ее в собственность заказчику. И если такая сделка и встречается, то она принадлежит к величайшим редкостям. Ее можно допустить при наличии особых обстоятельств, но в данном случае это не имело места, с чем обе стороны согласны, и дело идет об обычном взаимоотношении без всяких особых условий.

Основное ядро спорного вопроса, по мнению суда; в том, обязательно ли передача пластинок должна сопутствовать заключению рентгенолога, т. е. является ли снимок необходимым приложением. Если бы врачебный мир ответил на это утвердительно, то этот взгляд был бы решающим для постановления суда. Как вытекает из показаний экспертов, врачи очень далеки от этого и специалисты-рентгенологи отрицают обязательство с их стороны выдавать пластинки.

Пластинка является вспомогательным средством, которым пользуются, чтобы составить себе представление о случае, и аналогична действительно препаратом органов, и т. п.

Невыдача пластинок оправдывается законным интересом рентгенолога. В более трудных случаях интересы больного достаточно охраняются предостережением лечащему врачу осмотра снимка у рентгенолога.

Затем суд говорит, что при таком положении вещей о предоставлении пациенту права на получение пластинок и речи быть не может.

Проф. Гениш свою статью заканчивает заключением, что таким образом судом подтверждено право рентгенолога на пластинку.

Но, как можно видеть, это все же далеко не так, и нужно сказать, что юридическая сторона вопроса не выяснена и в Германии. Приведенное судебное решение не дает все же ответа, кто же имеет право на помещение в своих трудах рентгенограммы, лечащий врач или рентгенолог, ибо если признавать за рентгенологом исключительное право собственности на рентгенограмму, тем самым нужно врачей-клиницистов лишить прав приводить в своих трудах рентгенограмму, как подтверждение их диагноза, или ставить их в зависимость от получения на то разрешения рентгенолога.

Американское рентгеновское о-во еще в 1910 г. по докладу Стевера высказалось за право собственности рентгенолога на пластинку. То же признал и 8 конгресс германских рентгенологов в 1912 г. по докладу Шенберга.

Наш III Всесоюзный съезд рентгенологов по докладу д-ра А. Цейтлина «об авторском праве рентгенолога» признал, что право воспроизводить рентгенограмму в научных трудах принадлежит рентгенологу, лечащий же врач имеет на то право лишь при разрешении рентгенолога, почему использование ее без этого разрешения должно считаться наказуемым.

Как мы видим, затронутый нами вопрос требует своего разрешения с юридической точки зрения не только у нас, но и за границей, где он до сих пор остается открытым.

Рационализация делопроизводства в органах суда и прокуратуры.

В августе месяце текущего года Оргбюро НКЮ закончило цикл опытных постановок по рационализации делопроизводства в органах суда и прокуратуры.

В настоящее время Оргбюро, на основе учета годового опыта работы, приступило к реализации с 1 января 1926 года своего плана по рационализации делопроизводства в краевых, областных и губернских судах и во всех органах прокуратуры по всей территории РСФСР и централизованным порядком снабжает все реорганизуемые учреждения карточками, инструкциями и необходимыми комплектами материального оборудования (настольными ящиками типа шведско-американской мебели).

Грандиозный масштаб работы при наличии только двух работников Оргбюро и одного консультанта от отдела административной техники НКРКИ РСФСР заострил все внимание Оргбюро на выполнении год тому назад намеченной реформы делопроизводства, выраженной еще как пожелание в постановлении Всероссийского съезда работников суда и прокуратуры.

Срочность и широкий размах работы заставили отодвинуть до некоторой степени на вторую очередь выполнение ряда работ, стоящих в плане Оргбюро по рационализации центрального аппарата НКЮ, где проводимая на протяжении текущего года рационализация стала подходить уже вплотную от отдельных видов делопроизводства к вопросам планирования и оперативного учета, в силу физической невозможности охватить одновременно работы по рационализации центрального аппарата и по рационализации его местных органов.

Рационализация делопроизводства по всей периферии строится по единой карточной системе (в количестве 11 форм карточек), которая заменяет собою все ранее действовавшие в судах и прокуратурах входящие и исходящие журналы, настольные реестры и алфавитные книги.

Из 11 вводимых форм карточек по краевым, областным и губернским судам и прокуратурам две предназначены для регистрации бумаг (по корреспондентскому признаку), одна для алфавита и восемь остальных карточек для регистрации и учета уголовных, гражданских, следственных и дисциплинарных дел, а также исполнительного и наблюдательного производств; форма этих последних карточек охватывает все основные этапы движения дел и жалоб согласно действующим процессуальным нормам и по всей конструкции служит целям учета, контроля за исполнением бумаг, статистики и выдачи справки по любому делу в пределах от 3 до 5 минут.

Составление расчетных смет на снабжение карточками 110 центральных пунктов прокуратуры и суда и до 400 окружных, районных и участковых

камер прокуратуры в размере годовой потребности определило цифру заказа карточек в количестве 6 1/2 миллионов штук.

Бумажный голод угрожал сорвать намеченный план материального снабжения, но все же заказ на карточки первой партии в 3.200.000 штук был своевременно продвигнут в типографию и в настоящее время уже целиком и полностью направлен в наиболее отдаленные центры Федерации, снабжение которых происходит в первую очередь. К 1 декабря отправка первой партии карточек будет закончена в полугодовом размере впредь до изготовления второй части заказа карточек и по двум другим очередям снабжения, установленным в зависимости от степени отдаленности их от центра.

Составление расчетной сметы на снабжение тех же органов НКЮ первоначальным материальным оборудованием — настольными ящиками — определило потребность (без районных и участковых камер прокуратуры) в количестве 1.518 настольных ящиков трех стандартных размеров (75×125 мм, 100×150 мм и 125×200 мм), причем количество ящиков, потребных для губернского суда, выражается в 18 ящиках и для прокуратуры в 4-х ящиках, кои также заказаны и будут изготовлены в три срока на государственном вагоностроительном заводе в Твери, при чем первая партия их будет изготовлена и направлена для снабжения наиболее отдаленных областей не позже конца ноября, срок окончания последней партии по заключенному с заводом соглашению определяется 7 января.

Проведение в жизнь рационализации делопроизводства в масштабе РСФСР при такого рода централизованном снабжении даст чрезвычайную денежную экономию, доводя стоимость одной карточки до 0,3 коп. за штуку с упаковкой франко-станция отправления.

Централизованное изготовление материального оборудования также понизило (против цен Мосдрева) стоимость каждого отдельного ящика.

Таким образом, централизованное снабжение сыграло весьма существенную роль при ограниченном количестве средств, отпущенных на рационализацию делопроизводства; кроме того, при централизованном снабжении имелась возможность как достигнуть лучшего качества карточек в отношении бумаги и печати, так и сохранить единый стандартный размер и правильный монтаж их.

Особое внимание при разработке инструкций пришлось уделить Оргбюро на изложение техники по заполнению карточек, объясняя каждый отдельный момент операции работы и стремясь к тому, чтобы каждый работник смог без посторонней помощи легко усвоить себе всю технику заполнения и хранения карточек, а также найти те ответы, кои в первую очередь возникнут у него в практике первых дней.

Всего разработано шесть инструкций по делопроизводству и письмоводству: 1) для губ. и обл. суда, 2—3) для органов прокуратуры, 4) нарсуда, 5) нареледователя, 6) по секретному делопроизводству в губ. и обл. судах и прокуратурах, в итоге содержащих в себе до пяти печатных листов, причем основные инструкции по делопроизводству объясняют не только технику заполнения карточек, но и вопросы организации живой и немой справки, основные правила письмоводства и деловодства, построенных по единой номенклатуре, специально разработанной для органов суда и прокуратуры.

Инструкции по их напечатанию будут разосланы на места в достаточном количестве экземпляров.

Что касается рационализации делопроизводства низового судебно-следственного аппарата (народные суды и следственные камеры), состоящего на местном бюджете судебно-следственного аппарата и органов прокуратуры автономных республик, то

выполнение этой работы находится в зависимости от поступления в депозит Оргбюро соответствующих сумм, по расчету, приведенному в разосланном циркуляре

Если нельзя рассчитывать на получение значительных сумм для проведения рационализации делопроизводства низового судебно-следственного аппарата периферии, то, во всяком случае, та тяга к реформе делопроизводства, которая наблюдается на местах, где сплошь и рядом рационализаторская работа, идя самотеком, принимала уродливые формы, поставит Оргбюро в начале будущего года перед вопросом об углублении своей рационализаторской работы до первоначальной ячейки судебного и следственного аппарата Республики, так как специальные средства от местных органов, а равно и переводы с заказами на снабжение судебно-следственного аппарата автономных республик начинают поступать на текущий счет Оргбюро.

Г. Ш.—н.

Обзор советского законодательства за время с 1 по 7 декабря 1925 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА С. С. Р.

Издано несколько законодательных актов, устанавливающих изъятия от обложения прямыми налогами и пошлинами:

1. Постановление СНК Союза ССР от 11 ноября об освобождении государственных и кооперативных мелиоративных организаций, организаций по огнестойкому строительству и подсобных к ним предприятий от уплаты промыслового и подоходного налогов («Изв. ЦИК СССР» от 3 декабря, № 276). Постановление мотивировано целями поощрения работ по мелиорации и огнестойкому строительству. Льготами пользуются мелиоративные товарищества и товарищества огнестойкого строительства, поскольку их уставами ограничена сфера их деятельности исключительно указанными операциями, а также мелиоративно-строительные бюро при земотделах и республиканские и краевые гидротехническо-мелиоративно-строительные конторы. Также требуется, чтобы организации, пользующиеся льготами, выполняли непосредственные задания наркомземов или обслуживали нужды кооперированного населения. Подсобные производственные предприятия этих организаций не облагаются в том случае, если вся их продукция направлена исключительно на удовлетворение нужд кооперированного населения и тех товариществ, при которых они состоят.

2. Постановление СНК Союза ССР от 18 ноября о распространении на слепых и их объединения налоговых льгот, установленных для инвалидов труда и войны и их объединений («Изв. ЦИК СССР» от 3 декабря, № 276), предоставляет эти льготы при условии состоянии слепых на учете органов социального обеспечения, а также работы объединений под контролем этих органов. Сверх льгот, предусмотренных постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 30 октября о льготах по промысловому налогу для инвалидов войны и труда и их объединений («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 76, ст. 571), установлены следующие. Количество зрячих, могущих обслуживать первичные производственные трудовые

и торговые артели слепых в качестве членов этих артелей или в порядке найма, не должны превышать 50% общего числа слепых членов артели; в инвалидных артелях — соответственно не больше 25%; кроме того, в торговые объединения инвалидов неинвалиды в качестве членов не принимаются вовсе. Льготой по налоговому обложению в виде 25-процентной скидки с государственного промыслового налога пользуются также предприятия республиканских объединений, не пользующихся льготой, предоставленной первичным объединениям.

3. Постановление СНК Союза ССР от 24 октября о льготах по гербовому сбору при покупке крестьянами и их объединениями в розницу с рассрочкой платежа сельскохозяйственных машин и орудий («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 274). Освобождены от сбора обязательства, выдаваемые покупателями-крестьянами и их объединениями, а также получаемые ими и их поручителями от волисполкомов (райисполкомов) и сельсоветов удостоверения об имущественном положении; освобождаются от взимания сбора и заявления о выдаче таких удостоверений.

Постановление должно способствовать покупке сельскохозяйственных машин и орудий в розницу с рассрочкой платежа на основаниях, установленных постановлением от 11 августа 1924 г. («Собр. Узак.» 1924 г. № 70, ст. 693).

4. Постановление СНК Союза ССР от 16 ноября об освобождении от гербового сбора предприятий радиевой промышленности («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 274). Освобождены госпредприятия по поискам, разведке, добыче и переработке радия и радиоактивных руд.

5. Постановлением СНК Союза ССР от 18 ноября об освобождении посетителей государственных академических театров от сбора в пользу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца («Изв. ЦИК СССР», от 4 декабря, № 277) допущено в интересах развития государственных академических театров и большей доступности их для населения изъятие из постановления ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 г. об обложении посетителей публичных зрелищ и увеселений сбором в пользу обществ Красного

Креста и Красного Полумесяца союзных республик («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 11, ст. 107).

6. Постановление СНК Союза ССР от 17 ноября об освобождении от платы гербовым сбором выдаваемых туземному кочевому населению Дальне-Восточной области первичных выписей из книг актов гражданского состояния («Изв. ЦИК СССР» от 4 декабря, № 277) является одним из мероприятий, содействующих приобщению этих народов к советской гражданственности.

7. Постановление СНК Союза ССР от 24 октября о дополнении постановления СНК Союза ССР от 11 августа 1925 г. о таксах на международные почтовые отправления («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 274) устанавливает таксы сборов за письма с объявленной ценностью, денежные почтовые переводы, посылки, особые услуги и за газеты и другие периодические издания, пересылаемые издательствами. Сроки введения в действие этих такс, самое установление которых свидетельствует о расширении форм международной связи Союза ССР, должны быть утверждены Наркомпочтелем.

8. В направлении облегчения способов этой связи издаю также постановление СНК Союза ССР от 24 октября об изменении минимума весового сбора за международные бандерольные отправления с образчиками товаров («Изв. ЦИК СССР» от 1 декабря, № 274). Установленный постановлением от 11 августа («Собр. Зак. СССР», № 56, ст. 417) минимум в 7 коп. понижен до 4 коп.

9. Постановление СНК Союза ССР от 10 ноября, об утверждении отчета об исполнении государственного бюджета Союза ССР, за 1923—1924 г. («Изв. ЦИК СССР» от 5 декабря, № 278) содержит также ряд указаний о порядке составления отчетности по исполнению государственного бюджета на будущее время. Кроме правил чисто технического значения, устанавливаются правила, при соблюдении которых должны выявиться различные стороны хозяйственного положения Союза, результаты финансовой, в частности налоговой, политики и т. п. Отчет должен включать суммарные данные о доходах по всем видам государственных доходов с отражением их движения; должно в нем отразиться также состояние и движение долгов по выдаваемым из государственной казны ссудам. В отчете особо проводятся перерасходы по отпущенным кредитам и причины их образования. Все ведомства, состоящие на госбюджете, должны представлять отчеты в исполнении смет. Общий отчет по исполнению государственного бюджета закончившегося бюджетного 1924—25 года должен быть представлен к 1 августа 1926 года. Намечены более ранние сроки для представления отчетов по союзным республикам и по общесоюзным наркоматам Путей Сообщения и Почт и Телеграфов.

Постановление отмечает случаи нарушения бюджетной дисциплины, и для борьбы с ними намечает усиление контроля за исполнением бюджета. Предстоит издание особого положения о финансовом контроле, положения о начатах и других мерах воздействия.

10. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27 ноября об утверждении положения о государственных трудовых сберегательных кассах («Изв. ЦИК СССР» от 5 декабря, № 278). Рассмотрению обширного положения будет посвящена особая статья в ближайшем № «Ежен. Сов. Юст.».

11. Постановлением СТО от 16 ноября об увеличении норм обеспечения по обязательному окладному страхованию посевов в сельских местностях Нижегородской губ. на 1925—26 год («Изв. ЦИК СССР» от 4 декабря, № 277) установленная постановлением СТО от 2 октября 1925 г. («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 63, ст. 464) норма

обеспечения посевов от непредвиденных потерь с 15 р. до 20 р. за десятину.

12. Постановление СНК Союза ССР от 10 ноября об учреждении фонда имени М. К. Владимирова («Изв. ЦИК СССР», от 5 декабря, № 278) предусматривает обращение средств этого фонда на учреждение премии за лучшую работу о национальном доходе Союза ССР и его распределении, на выдачу премии лучшему низовому предпринимателю сельскохозяйственному товариществу, на учреждение стипендий и т. п.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

После отредактирования постановлений, прошедших в минувшем октябре 2-й сессии ВЦИК XII созыва началось их постепенное опубликование.

1. Положение ВЦИК от 24 октября о членах ВЦИК («Изв. ЦИК СССР» от 3 декабря, № 276) заменяет ст. ст. 23—35 положения от 5 января 1922 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1922 г., № 74, ст. 925). Повторяя постановления конституции РСФСР о том, что члены ВЦИК и кандидаты к ним избираются на Всероссийском съезде советов на срок до следующего съезда, положение закрепляет за ними ряд прав и преимуществ, вытекающих из их положения членов высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа РСФСР. Будучи обязаны присутствовать на всех заседаниях сессий ВЦИК'а, а также комиссий, в которых они состоят, члены ВЦИК имеют право законодательной инициативы (т. е. право внесения вопроса об издании какого-либо закона, либо об изменении или отмене действующего) и право запроса (т. е. право обратиться к исполнительным органам, к наркоматам, с запросами о тех или иных действиях и актах как их самих, так и подчиненных им органов). В промежутки между сессиями члены ВЦИК несут постоянную работу, либо в его Президиуме, либо в центральных и местных органах, либо выполняя особые задания Президиума. Они могут участвовать с правом совещательного голоса в заседаниях Президиума ВЦИК, центральных и местных органов власти, государственных учреждений и общественных организаций; от имени же ВЦИК они имеют право выступать лишь при палатке специальных на то полномочий от Президиума ВЦИК. Им предоставлено право свободного входа во все советские органы и получения в них необходимых сведений и справок. Постановление намечает формы поддержания связи между членами ВЦИК и избранным их населением, с одной стороны, и Президиумом ВЦИК—с другой. Они имеют также право возбуждения вопросов об отмене или пересмотре незаконных постановлений советских органов и обжаловать их в высшие органы. Для исполнения своих обширных обязанностей и ограждения своих широких прав члены ВЦИК пользуются так называемым иммунитетом, т. е. особым порядком возбуждения против них преследования за преступления и служебные упущения, применения мер пресечения и т. п. Порядок этот состоит в том, что дела о членах ВЦИК могут быть начаты только с разрешения Президиума ВЦИК. Такое же постановление требуется для отстранения от должности членов ВЦИК, для их ареста и вообще задержания, для обыска и осмотра. В экстренных случаях такое постановление заменяется разрешением Председателя ВЦИК. Преследование членов ВЦИК и наложение на них административного взыскания требуют также предварительного разрешения Президиума ВЦИК; для этого материалы расследования представляются в Президиум, который требует личной явки или представления объяснений от обвиняемого. Вызов членов ВЦИК для допроса в качестве свидетелей производится в общем порядке, но их предо-

ставлено право просить о допросе их на дому или по месту службы. Меры принуждения к членам ВЦИК не применяются.

Постановления положения распространяются и на кандидатов в члены ВЦИК.

2. Положение ВЦИК от 24 октября об организационных отделах при президиумах ЦИК автономных республик, исполкомах автономных областей, краевых, областных, губернских и окружных исполкомах («Изв. ЦИК СССР» от 4 декабря, № 277) определяет целью вновь учреждаемых отделов предварительную разработку и проведение мероприятий по вопросам организационной деятельности советов и исполкомов. Объем компетенции орготдела шестым обширен; сюда отнесена работа консультационная, организационная, информационная, инструкторская, редакторская, издательская, учетная и т. д. Следует особо отметить в ближайшей связи с функциями прокурорского надзора предоставленное орготделам право наблюдения за правильностью исполнения советами, их исполкомами и отделами постановлений вышестоящих советов и исполкомов и право представления в подлежащие президиумы исполкомов об отмене незаконных постановлений и распоряжений советов, исполкомов и их органов. Орготделы возглавляются заведующими из числа членов исполкомов и в своей деятельности подчиняются президиуму, состоя под общим его руководством.

3. Постановлением ВЦИК от 24 декабря о бюджете РСФСР на 1925—26 год («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 275) утверждены суммы бюджета—по доходам и расходам—в 569.042.078 руб. Бюджет этот подлежит включению в общегосударственный бюджет Союза ССР, но вместе с тем, в виду невозможности удовлетворить ряд жизненно-необходимых нужд РСФСР, постановлено просить правительство Союза ССР выделить соответствующие суммы из общегосударственного бюджета. Признаны необходимыми большее уточнение объема бюджетов Союза ССР и союзных республик, усиление местного бюджета и установление особого фонда для финансирования неотложных хозяйственных и культурных нужд автономных республик и районированных областей.

4. Постановление ВЦИК от 24 октября о лесах местного значения и о снабжении сельского населения древесиной («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 275) исходит из основного положения, что своевременное и полное удовлетворение сельского населения древесиной является необходимым условием роста и укрепления крестьянского хозяйства. Постановлением намечается выделение полностью в состав лесов местного значения всех лесов бывшего крестьянского владения, принадлежавших ранее сельским обществам, товариществам крестьян и отдельным крестьянам, не исключая защитных. Переводятся в леса местного значения те площади бывших казенных, удельных, кабинетских, церковных, монастырских, частновладельческих и др. лесов, которые вклиниваются в крестьянские земли; из той же категории лесов в местностях большей лесистости выделяются также охранные участки лесных массивов, прилегающие к землям трудового пользования. Выделение и передача лесов должны быть произведены не позже 1 января 1926 г.

Постановление вводит ряд правил отпуска крестьянам леса на корню и снабжения их лесопродукцией, которые должны в значительной мере облегчить получение как лесосек, так и готовых лесных материалов и при этом (последние) по себестоимости. Намечено предоставление льгот по оценке древесины и рассрочке

платежа за нее, по уплате налогов и сборов, транспортных тарифов и т. п.

5. Постановление ВЦИК от 24 октября по докладу Наркомвнуторга РСФСР о хлебозаготовительной кампании 1925—1926 г. («Изв. ЦИК СССР» от 5 декабря, № 278), отмечая значение правильного проведения кампании в интересах всего народного хозяйства вообще и сельского хозяйства в частности, дает ряд директивных указаний в области, главным образом, установления хлебных цен, обеспечения, экспорта хлеба и потребностей внутреннего рынка, а также удовлетворения запросов сельского населения на товары промышленного производства.

6. Постановлением ВЦИК от 24 октября об утверждении узаконений, принятых Президиумом ВЦИК в период между 1 и 2 сессиями ВЦИК XII созыва («Изв. ЦИК СССР» от 5 декабря, № 278), утвержденным законоположения, главным образом, органического характера, нагр. общее положение о наркоматах РСФСР от 5 октября и др.

7. Утвержденное той же 2-й сессией положение о городских советах еще не опубликовано, но согласно постановлению Президиума ВЦИК от 30 ноября («Изв. ЦИК СССР» от 4 декабря, № 277), выборы в горсоветы должны производиться в текущую кампанию по нормам, этим положением устанавливаемым. Нормы эти от 1 депутата на 15 избирателей (при количестве населения до 1.000 человек) и до 1 депутата на 200 избирателей (при населении в 100.000 и более человек). Для Москвы и Ленинграда установлена норма: один депутат на 400 избирателей.

8. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 23 ноября об изменении ст. 17 постановления ВЦИК и СНК РСФСР о введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети («Изв. ЦИК СССР» от 5 декабря, № 278) срок, с которого отпуск долевых отчислений из общегосударственных средств будет производиться лишь на школы, включенные в утвержденную сеть, назначен 1 октября 1926 года вместо 1 октября 1925 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1925 г., № 69, ст. 543).

9. Постановление СНК РСФСР от 21 ноября о подготовке преподавателей для школ национальностей не русского языка («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 275) устанавливает, как первый этап в организации высшего педагогического образования для этих национальностей, введение преподавания родного языка и методики преподавания на том же языке, как обязательных для студентов соответствующих национальностей предметов в педагогических институтах и педагогических факультетах государственных университетов. В некоторых педагогических высших учебных заведениях организованы национальные отделения по языкознанию, имеющие целью подготовку преподавателей родного языка и родной литературы.

10. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 ноября об условиях льготного отпуска леса рабочей жилищно-строительной кооперации и губернским исполнительным комитетами для рабочей строительству («Изв. ЦИК СССР» от 2 декабря, № 275) издано в развитие постановления ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. о жилищной кооперации («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 5, ст. 60) и разрешает отпуск леса по оценочной стоимости без соревнования и торгов применительно к порядку, установленному инструкцией СНК РСФСР от 29 ноября 1924 г. («Собр. Узак. РСФСР» 1924 г., № 89, ст. 900). Соответствующие изменения должны быть внесены в Лесной Кодекс.

11. Постановление ЭКОС РСФСР от 12 ноября о снижении ставок основной ренты для некоторых поселений Казанской Авт. Сов. Соц. Республики («Изв. ЦИК СССР» от 3 декабря, № 276) издано на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 19 июня 1925 г. («Собр. Зак. СССР» 1925 г., № 41, ст. 298).

М. Брагинский.

Отклики с мест.

(Из спатей, поступивших в Редакцию.)

Вопросы уголовного права.

Октябрьская сессия ВЦИК, как, конечно, известно всем нашим читателям, рассмотрела проект переработанного Уголовного Кодекса и утвердила его. Новый Уголовный Кодекс, опубликование которого, по всему вероятно, задержится на некоторое время по соображениям, изложенным в № 42—43 «Еженедельника Сов. Юстиции», содержит в себе значительные изменения по сравнению с Кодексом действующим. Так как изменения эти многим из читателей неизвестны, в Редакцию продолжают поступать статьи по вопросам в связи с этими изменениями, уже в значительной степени утратившими свою остроту. Поэтому такие статьи, как признанные Редакцией для печатания целиком несвоевременными, и используются нами в настоящей сводке в целях освещения ставящихся авторами вопросов.

Тов. Бронштейн (Москва), указывая на тяжесть предусматриваемой ст. 40 действующего УК судебно-исправительной меры (поражение прав), считает,

«что в интересах целесообразности к малым служащим по первичным должностным преступлениям она (статья 40. А. И.) не должна применяться вовсе; иначе этот малый служащий, настоящий пролетарий, случайно впавший в преступление и понесший за это наказание в виде лишения свободы, выходит на волю почти что с «волчьим билетом», ибо ст. 40 исключила из профсоюза и запрещает вновь стать его членом на все время правоприменения».

Конечно, чрезвычайно сомнительна «целесообразность» неприменения названной статьи ко всяким первичным преступлениям, ибо одно первичное преступление может дать месяц, а другое—10 лет лишения свободы. Но вот в части малых преступлений и не в отношении только служащих эта целесообразность признана и сессией ВЦИК, которая в изменение содержащегося в ст. 40 действующего Кодекса положения ввела в соответствующую ей статью нового Кодекса ограничение применения статьи только случаями, когда в виде судебно-исправительной меры суд назначает лишение свободы, и притом на срок свыше года. Далее, что касается указанного в ст. 40 права быть членом профсоюза, как одного из могущих быть пораженным, то в этом отношении сессия приняла к выводу не только о нецелесообразности, но и о недопустимости лишения этого права в каком бы то ни было случае.

Тот же автор хочет объяснить «недоразумением» добавление ст. 40 примечанием 1-м, по которому:

«с одной стороны, поражение прав распространяется с момента вступления приговора в законную силу, с другой же—время, проведенное в месте заключения, в срок поражения прав не засчитывается».

Получается, по его мнению, невязка в том, что

«при незначительном времени, проведенного в месте заключения... человек лишен прав в течение 3 лет заключения и 3 лет после выхода на свободу, т. е. на 6 лет, что превышает максимальный срок поражения, указываемый в статье»; «сидя в тюрьме, он может быть, например, членом профсоюза, а, выйдя на свободу, он теряет это право».

Не соглашаясь с объяснением автора по поводу добавления ст. 40, мы склонны считать как раз это объяснение недоразумением, ибо, с одной стороны, нельзя же серьезно говорить о возможности осуществления заключенным во время пребывания его в месте заключения прав, указанных в ст. 40, и делать из этого вывод о мыслимом ухудшении его положения в этом отношении по окончании заключения,

а с другой, нельзя признавать правильным исчисление срока поражения со дня вступления приговора в законную силу, ибо при этом как раз по наиболее серьезным преступлениям поражение прав по приговору являлось бы пустым звуком, поскольку оно полагалось бы даже до отбытия заключения.

Примечание 1 к ст. 40, положение которого сохранилось и в новом Кодексе, давал общее правило для всех мер, кроме лишения свободы, в отношении этой последней содержит совершенно правильное исключение.

Тов. Гвоздев (Тула) ставит вопрос о неудобстве имеющегося в ст. 35 действующего Кодекса деления приурабочей, считая, что при назначении работы по специальности (п. «а» статьи)

«нельзя практически возлагать на администрацию обязанность выяснять место, где бы осужденный мог отработать назначенный ему срок по своей специальности, а заниматься этим самому суду еще менее возможно и допустимо».

Эти соображения, наряду с некоторыми другими, приводят автора к выводу,

«что п. «а» ст. 35 нуждается в радикальном изменении, при чем работу по специальности с понижением в разряде, как замаскированный штраф, лучше заменить или определенным штрафом, или по п. «б» той же статьи неквалифицированным физическим трудом».

Правильность соображений, приводимых автором, наша подтверждение в новом Кодексе, и ст. 30 его не содержит уже имеющегося в ст. 35 действующего Кодекса деления, и, следовательно, приурабочей теперь мыслятся только как работы неквалифицированного физического труда и будут отбываться в общем порядке, предусматриваемом ст.ст. 23—43 Исправительно-Трудового Кодекса.

Тов. Михайловский (Вотская обл.) посвящает свою статью вопросу о наказуемости пребывания в головном уборе во время судебного заседания, возражая против выводов, сделанных по этому же вопросу т. Головиным в «Вестн. Сов. Юст.». Он находит, что

«неуважение к пролетарскому суду, к торжественно проявляемой через него воле господствующего класса трудящихся в виде необнажения головы и тому подобных поступков является актом антиреволюционным и консервативным и, как таковой, караемым».

Автор не высказывает своего мнения, как же должно квалифицироваться это действие. Позволив себе высказаться прежде всего против «принципиальности» данного вопроса, мы считаем, что не следует спорить и о том, как его правильно квалифицировать и как карать нарушителя. Против подобных действий, конечно, если в них нет определенных признаков ст. 176 УК, имеется вполне достаточное средство, указанное в ст. 261 УПК, и прибегать к помощи УК, искоренять такие «антиреволюционные» действия путем уголовной репрессии вряд ли стоит. Мало ли более серьезных дел.

Тов. Румянцев (Яросл. г.) указывает на то, что практическое применение ст. 193 действующего Кодекса (о ростовщичестве) представляется чрезвычайно трудным в силу того, что непременно признаком состава предусматриваемого ею преступления является запитие ростовщичеством в виде промысла, ибо

«если промысел понимать как профессию, которая является основой для материального существования данного лица, то суду придется столкнуться с тем, что всех обвиняемых надо будет оправдывать за отсутствием состава преступления, так как установить промысел в том его понимании, как указано выше, для суда невозможно».

Тов. Румянцев сам суживает применение статьи, вкладывая в понятие «промысел» непременное условие, чтобы он являлся основой для материального существования занимающегося ростовщичеством. Нам кажется, что вполне достаточно, если налицо будет иметься неоднократность дачи денег на ростовщических началах (т. е. за проценты сверх дозволенных законом). Установление же этого обстоятельства — не думаем, что всегда оно будет невозможным.

Статья 193 вообще подвергалась значительному извращению, и то ее неудобство, что под действие ее нельзя было подводить отдельных даже явно кабальных сделок, ныне устранено. По воле редакции, если и требуется наличие

промысла, то для случаев так сказать городского ростовщичества, что же касается ростовщичества деревенского, выражающегося в предоставлении в пользование или в виде ссуды орудий производства, скота, семян, а также и денежных средств и представляющего собой кабальные сделки, то для этих случаев наличие промысла не требуется, и любая такая сделка, поскольку по ней вознаграждение за ссужаемое превышает обычный для данной местности размер и поскольку она совершена с использованием нужды или стесненного положения получающего ссуду (последний признак для городского ростовщичества необязателен), может явиться основанием для возбуждения уголовного преследования.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

Определение по делу № 32055—1925 года по иску курских отделений: 1) Сельхозкредита, 2) Торг.-пром. банка, 3) Всероссийского коопбанка и Всер. союза с.-хоз. кооперации к Курскому губ. сел.-хоз. и куст.-пром. союзу о признании его несостоятельным.

9/IV—1925 года курское отделение Сельхозкредита, курское отделение Торгово-промышленного банка, курское отделение Всероссийского Кооперативного банка и Всероссийский союз сел.-хоз. кооперации подали народному суду 2-уч. Курского уезда заявление с просьбой об объявлении несостоятельным Курского губернского сел.-хоз. кооперативного кустарно-промышленного союза, переименованного в районный кредитный сел.-хоз. кооперативный союз (Кредсельсоюз), и о назначении ликвидационной комиссии для удовлетворения кредиторов в порядке 266 ст. ГК. Как на причину такой просьбы, в заявлении указано на отказ Кредсельсоюза платить по векселям и открытым счетам, при чем претензия Сельхозкредита к Кредсельсоюзу исчислена в 31.950 руб. 84 к., Промбанк—в 5.000 руб., Всекоббанк в 30.000 руб. и Сельхозсоюз—в 160.229 руб. 53 к. Кроме того, в заявлении указано, что сверх этой задолженности Кредсельсоюз еще должен курскому отделению госбанка около 140.000 руб., на взыскание каковой суммы Госбанк уже получил путем судебного приказа право на опись и продажу имущества Кредсельсоюза. Дело по этому исковому заявлению было передано по подсудности в Курский губсуд. Из копий исполнительных листов этого губсуда от 17 марта и 25 марта 1925 года видно, что по первому из них поручено судебному исполнителю наложить арест на имущество Кредсельсоюза в обеспечение иска курского отделения Госбанка к союзу в сумме 114.110 рублей и что по второму из них тому же судиспу поручено приведение в исполнение решения Курского губсуда по тому же иску от 25/III—1925 года, коим определено: взыскать с Кредсельсоюза в пользу Госбанка 121.940 руб. с процентами, пеней и издержками. На основании этих данных курское отделение Госбанка было допущено губсудом к участию в деле в качестве третьего лица. Для разрешения вопроса о фактической несостоятельности ответчиков губсуд произвел экспертизу через специалистов-бухгалтеров, которые в своем заключении на поставленные судом вопросы заявили: 1) что реальной суммой, возможной к получению по балансу Кредсельсоюза на 1/III—1925 года, они считают 181.533 р. 15 к., 2) что этой суммы недостаточно для покрытия долгов Кредсельсоюза, исчисленных в 329.757 руб.

74 коп., и 3) что к дальнейшей работе Кредсельсоюз они считают неспособным. На основании этой экспертизы Курский губсуд 17/21 апреля 1925 года признал иск доказанным и просьбу истцов о признании Кредсельсоюза несостоятельным и о назначении ликвидкома Кредсельсоюза удовлетворил. Председатель этого ликвидкома, назначенного губсудом, 29/IV—1925 года обратился в губсуд с заявлением, что, приступив к выполнению обязанностей, возложенных на него судом, ликвидком Кредсельсоюза натолкнулся на невозможность выполнения своей задачи, так как все имущество Кредсельсоюза опечатано и описано судиспом по иску Госбанка. Поэтому, ликвидком просил губсуд сделать распоряжение о передаче ему имущества Кредсельсоюза. Губсуд, рассмотрев это заявление 25/IV—1925 года в открытом судебном заседании с вызовом сторон, вынес частное определение, в коем постановлено: 1) разъяснить судиспу 2 уч. Курского уезда, что все имеющееся у него производства как об обеспечении исков, так и о взыскании по присужденным суммам с признанного несостоятельным Кредсельсоюза он должен передать для удовлетворения кредиторов ликвидационной комиссии, назначенной определением губсуда от 17/21 апреля 1925 г., и 2) арест, наложенный судиспом на имущество Кредсельсоюза в обеспечение иска Госбанка на сумму 114.110 руб. и Сельхозкредита на 18.987 руб. по определению от 14/IV с. г., заключавшееся в разных товарах на 44.483 р., снять и имущество передать ликвидационной комиссии. На решение губсуда от 17/21 апреля 1925 года были поданы две кассационные жалобы: 1) курским отделением Госбанка, поверенный которого оспаривал правильность решения, утверждая, что в деле нет достаточных оснований для признания Кредсельсоюза несостоятельным, и 2) ликвидком Кредсельсоюза, который оспаривал правильность присуждения с него взыскания судебных пошлин в сумме 2.431 р. 32 коп., указывая, что следовало взыскать только 10 руб., как с иска, не имеющего определенной оценки. Кроме того, в кассационной жалобе поверенного отделения Госбанка изложена еще и частная его жалоба на частное определение губсуда от 25/IV—1925 года, составляющая в сущности главнейшую часть всей жалобы. В этой частной жалобе указывается на незаконность частного определения, отменяющего обеспечение иска и передающего дело судиспу ликвидационной комиссии, а также и на нарушение прав Госбанка, пользующегося преимущественным перед другими кредиторами правом на удовлетворение его претензий.

ГКК Верховсуда вынесла по этому делу такое определение:

Именем РСФСР 1925 года, июля 15 дня, Верховный Суд по ГПК в составе: председателя А. А. Крамер-Агеева, членов—И. А. Самрасова, Ф. И. Прокофьева, в открытом судебном заседании слушал дело по иску курских отделений: 1) Сельхозкредита, 2) Торгово-пром. банка, 3) Всероссийского коопбанка и Всерос. союза сельско-хоз. кооперации к курскому губ. сельско-хоз. и кустарно-промысл. союзу, ныне районному кредитному сельско-хоз. союзу о признании его несостоятельным, по кассационным жалобам: 1) курского отделения Государственного Банка и 2) ликвидационной комиссии курского Предсельсоюза, на решение Курского губсуда от 17/21 апреля 1925 г., коим определено:

1) Признать курский союз сельско-хозяйственных, кредитных и кустарно-промысловых кооперативов «Предсельсоюз» несостоятельным и для ликвидации его дел назначить ликвидаторов в лице: т.т. 1) Богданова, Андрея Ивановича (из РКИ), 2) Правдина, Матвея Дмитриевича (из райсоюза кооперативов) и 3) Нахимова, Василия Васильевича (из ЦРК).

2) Цену иска определить в 40.523 р. (основной, пашевой и запасной капиталы прекращающего существование «Предсельсоюза», как юридического лица) и взыскать с «Предсельсоюза» судебных пошлин в доход казны 1.215 р. 66 коп. и столько же в пользу местных средств и по пяти рублей в пользу экспертов—Федорова, С. И. и Сумкова, Г. А., и

3) решение, на основании п. «в» ст. 187-а ГПК, обратиться к исполнению.

Здесь же частная жалоба курского отд. Госбанка на определение Курского губсуда от 25/IV—25 г. по тому же делу по вопросу о разъяснении исполнением судебных решений 2 уч. Курского у. порядка исполнения решения губсуда от 25 марта 1925 года.

Рассмотрев кассационные жалобы, ГПК находит:

1) что доводы кассатора курского отделения Госбанка, в главной своей части, сводятся к указанию на возможность при распределении денег, вырученных от ликвидации актива несостоятельного должника, отнесения претензий Госбанка не в ту очередь, которая присвоена ему в силу закона. Эти доводы не могут быть признаны основательными по своей преждевременности, так как судом этот вопрос не обсуждался и не мог обсуждаться в виду того, что перед судом стоял на разрешении вопрос о признании несостоятельным должником Предсельсоюза, вопрос же о распределении денег может возникнуть лишь тогда, когда будет ликвидировано имущество, и тогда кассатор, лишённый возможности, если будет отнесен не к той очереди кредиторов, которая ему присвоена законом, обжаловать действия ликвидаторов в губсуд;

2) что же касается указания кассатора на возможность продолжения дел Предсельсоюза при поддержке других органов, то это вопрос существа дела, судом обследован с достаточной полнотой, равно как достаточно полно обсужден вопрос о целесообразности способа удовлетворения кредиторов не путем обычной продажи с торгов, а путем назначения ликвидаторов;

3) определение губсуда о снятии ареста, наложенного в обеспечение иска курской конторы Госбанка и передаче всего имущества в распоряжение ликвидаторов, не противоречит разъяснению пленума Верховного суда от 29/VI—1925 г.;

4) признание кооперативного объединения несостоятельным и назначение ликвидаторов судебным порядком прямо предусмотрено законом от 20/V—1924 г. ст. 16 (С. У. № 64 1924 г.), и, таким образом, указания кас-

сатора на определение пленума Верховного суда по делу Всерокомпома к данному случаю неприменимо;

5) несостоятельна также кассация и ликвидатора Предсельсоюза, указывающая, что по настоящему делу судебные пошлины должны быть определены, как с иска, не имеющего определенной оценки, в 10 руб.;

6) по изложенным соображениям обе кассации уважения не заслуживают, но так как иного порядка для признания должника несостоятельным, кроме порядка искового, не существует, то суд, получив искомое прошение о несостоятельности, должен выполнить все требования искового порядка, т.е. предложить истцу оценить иск, уплатить судебную пошлину и прочие сборы, при чем суммой иска является оспыскиваемая истцом задолженность, а не сумма основного и пашевого капиталов, как это сделал суд в данном деле;

7) хотя это упущение весьма существенно с точки зрения фикса и 176 ст. ГПК, однако, оно может быть восполнено дополнительным решением в порядке 181 ст. ГПК без отмены решения, которая бы явилась нецелесообразной в виду того, что работа ликвидаторов продолжается в течение 2 месяцев.

По изложенным соображениям ГПК определяет: кассационные жалобы курской конторы Госбанка и ликвидатора по делам Предсельсоюза оставить без последствий, решение в части распределения судебных издержек отменить и предложить губсуду в порядке 181 ст. ГПК дополнительным решением определить цену иска, взыскать с каждого из истцов судебные пошлины и сборы пропорционально оспыскиваемой им суммы и затем распределение между истцом и ответчиком произвести в порядке 46 ст. ГПК и примечания к ней.

Определение по делу № 32381—1925 года по иску Госсельсиндиката к гр. Левенсону о выселении.

Гр. Левенсон арендовал у жилищного товарищества дома № 25, по Мясницкой улице, торговое помещение сроком по 1/X—1924 г. Право на сдачу торговых помещений в этом доме было предоставлено жил. т-ву по особому договору с МУНИ. Когда срок аренды помещения гр. Левенсоном истек, то он с согласия жил. т-ва продолжал занимать это помещение, но не мог возобновить арендного договора на него в виду того, что само жил. т-во еще не возобновило на 1925 год своего арендного договора с МУНИ. В это время Госсельсиндикат обратился в РУНИ с предложением сдать ему в аренду торговое помещение, занимаемое Левенсоном, на что РУНИ извредило согласие и уведомило об этом жил. т-во. Но так как жил. т-во в это время вело еще переговоры с МУНИ о возобновлении арендного договора на 1925 год, то с Госсельсиндикатом договора заключено не было. Несмотря на это Госсельсиндикат предъявил в парсуде Лубинского участка гор. Москвы иск к гр. Левенсону о выселении его из занимаемого помещения на основании оплошности РУНИ и о предоставлении этого помещения Госсельсиндикату. Парсуд 16/I—1925 года иск Госсельсиндиката удовлетворил, определив выселить гр-на Левенсона из занимаемого помещения в 2-месячный срок и освободившееся помещение предоставить в распоряжение МУНИ для сдачи его Госсельсиндикату. Кассационная жалоба ответчика на это решение была оставлена 6/VI—1925 года Московским губсудом без последствий.

23/VI—1925 года поверенный гр-на Левенсона подал в Верховный Суд прошение о пересмотре этого дела на основании 251 ст. ГПК, при чем указывал на вновь открывшееся по делу обстоятельство, заключающееся в том, что 11/VI—1925 года МУНИ возобновило арендный договор

д. жил. товариществом на дом № 25 еще на год, а именно с 1/X—1924 года по 1/X—1925 г., и 18/X—25 г., жил. т-во уведомило письменно гр. Левенсона о том, что со стороны товарищества не имеется препятствий к возобновлению с ним арендного договора на занимаемое им торговое помещение.

ГКК Версуда вынесла по этому делу такое определение:

Именем РСФСР 1925 года, июля 10 дня, Верховный Суд по ГКК в составе: председателя С. М. Прушицкого, членов: Ф. И. Прокофьева, Л. А. Саврасова. При прокуроре Чапурском в открытом судебном заседании слушал в порядке пересмотра, на основании 251 ст. ГКК, просьбу гр. Левенсон, М. М., о пересмотре решения нарсуда Лубянского участка по Сокольническому району от 1/I—1925 года по делу, по иску Госсельсиндиката к просителю о выселении.

Рассмотрев просьбу гр. Левенсона и принимая во внимание, что решение нарсуда основывалось на отсутствии

у жилтоварищества договора с МУНИ и, следовательно, права на сдачу в субаренду Левенсону торгового помещения, что после утверждения губсудом означенного решения МУНИ заключило 11/VI—1925 года договор с жилтовариществом сроком с 1/X—1924 г., т.-е. продолжало ранее существовавший договор, что, таким образом, во время слушания дела договор, дающий право жилтовариществу продолжить субаренду Левенсоном торгового помещения, существовал, хотя ни суду, ни сторонам не был и не мог быть известен, что, таким образом, 11/VI—1925 г. открылось таковое новое обстоятельство, которое дает основание для пересмотра вошедшего в законную силу решения по 251 ст. ГКК,—ГКК определяет:

решение нарсуда Лубянского участка от 16/I—25 г. по иску Госсельсиндиката к Левенсону о выселении и определение Мосгубсуда по этому делу от 6/VI—25 года отменить и дело передать на новое рассмотрение через губсуд в другой нарсуд.

== Х Р О Н И К А. ==

Диспут о браке и семье в Доме Союзов (г. Москва).

1 декабря в Колонном зале Дома Союзов состоялся устроенный шефским обществом при Верховном Суде РСФСР диспут о браке и семье.

Вступительное слово сказал член коллегии НКЮ т. Бранденбургский, в прениях участвовали: т.т. Сольц, Крыленко, Лисицын, Прушицкий и многие другие. На диспуте выдвинулись отчетливо две точки зрения: одна, стоявшая на защите проекта Совпаркома, другая—т. Сольца

Тов. Бранденбургский прежде всего отметил, что суть вопроса вовсе не в том, должен ли быть сохранен институт брака или он должен быть отменен; речь идет также не о том, сохранить регистрацию брака или ее отменить. Ст. 1-я проекта устанавливает регистрацию брака, ст. 2-я допускает возможность регистрации брака задним числом. Следовательно, обе статьи сохраняют как институт брака, так и его регистрацию. Конечно, регистрация—пережиток, со временем она, конечно, исчезнет, но сейчас она сохраняется, главным образом, как средство борьбы с церковным браком.

Больше того. Регистрации придается определенное значение, значение презумпции. Регистрация помогает легко защищать те юридические последствия (права супругов), которые вытекают из брака, либо в противном случае, в случае фактического, но не зарегистрированного брака, придется прибегнуть к суду. Таким образом, регистрация брака создает большое преимущество: законную презумпцию.

В чем разница между старой и новой постановкой вопроса, между действующим Кодексом об актах гражданского состояния и проектом Кодекса законов о браке? Новый проект делает шаг вперед, идя навстречу жизни. Гражданский брак прежде противопоставлялся религиозному. Только первый порождал законные последствия. Регистрация обязательна. Жизнь образовала здесь прорыв. Цифры Ц. С. У. и ЗАГС'а говорят за большое количество

незарегистрированных браков. Следовательно, фактически брачные отношения существуют, с ними надо считаться, им надо дать защиту. Действующий закон частично дает ее. Проект расширяет юридические последствия, вытекающие из фактических брачных отношений.

Некоторые утверждают, что проект может привести к многобрачию. Однако, в проекте ярко вырисовывается вся та сложность и тяжесть материальных жертв, возлагаемых законом, которая должна действовать отрезвляющим образом, должна удерживать от многобрачия. Поскольку свидетельство о регистрации брака играет ограничительную техническую роль в новом проекте, постольку, однако, проект признает действительные брачные отношения, которые будут констатированы судом именно как брак, а не как случайная половая связь.

Материальные последствия брака могут проявляться в отношении детей и во взаимоотношениях супругов.

В отношении детей действующий закон в проект ничего нового не вносит. Тем более непонятно, что т. Сольц предлагает давать алименты только детям, происшедшим от зарегистрированного брака. Ведь это значит вернуться к делению детей на брачных и внебрачных. В качестве основания т. Сольц указывает, что на алименты денег нехватает. Но почему денег должно хватить на «законнорожденных» и нехватать на «незаконнорожденных»? Последние все от этого не перестанут существовать. Встав на точку зрения т. Сольца, мы вернемся к положению, господствующему в буржуазных государствах. Надо надеяться, что законодатель сохранит это завоевание революции, ибо постановка в проекте вопроса о взаимоотношениях между родителями и детьми правильна и к тому же ничего нового в нем нет.

Во взаимных отношениях супругов первое, на чем нужно остановиться, это вопрос о имуществе супругов, нажитом в браке. Действующий закон не знает общности такого имущества. Проект вводит ее. Не очевидно ли, что

при фактических брачных отношениях нажитое в браке имущество не должно быть иным, как общим?

Другой вопрос—это алименты супругам. По действующему закону, только зарегистрированная жена имеет право на алименты. Проект НКЮ предоставлял при присуждении алиментов преимущество зарегистрированному браку, если была налицо конкуренция с браком фактическим; СНК при рассмотрении проекта распространил право на алименты и на фактический брак.

В заключение т. Бранденбургский останавливается на возражениях противников проекта, исходящих из факта сильной растущей распушенности. В качестве меры борьбы с распушенностью противники считают необходимым придать браку устойчивый характер. Овойственны ли закону такие функции? Это потребовало бы к тому же ряда запретительных мер. Некоторые письма с мест дотически завершают такие возражения противников проекта, предлагая запретить четвертый брак и допустить развод лишь при виновности одного из супругов. Этого ли хотят наши критики? Неужели же возвращаться к старому? Нет. Для борьбы с распушенностью надо искать другие средства. Противники предлагают дать нормативное определение брака, чтобы у судьи был определенный критерий. Но определения брака сейчас нет ни в одном законе ни одного государства, ибо дать его чрезвычайно трудно.

Первым в прениях выступил т. Сольц. Тов. Сольц подчеркнул, что надо проверить жизнь, а не отделяться декларациями. Не для борьбы с церковным браком надо сделать уступку. Брак интересует с точки зрения экономических отношений, вытекающих из него. Для закрепления этих экономических уз нужна регистрация брака. Только последняя должна создавать защиту материальных последствий брака. Суды завалены алиментными делами, суды выносят решения по ним, которые не выполняются. Надо сделать так, чтобы закон действительно защищал женщину. Надо сказать, что только зарегистрированный брак дает экономические последствия. Женщина должна знать, на какие последствия она идет. Закон ей говорит: «не беспокойся, все равно», а в результате она имеет... исполнительный лист. Говорить так—это не значит идти на поводу обывательских настроений; мы должны считаться с обывательскими настроениями, поскольку они касаются крестьянской массы, требующей более устойчивого брака. Упрек о брачных и внебрачных детях упирается в вопрос о выполнении решений судов. Надо считаться с проверкой закона, помогает ли он в жизни или нет... А он не помогает, так как женщина имеет на руках лишь исполнительный лист. Устойчивость здесь может исходить только из зарегистрированного брака. Правда, проект—формальный шаг вперед, но шаг, не имеющий ничего общего с теми шагами культуры, которые мы должны сделать.

Тов. Лисицын указывает на тот факт, что жизнь ставила суды защищать и фактический брак. Дети защищаются независимо от формы брака. На первом месте у нас стоят и должны стоять интересы детей. Точка зрения т. Сольца идет против жизни, против интересов детей. Проект, однако, регистрацию брака фактически сводит на нет, приравнявая ее к фактическим отношениям. А что такое фактические брачные отношения? Только сложившиеся на основе экономической связи могут быть ими названы. Под фактические брачные отношения должна быть подведена хозяйственная база.

Тов. Лисицын говорит о крестьянских настроениях. Проект писался для передового населения города, но не деревни. Деревенское семейное право особенное. Создают ли здесь фактически брачные отношения право на землю?

Каковы в деревне последствия развода по фактическим брачным отношениям? Ответ на эти вопросы один: надо сохранить положение действующего кодекса, вперед идти преждевременно. Надо уязвить проект с хозяйственными тенденциями деревни. Надо знать интересы крестьян. А деревня, напр., предлагает отдавать при разводе детей тому, «кто сможет лучше смотреть за ними, а иные матери деньги тратят на себя, а за ребенком не смотрят». Между тем, суды имеют тенденцию присуждать детей матерям. Деревня предлагает отдавать лучше ребенка в детский дом, оплачивая его содержание со стороны отца и матери вместе.

Интересы деревни необходимо учесть, иначе запутанность семейных отношений будет еще большей. И здесь надо защищать фактические брачные отношения, существующие на хозяйственной основе, а не случайное половое сожительство. Проект должен тщательно регулировать взаимоотношения супругов, а не декларировать их.

Тов. Крыленко останавливается на возражениях т. Сольца. Насколько обоснован приговор т. Сольца,—говорит он. Представим себе, что т. Сольц прав. Будем по его рецепту строить брачные и семейные отношения. Чтобы достигнуть устойчивости брака он предлагает только зарегистрированному браку дать экономическую защиту, только из него должны вытекать материальные обязательства. Положим, что мы установили такую норму. Но ее не надо и устанавливать. Она уже есть в действующем законе. Однако же, т. Сольц так раз и недоволен действующим законом. Значит он хочет изменить действующий закон! Так чего же хочет т. Сольц? Очевидно, только единожды зарегистрированного брака. Ввести запретительные нормы? Какие получатся от этих норм результаты? Что давали эти нормы для устойчивости брака? Жизнь уже столетиями давала отрицательные результаты.

С точки зрения т. Сольца надо сделать так, чтобы на руках не было исполнительных листов. Между тем, женщина будет страдающей стороной. Никто не может мешать любителю «перемен» многократно жениться и разводиться, и искки будут сыпаться попрежнему.

Все возражения против проекта—старая песня, она частично-собственнического происхождения.

Мы же говорим: фактические брачные отношения пользуются защитой закона. Фактические брачные отношения часто встречаются в жизни. И сейчас стоит вопрос о придании им юридической силы, и в этом вопросе нельзя же илестись за требованиями обывательской массы. Мы не можем отказаться от тех задач, которые должны выполнить, как авангард пролетариата. И эту задачу нашего культурного строительства мы выполним.

Тов. Прушицкий, приводя цифровые данные о числе разводов и внебрачных детей в различных странах Запада, доказывает ими, что число разводов и внебрачных детей у нас меньше, чем за границей. И если мы ставем в порядок дня вопрос о защите материальных последствий фактического брака, то это значит, что мы не боимся ставить вопрос прямо и открыто, как ставит их жизнь, что мы не идем по стопам фарисейской культуры Запада.

После выступления т. Лебедева, остановившегося на вопросе об алиментах, т. Домбровский, указавшего, что в области взаимоотношений родителей и детей мы не можем сдать ни одной из завоеванных в Октябре позиций, слово было предоставлено крестьянке Тверской губернии т. Королевой.

«Речь т. Сольца—сказала она—оскорбление для женщины». Тов. Сольц считает, что если женщину лишить пра-

ва требовать защиты фактического брака, так она будет остерегаться фактических брачных отношений. В дореволюционное время женщина была как раз в таких условиях, и жизнь ее была сплошным мучением. Условиями т. Сольца не урегулировать жизни. Непонятно, почему только женщину надо поставить в такие условия, чтобы она думала и не шла в незарегистрированный брак. Почему мужчина не должен «думать». И если даже родители «легкомысленны», то дети ведь ни в чем не виноваты. «Если ребенок родится,—кончает она,—у него должен быть отец». Надо строго стоять на защите фактического брака.

Затем выступали работница с фабрики «Красная Швей» т. Пашкова и другие.

Итоги диспута были подведены в заключительном слове т. Бранденбургского.

Законопроект об акционерных обществах.

Наркомвнуторгком представляет в СНК СССР законопроект об акционерных обществах.

В объяснительной записке к законопроекту отмечается, что разработанный законопроект об акционерных обществах имеет своей целью заменить статьи 322—366 Гражд. Код. РСФСР и других союзных республик и дать прочные законодательные основания для организации и деятельности акц. обществ с участием государственного капитала.

Сохранив неприкосновенными основные принципы действующего советского акционерного права, проект Наркомвнуторга вносит в правовую регламентацию акц. о-в ряд улучшений.

В изъятие из общего правила о минимальной нарицательной цене акции в 100 руб. примечание к ст. 11 проекта допускает акции меньшей стоимости для акц. о-в, имеющих предметом своей деятельности удовлетворение государственно-полезных задач или массовых потребностей трудящихся (Добролет, Нарпит и т. д.).

На ряду с коллегиальным правлением акц. о-ва проект предусматривает возможность замены правления единоличным директором акц. о-ва.

Что касается смешанных акц. о-в, то, рассматривая их, как особый вид акц. о-ва, законопроект подчиняет их специальному правовому режиму, обусловленному принадлежностью большинства их акций государственным учреждениям и предприятиям.

По общему правилу, законы и распоряжения, установленные для акц. о-в., вообще, распространяются и на смешанные акц. о-ва с теми лишь изъятиями, которые указаны в соответствующих законах и распоряжениях. С другой стороны, на эти смешанные общества распространяются законы и распоряжения, касающиеся государственных учреждений и предприятий, действующих на началах коммерческого расчета, если это распространение особо предусмотрено.

Так как составление исчерпывающего перечня тех отношений, в которых смешанные акц. о-ва приравниваются к государственным учреждениям и предприятиям, действующим на началах коммерческого расчета, представляется невозможным, то Наркомвнуторг считает правильным разрешить этот вопрос путем издания специальных законоположений. Это приравнивание во всяком случае должно иметь место в отношении государственного регулирования, налогов и сборов, в отношении гражданско-процессуальном и в отношении правил, регулирующих труд служащих и рабочих.

Законопроект об акц. о-вах имеет непосредственную связь с внесенным Наркомвнуторгом в Совнарком проектом положения о государственных паевых т-вах.

Ответственность по долгам потребительского общества.

НКВнуторг СССР разъяснил, что в виду отсутствия в настоящее время закона о несостоятельности, при разрешении вопросов, связанных с ликвидацией предприятий, представляется необходимым руководствоваться лишь общими соображениями.

1. В том случае, если имущество потребительского о-ва окажется недостаточным для покрытия всех его обязательств, недостающая сумма взыскивается с членов о-ва в порядке их дополнительной, кратной к членскому взносу, ответственности (§§ 63 и 13 норм. уст. потреб. о-ва управл. общ. собран. членов, утвержд. СНК РСФСР 21/XI—1924 г.); при этом кредиторы общества могут просить суд о назначении срока, в который члены о-ва должны сделать свои дополнительные взносы.

2. В случае, если имущества, внесенного членами в порядке их дополнительной ответственности, окажется достаточно для удовлетворения всех кредиторов о-ва, последнее может продолжать свою деятельность, т. к. несостоятельностью, при наличии которой о-во должно ликвидироваться, является невозможность удовлетворить полностью все претензии кредиторов.

3. При недостаточности имущества, которым располагают потреб. о-во уже после того срока, в который члены о-ва обязаны были сделать дополнительные взносы, должна производиться ликвидация потреб. о-ва в порядке 266 ст. Гр. Процесс. Код.

На основании изложенного следует установить, что непосредственное обращение взыскания со стороны кредиторов на имущество члена потреб. о-ва по долгам о-ва в порядке дополнительной, кратной ответственности членов по существующему законодательству не допускается.

Регистрация сделок с лесом на корню.

Согласно циркуляра НКЗ и НКФ РСФСР от 15/XI — 1924 г. сделки с лесом на корню регистрации не подлежат. Имея, однако, в виду, что в настоящее время сделки с лесом на корню приняли широкий коммерческий характер и совершаются не в плановом порядке, а посредством торгов и сореволюций, Совет с'ездов возбудил перед Наркомвнуторгом РСФСР вопрос об отмене упомянутого циркуляра и введении и для сделок с лесом на корню обязательной регистрации.

Сельско-хозяйственные кредитные сделки.

При учете сельско-хозяйственных кредитных сделок различаются следующие виды учреждений, совершающих такие сделки: сельско-хозяйственные, кредитные товарищества и общества сельско-хозяйственного кредита.

По мнению Совета с'ездов биржевой торговли, первые из них, возглавляемые, как центром, Сельскохозсоюзом, представляют собой чистейший вид первичной кооперации и действуют на основании нормального устава, утвержденного Наркомфином. Они совершенно правильно отнесены инструкцией Совета с'ездов в рубрику кооперативных организаций.

Что касается обществ сельско-хозяйственного кредита, то они, действуя на основании нормального устава, утвержденного Совнаркомом 1/III—1923 г., и находясь в орга-

низационной связи с Госбанком, по структуре своей, по своей экономической сущности являются смешанными акционерными обществами.

Момент совершения биржевой сделки

Совет съездов установил, что если сделка, заключаемая при участии маклера, подписана последним и надлежаще уполномоченными представителями сторон, то она должна с этого момента считаться совершенной, хотя бы она не была зарегистрирована в биржевом собрании, и потому согласно общих норм Гражд. Код. не может быть уже аннулирована односторонним волеизъявлением.

Акт регистрации такой сделки производится не сторонами, и не по желанию сторон, а по обязанности, возложенной на маклера типовым положением о маклерах и инструкциями биржевого комитета.

Поэтому факт задержки маклером акта регистрации по просьбе сторон, при чем одна из них заявила, что, соглашаясь на отсрочку, она, однако, не аннулирует сделки, дает основание для суждения о нарушении маклером его обязанности, но не для признания сделки недействительной.

Льготы направляемым в отдаленные местности СССР.

ВЦСПС согласился с разработанным Наркомтрудом СССР и направляемым на утверждение ЦИК и Совнаркома СССР проектом положения о льготах для лиц, направляемых в отдаленные местности СССР государственными учреждениями и предприятиями.

Для всех рабочих и служащих независимо от занимаемой должности и выполняемой работы, если они назначаются или переводятся на постоянную работу в отдаленные местности, устанавливается целый ряд льгот и преимуществ, как-то: командирование их госпредприятия и учреждения должны выдавать им в двойном размере все виды компенсаций; в течение первых трех месяцев в новом месте работы сверх получаемого ежемесячного содержания должно выдаваться пособие в размере твердого месячного оклада или тарифной ставки и др.

Для лиц, занимающих должности, список которых особо устанавливается НКТ, НК РКИ, НКФ и ВЦСПС, сверх этих льгот предоставляются еще следующие преимущества:

За 3-летнюю службу они приобретают право на получение единовременного пособия в размере заработка за последние 8 месяцев; прослужившим более 3 лет предоставляется право на бесплатное помещение детей во все учебные заведения; прослужившим более 5 лет предоставляется право на получение сверх очередного нормального отпуска дополнительного 3-месячного отпуска с сохранением содержания и др.

Лицам, занятым работой, требующей специальной научной подготовки, предоставляется право на научную командировку один раз по прошествии каждых пяти лет службы на срок от 3 до 6 месяцев с сохранением получаемого по должности содержания.

Действие этого постановления будет распространяться как на случаи командировок из одной республики в другую, так и на случаи командировок внутри отдельных союзных республик.

Раз'яснения по Земельному Кодексу.

НКЗемком по Особой Коллегии высшего контроля по земельным спорам раз'яснено:

При общинном или участково-тереспотном порядке землепользования дворы, имеющие общее пользование соплеменными или вспомогательными угодьями (в составе по менее 3 дворов), в отношении этих угодий составляются с.-х. объединения и должны признаваться членами единого земельного общества, если это объединение и образовалось до издания Земельного Кодекса, возникшее же после этого момента—при условии его регистрации (ст. 49 Зем. Код.). При отрубной и хуторской формах землепользования земельными обществами могут признаваться в отношении хуторских или отрубных участков лишь добровольные объединения дворов (в составе не менее трех), т.-е. возникшие по соглашению их членов. При этом такие добровольные объединения должны считаться земельными обществами, если они образовались до издания Земельного Кодекса, а возникшие после этого момента—при условии их регистрации.

Переделы, т.-е. уравнильные распределения земельных угодий между членами земельных обществ, по приговорам этих объединений без применения землеустроительного порядка развертывания земель могут производиться лишь в обществах с общинным порядком землепользования. Развертывания земель могут производиться при участковой форме землепользования лишь в порядке землеустройства и при условии принадлежности землепользователей к составу земельных обществ, образованных на указанных основаниях.

В тех случаях, когда общество из'являет свое согласие на выделы земли числу дворов меньшему, нежели установленное ст. 135 Зем. Код. для обязательного выдела, указание общества на отводимое им место для выдела должно быть признаваемо обязательным условием и не может быть изменено вопреки согласию обществ. При несогласии же на отводимое место выделяющихся в выделе им в этих случаях должно быть отказываемо.

Вторая часть ст. 136 Земельного Кодекса, согласно которой выделы двором земли к одному месту из состава общественных угодий, против согласия общества и не во время переделов и разверстаний общественной земли, могут производиться лишь при условии требования выдела дворами в составе не менее $\frac{1}{5}$ общего их количества, не применяется при выделах земли с.-х. коллективам, коммуна, артелям и товариществам по общественной обработке земли, образовавшимся из членов общества в порядке законной регистрации. В силу ст. 114 и 2 части ст. 42 Зем. Код. в этом случае выделы могут производиться по требованию с.-х. коллективов, образовавшихся в составе не менее 15 взрослых членов общества, с соблюдением при этом требований ст. 138 Земельного Кодекса.

При образовании дачи разверстания согласно ст. 171 Земельного Кодекса в состав ее включаются независимо от согласия землепользователей все те земли, без вовлечения которых в данное землеустройство таковое не может быть надлежащим образом проведено. Компенсация за отходящие от землепользователя при землеустройстве в порядке обмена земли должна быть предусмотрена одним и тем же землеустроительным проектом и произведена одновременно с из'ятием этих земель.

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФ СССР раз'яснил: арендованные земли, как общее правило, облагаются по месту жительства арендатора. При этом отчисления в местный бюджет губернией, взыскиваю-

шей сельхозугодий, передаются губернии, в которой находится арендованная площадь. Гособлад передаче не подлежат и зачисляется в доход казны по мере поступления налога (раз. № 401401/1035 от 4 ноября с. г.).

Дела о сокрытии объектов обложения, в том числе и скота, должны разрешаться в судебном порядке. В случае же установления дознанием, что укрытие скота носит не повторный характер, дела таких граждан не передаются в нарсуд. Это разъяснение отнюдь не касается сокрытия напаша, так как такого рода дела обязательно передаются в суд (раз. 4 ноября с. г. № 402801).

Льготы за счет трехпроцентного фонда предоставляются волостными налоговыми комиссиями только в индивидуальном порядке по специальным ходатайствам налогоплательщиков. Автоматическое предоставление льгот за счет этого фонда не допускается (раз. 4 ноября с. г. № 401502).

Разъяснение по гербовому сбору.

Согласно разъяснения НКФ СССР по § 10 перечня пз'ятий от гербового сбора право бедности для освобождения от гербового сбора может быть признано лишь судом, притом по определенному делу судебного характера, где бы оно ни производилось. Свидетельства о бедности, выдаваемые другими учреждениями и должностными лицами, не могут быть принимаемы для освобождения от гербового сбора (раз. 6 октября 1925 г. № 461222).

Борьба с контрабандой.

В разъяснение правил для агентов флиотделов по борьбе с контрабандой НКФ СССР разъяснил, что обнаруженный в пределах 50-километровой пограничной полосы не подлежащий таможенному клеймению заграничный товар, оплата которого таможенной пошлиной не может быть доказана таможенной квитанцией или другим указанным в предыдущем пункте документом, признается контрабандным.

В тех случаях, когда лицо, у которого обнаружен контрабандный товар, укажет действительного собственника последнего или первоначального владельца его, контрабандный товар конфискуется, на действительного собственника или первоначального владельца товара штраф налагается в полном размере, определенном п.п. «а», «б» и «в» ст. 262 там. устава, а для лица, у которого товар обнаружен, штраф может быть понижен до половины этого размера.

Финансовыми отделами должны реализоваться все доставленные им конфискованные контрабандные товары, т. е. как те товары, которые задержаны и доставлены агентами финансовых отделов, так и те, которые задержаны должностными лицами других органов, и доставлены согласно второй части там. устава в финансовые отделы (п. НКФ СССР от 9/VII—1925 г. № 858—«В. Ф.» 25 г. № 77).

Борьба со случаями оскорбления заключенными лиц конвойной стражи.

Главное Управление местами заключения предложило местам (п. НКВД № 454 от 25/VIII—1925 г.) не пропускать безнаказанно ни одного случая оскорбления лиц административно-строевого состава и красноармейцев конвойной стражи, налагая на виновных предусмотренные ст.ст. 145—149 ИТК меры дисциплинарного воздействия, вплоть до возбуждения ходатайств о направлении виновных в изоляторы специального назначения, и фиксируя проступки в личных делах заключенных.

Помимо наложения дисциплинарных взысканий администрация мест заключения, а также наблюдательные и распределительные комиссии должны строго учитывать дисциплинарные проступки при прохождении заключенными прогрессивной системы (перевод из разряда в разряд, условное досрочное освобождение) и при предоставлении им всякого рода льгот, отпуска в общем порядке и на полевые работы, зачет 2 дней работ за 3 дни срока и т. п.

О более крупных проступках заключенных и особенно об оскорблениях действием должно производить дознание, направляя их прокурору для привлечения виновных к судебной ответственности.

По союзным республикам.

Революционная законность на местах в Грузии.

Кампания по укреплению революционной законности на местах велась в течение последних месяцев очень энергично и дала заметные результаты.

Одним из результатов—значительный рост дел, поступающих в суды. В связи с этим народные суды буквально завалены делами.

Судьи фактически не справляются с работой, и Наркомюстом предпринимается ряд мер к увеличению сети судов. Вопрос этот находится в стадии разрешения и лишь несколько тормозится недостатком средств.

Очень большую роль в укреплении революционной законности сыграли рабочие и крестьянские корреспонденты.

В настоящее время в стадии следствия имеются десятки дел, возбужденных по газетным заметкам.

Широко рабоче-крестьянские массы всецело являют лавстречу Наркомюсту в проведении кампании по укреплению революционной законности.

Юридические курсы в Баку.

Наркомюстом АССР решено открыть в Баку одногодичные курсы для подготовки опытных юристов. Курсы рассчитываются на 35 человек.

Так как предполагаемый контингент будущих слушателей курсов составят крестьяне из уездов, возникает вопрос о создании при курсах общезнания.

В настоящее время смета находится на рассмотрении в ВЭС'е АССР.

Обследование судебных учреждений Армении.

По инициативе НКЮ Армении предприняты широкие обследования и ревизии всех судебных органов на местах.

специальными комиссиями в составе ответственных работников Наркомюста.

В программу работ входит выяснение отношений народных судов к баграчеству, определение характера уголовных и гражданских дел, наиболее часто разбираемых судами, и т. д.

Коллегия защитников в Баку.

В настоящее время по гор. Баку насчитывается 103 члена коллегии защитников.

В августе и сентябре членами коллегии выполнено в бюро при коллегии, в азербайджанском комитете помощи

труженицами и в районах 253 дежурства. За это же время проведено 206 бесплатных защит: в окружном суде 158, в трибунале 20, в нарсудах 23 и в земельных комиссиях 5. Защитники по назначению выезжали также для ведения дел в районы.

Из уездов имеются сведения только за июль, и аялует: в Ленкорани было отбыто 46 дежурств, в Пришибе—16, в Кубе было дано крестьянам 62 юридических совета, в Шемахе бюро бесплатной юридической помощи посетили 48 человек.

А. Ж.

По автономным областям.

Работа прокуратуры в Кабардино-Балкарской области.

Борьба за революционную законность в ауле особенно сложна у нас в Кабардино-Балкарской автономной области, так как область населяют, главным образом, отсталые в культурно-экономическом отношении народности.

Основная задача, которую поставила перед собой областная прокуратура,—это приближение органов прокурорского надзора к аулу. С этой целью помощникам прокурора в округах дано задание провести широкую политическую работу по водворению революционной законности в ауле и разработан следующий план: организация юридической помощи, постановка на собраниях бедноты докладов по вопросам советского права, с учетом бытовых условий, организация общественного обвинения, устройство показательных судебных процессов, организация юридического уголка в газете «Карахалк», регулярные выезды прокуратуры в наиболее отдаленные аулы и села.

Одновременно с этим при выездах на места прокуратура будет принимать письменные и устные жалобы не только в учреждениях, но и непосредственно у крестьян.

Вся эта работа будет проводиться в полном контакте с ЦИК'ом и областным комитетом и план работы согласовываться с обл. РКИ.

Прокурорский надзор должен в связи с общей политикой руководящих органов в деревне вовлечь крестьянство в активную работу советского строительства, держа курс на бедняка и середняка.

Необходимо создать кадр народных заседателей из бедняцкого и середняцкого крестьянства, привлечь в качестве присяжных и приследователей наиболее подготовленных кабардинцев и балкарцев. Выдвижение из крестьян группы общественных обвинителей—один из способов проведения коллектарной работы в деревне.

Прокуратура стремится установить связь с селькорами и ею обращено самое серьезное внимание на их защиту.

На областном совещании помощников прокурора и совещания по борьбе с преступностью из докладов с мест вылилось неудовлетворительное состояние органов до 75%. Если же к этому добавить еще полное отсутствие инструктирования сверху (цены и края), то будет ясно, почему плохи производимые таким составом дознания.

Упущения в этой области приводят к тому, что иногда даже факты преступления остаются незафиксированными в дознании. Преступники содержатся в местах заключения без всякого распределения по категориям.

Такое положение аппарата дознания и органов следствия, естественно, крайне отрицательно влияет на работу нарсудов.

К устранению всех этих дефектов за последнее время прокуратурой области принят целый ряд энергичных мер, давших ощутительные результаты.

Юридический кружок. В 1924 году в Пальчике была организован юридический кружок. Но существовал он недолго. Было прочитано 5 лекций и тем дело кончилось.

В настоящее время работники юстиции решили опять начать работу, втянув в кружок новые силы.

В кружок предполагается втянуть: селькоров, работников земкомиссий, комиссии несовершеннолетних, правонарушителей, милицию, угрозыска, следователей, общественных обвинителей, членов коллегии защитников и др.

Работа в аулах. Работа прокуратуры Каб.-Балк. авт. области за последнее время оживилась как в части политической, так и по надзору за законностью действий всех местных органов власти.

Главное внимание в своей работе прокуратура уделяла аулу, где зачастую царит административный произвол при проведении землеустройства, при определении ставок единого сельско-хозяйственного налога и др. особое внимание было обращено прокуратурой на охрану селькоров от гонений кулацкого элемента.

По селькоровским заметкам, помещенным в газете «Карахалк», разоблачающим деятельность местных органов власти, ведутся соответствующие дознания.

В борьбе за революционную законность большим облегчением явилось бы ознакомление кабардинцев и балкарцев с основными законами о земле, о лесах, о товариществах и т. д. Для этого прежде всего необходимо приобретение общедоступной правовой литературы. Средства должны изыскать воспользоваться.

Проводниками советской законности в ауле являются прежде всего милиционеры, и их в первую очередь нужно снабдить кодексами для этой же цели.

Болдырев.

Н а м е с т а х.

Юридическая помощь на С.-Кавк. ж. д.

В ноябре 1924 г. при местном узла станция Батайск Северо-Кавказских ж. д. был организован кружок по изучению советского права, в который записалось 35 человек. Лекции читались два раза в неделю опытным членом кружка Ростовского учпрофсоюза. Кружком за год было пройден Сводник Кодексов РСФСР, а 28 июня 1925 г. было произведено испытание, давшее вполне удовлетворительные результаты.

В настоящее время при узле открыто справочное бюро, обслуживаемое членами кружка. Стол справок дает всякого рода справки членам союза, а также пишет всякого рода заявления. Кроме членов профсоюза, много уделяется внимания крестьянам, которые обращаются в справочное бюро, главным образом, по вопросам земельного, опекунского и наследственного права. Кроме того, наиболее подготовленные товарищи выступали защитниками в судах по делам членов союза.

Дегтарев.

Деятельность судебно-следственных органов Сальского округа.

В конце сентября проведено третье, после районирования окружное совещание судебно-следственных работников Сальского округа Сев.-Кав. края. Данное совещание было приурочено к моменту окончания крайсудом ревизионно-инструкторского обследования низовых органов Сальского округа, почему и вопрос об итогах ревизии был основным вопросом, вызвавшим горячие прения. Ревизией было установлено, что выброшенный партией лозунг «лицом к деревне» нашел свое реальное отражение в работе судебно-следственных органов Сальского округа. Так, например, за период с августа 1924 года по июль 1925 года одиннадцать судебных камерами совершено 97 выездных сессий для разбора дел в отдаленные села; проведено в местах совершения преступления 54 показательных процесса, большой процент которых — дела о кражах скота, имеющие в Сальском скотоводческом округе исключительное значение. На крестьянских сходах, на собраниях союзных организаций, на женских конференциях, сделано 103 доклада: о работе судебных органов, о революционной законности и т. п. Проводились также занятия с миллионерами и помещиками-владельцами. При их участии организованы в округе и работают более 30 юридических консультаций, при сельских и районных избах читальнях.

Судебными камерами за этот же период рассмотрено 18801 дело и на 1 августа 1925 г. на производстве нарушено осталось в среднем по 290 дел на каждый участок. Средний % отмены приговоров и решений колеблется от 24 до 33, что указывает на значительно возросшую квалификацию судебных работников.

В производстве преследов осталось в среднем по 12 дел. Нетерпимости в деле руководства органами дознания не замечено.

Однако, как показал отчет об итогах ревизии, квалификация отдельных судебно-следственных работников — низка. Так, например, установлены случаи применения 36 ст. УК к осужденным на принудительные работы с назначением испытательного срока в один год, рассмотрение в распорядительных заседаниях дел о досрочном освобождении а также следующие нарушения: несоблюдение ст. 35, 43 и 81 ГПК при принятии к производству исковых заявлений; прекращение гражданских дел за неявкой изменивших место жительства сторон; утверждение мировых соглашений без указания основы таковых и зачастую без обсуждения вопроса о взыскании судебных расходов; несоблюдение 149 и 102 ст.ст. ГПК при расторжении сделок, носящих характер, предусмотренный ст.ст. 32 и 33 ГК, и наоборот, взыскание объектов вещного обогащения в порядке ст. 193 ГК в пользу другой стороны; произвольное взыскание одним из судей судебных расходов с истцов, неоплаченных, наконец, неправильное применение одним из преследов меры пресечения и нарушение другим 128 УПК.

Помимо приведенных нарушений материальных и процессуальных норм, некоторые судебно-следственные камеры недостаточно внимательно относятся к хранению вещественных доказательств, при записи которых в книгах не описываются их индивидуальные признаки. Вещественные доказательства не всегда опечатаны и имеют ярлыки, кои бы определяли их принадлежность к делам.

В трех камерах большая загруженность дел. Для изжития приведенных недостатков крайсуд наметил ряд конкретных мероприятий, и совещание, соглашаясь с ними, постановило провести их в жизнь и подыять работу в ближайший срок на соответствующую высоту.

Совещание состоялось в подшефном работникам юстиции селе Куручино-Балковском, поэтому второй вопрос, «о работе в деревне», вызвал большой интерес не только судебно-следственных работников, но и крестьянства, которыми была переполнена зала, где происходило совещание. Было указано на необходимость: более раннего проведения кампании по выборам народных заседателей с тем, чтобы до работы с ними можно провести необходимые запятия, увеличения выездных сессий, что уменьшит поездки хлеборобов в камеры за десятки и сотни верст. Совещание признало необходимым также уделять больше внимания общественной работе в смысле популяризации советского права и расширения дела оказания юридической помощи населению и т. п.

Последним вопросом совещания, был доклад шефской комиссии о работе. Из него видно, что за семь месяцев шефства на добровольные отчисления судебно-следственных работников Сальского округа, в селе оборудованы клуб и изба-читальня, библиотека пополнилась новыми книгами. Организовано консультационное бюро, которое за указанный срок написало крестьянам около 600 заявлений и дало тысячи советов. Избу-читальню шеф снабжает газетами, все революционные праздники проведены при участии председателя шефа. Населению неоднократно делались доклады по разным правовым вопросам.

А. Романов.

БИБЛИОГРАФИЯ.

М. С. Строгович и Д. А. Карницкий: Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР. Текст и постатейный комментарий. Под редакцией Н. Я. Пехамкина. Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Москва, 1925 г.

Подход, взятый авторами комментария в их, конечно, нелегкой работе, не должен был дать места тем сомнениям, которые выражены словами предисловия редактора «Комментарий, опять комментарий...» и которые сводились к неуверенности авторов в действительной необходимости выпуска нового труда при наличии на рынке аналогичных трудов по этой же отрасли нашего права. Подход авторов к работе, которой формулирован словами того же предисловия: «работая над каждой строчкой, мы всегда видели перед собой рядового судебного работника... неискушенного в юридических тонкостях», и задача ими поставленная: «разъяснить, как на практике практическим работникам применять те или иные нормы процесса», как раз и должны были создать у авторов уверенность в безусловной полезности их труда. И проводя с достаточной твердостью намеченную линию, избежав больших отклонений от указанной задачи в сторону академизма, авторы дали книгу, какой в области уголовного процесса рядовой судебный работник до настоящего времени не имел.

Остановимся сначала на отдельных замечаниях, которые вызывает книга.

Нельзя признать удачным допущенное авторами отступление от принятой в данном Кодексе и пока что существующей и в Уголовном Кодексе терминологии и, именно, замена термина «наказание» термином «мера социальной защиты». Не говоря уже о том, что замена эта далеко не повсюду, даже и в отдельных комментариях, выдержана, что на ряду с «мерой социальной защиты» мы находим и «наказание», и «репрессию», и «карается» и т. п., в комментариях к отдельным статьям, в тексте, содержащем термин «наказание», она просто непримлема. К невыдержанности терминологии нельзя не отнести и неизвестно на чем основывающееся применение деления предусматриваемых УК действий на преступления и проступки (комм. к ст. 4).

Эти недочеты, по существу своему особенного значения не имеющие, мы отмечаем потому, что они способны породить сомнения, именно, у того неискушенного читателя, для которого писалась книга. К этим недочетам, хотя уже и не терминологическим, но по своему значению одинаковым с отмеченными, следует отнести вводимое также без достаточных к тому оснований деление предварительного следствия на общее и специальное (комм. 1 к ст. 129).

Авторы, как можно судить по предисловию, не ставили перед собой задачи комментирования статей Кодекса «во что бы то ни стало». Но в ряде статей мы находим комментарий, именно, такого рода. В некоторых случаях комментарий эти—просто популярное изложение текста (ст. 279), в некоторых—изложение положений совсем не УПК (комм. 1 к ст. 257), в некоторых—чуть ли не буквальное, ничего нового не дающее повторение текста (комм. 4 к ст. 349, комм. к ст. 376), наконец, в некоторых—утверждение таких положений, которые вряд ли в том могут вызвать сомнения «ясно, что подсудимый может быть осужден только тогда, когда именно он, а не кто иной, учинил то деяние, за которое он предан суду» (комм. 3 к ст. 320).

Пример комментария, который вместо «внесения полной ясности» в вопрос, приводит как раз к обратному результату, дает комм. 2 к ст. 257. Устанавливая положение, что действия председателя в судебном заседании приносятся им не от своего имени, а от имени всего состава суда «с молчаливого согласия параседелателей» и что отдельные распоряжения председателя, к примеру, предложение защитнику не касаться тех или иных обстоятельств, могут быть по требованию параседелателя изменены, комментаторы вовсе не считают нужным, чтобы председатель по каждому вопросу спрашивал мнения заседелателей. «Такая постановка вопроса»,—говорят они,—«конечно, никуда не годится». Все вопросы, за исключением лишь точно перечисленных в Кодексе, разрешаются председателем без предварительного согласования с параседелателями, однако, при том неременном условии, что они считают действия председателя правильными» (курсив наш—А. И.). Ясное содержание статьи, определяющей права председательствующего, в результате таких «разъяснений» становится совсем туманным.

Ряд комментариев вызывает возражение и по существу. Так комментарий к ныне знаменитой ст. 4-а содержит два, по нашему мнению, далеко не удачных примера для ее применения. Вряд ли можно согласиться с авторами, что статья должна быть применена к делу по обвинению в изнасиловании, если к моменту судебного разбирательства обвиняемый и потерпевшая вступили в брак (даже не фактически), или к делу по обвинению в дезертирстве, если к моменту разбора дела обвиняемый окажется демобилизованным. Кроме сомнительной правильности подведения указанных дел под ст. 4-а, вряд ли такие примеры вообще будут полезными для изжития принимающего местами уродливые формы применения этой статьи.

В комментарии к ст. 11 авторы впадают уже в другую крайность, говоря, что «применение с обвиняемым не влечет прекращения дела, даже если потерпевший отказался от первоначального обвинения и признал его ложным или ошибочным». Что касается случаев признания ошибочности заявления, то с авторами согласиться можно, но вряд ли можно говорить о продолжении дела, когда заявитель, будучи поставлен в известность о последствиях ложного заявления, тем не менее признает свое заявление ложным.

В комментарии к ст. 14 авторы вводят совершенно произвольное ограничение прав потерпевших убытки от преступления на предъявление гражданского иска. Беря для примера кражу, они говорят: «при краже из государственного склада потерпевшим является соответствующее учреждение или предприятие, при простой краже—частный гражданин или объединение граждан; все же прочие граждане, потерпевшие от преступления убытки, могут их искать в порядке гражданского судопроизводства». Раз гражданин потерпевший от преступления убытки, значит, он потерпевший, а раз так, то нельзя разъяснением лишать его права, прямо предоставленного ему законом, исходя только из тех соображений, что гражданский иск не оплачивается судебными пошлинами и что поэтому круг гражданских истцов должен всячески ограничиваться. Кстати, в этом же комментарии содержится совершенно неправильная фраза: «обычно гражданские иски рассматривает гражданский же суд». Неправильность эта очевидна и пояснений не требует.

В комментарии к ст. 55 дано в значительной степени неточное определение состязательного процесса, ибо полная бездеятельность, пассивность суда в деле отыскания фактической истины вовсе не является для этого типа процесса обязательным условием. Поэтому основанный на такой предпосылке вывод авторов о признании нашего процесса чистым розыскным, нам кажется, не может быть признан правильным.

В комментарии к ст. 228 авторы, по совершенно непопавшим причинам не только не учли данного пленумом Верховного суда разъяснения, но высказали положение совершенно расходящееся с этим разъяснением. Указав на то, что при несогласии прокурора с обвинительным заключением и направлении им дела на прекращение, «неизвестно, — остается ли в дело в этом случае обвинительное заключение», авторы находят (подтверждая это и в комм. к ст. 232), что обвинительное заключение должно оставаться в деле. В разъяснении же пленума Верховного суда от 7/VII—1924 г. (прот. № 13) сказано: «в соответствии со ст. 229 УПК прокурор вправе взять из дела обвинительное заключение, составленное следователем, и представить дело в суд со своим мотивированным предложением о прекращении дела».

В комментарии 1 к ст. 417 проскользнул совершенно чуждый всему труду формальный подход. Иначе ничем нельзя объяснить утверждение авторов, что «на основании ст. 417 нельзя отменять приговор по мягкости репрессии, а только по ее суровости», ибо «несправедливость приговора можно понимать только как несправедливость его к осужденному». Можно согласиться с тем, что редакция статьи не совсем удачна, но нельзя на этом строить такого, как в комментарии, ограничивающего ее применения толкования, так как оно, по нашему убеждению, не отвечает смыслу статьи.

Мы ограничиваемся приведенными замечаниями, ибо если и можно привести еще некоторые места, которые дают основания для возражений, то, в общем, их немного, а главное, они не так важны для оценки книги.

Зато исключительно важно в этом отношении то, например, широкое использование кассационной практики Верховного суда, какое мы находим в комментарии и которое придает ему особую ценность. Примерами из практики иллюстрированы почти все наиболее важные статьи Кодекса.

Как мы сказали уже выше, авторов совершенно нельзя упрекнуть в сколько-нибудь формальном подходе к комментированию. Они смело идут на то, чтобы отказать тем или иным нормам Кодекса в большем, чем признание их только процессуальными правилами, инструкциями, они не останавливаются и перед тем, чтобы в ряде случаев, не цепляясь за букву закона, допустить его критику, либо прямо признать отдельные нормы Кодекса неудачными, требующими изменения или уточнения, приводя при этом и свои соображения, в каком именно направлении должно идти это изменение или уточнение. Неуклонно идя к выполнению своей задачи дать практически пригодный комментарий, авторы вводят в него и целый ряд чисто-практических советов.

Особенно тщательно и подробно разработаны те главы Кодекса, которые представляют собой его основу, а в них — те статьи, которые и по своему значению и по практическому применению нуждаются в наиполнейшем освещении. Для примера назовем главы: о дознании, общие условия производства предварительного следствия, о судебном заседании и др. Наконец, с исключительной тщательностью и подробностью, как и следовало ожидать от авторов, непосредственных участников кассационной практики Верховного суда, разработана XXIX глава: производство

губернского суда в качестве кассационной инстанции, в которой судебные работники найдут ценнейшие указания по практическому применению наиболее трудных, входящих в нее норм.

Говоря о книге в целом, должно признать ее безусловно удачной и потому уверенно сказать, что теми, кого, главным образом, имели в виду авторы, судебными работниками, она будет встречена тепло.

А. Иодковский.

М. Д. Позняк. Руководство по производству торгов на подряды и поставки в учреждениях РККА и Ф.—М. 1925. Изд-ство «Красная Звезда».—Стр. 152. Ц. 1 р. 60 к.

Автор в общем вполне справился с поставленной задачей: «дать каждому военному начальнику, не имеющему юридической подготовки и потому недостаточно знакомому с законоположениями..., нормирующими акты гражданского правового характера..., правильно совершать эти акты» (стр. 5). Книга содержит в себе исчерпывающее изложение порядка организации, производства и утверждения торгов, заключения, утверждения и регистрации договоров, а также порядка обеспечения договоров и оплаты их гербовым сбором (стр. 9—62), и текст главнейших относящихся к этим вопросам инструкций, а равно формы типовых договоров (стр. 63—149). Трактровка этих вопросов вполне исчерпывающая, и если можно что-либо поставить автору в вину, то только слишком большую обстоятельность, притянутую с многословием, в особенности излишне подробное изложение инструктивных замечаний хозяйственного характера (см., напр., на стр. 40: «Неустойка за неисполнение договора, если, с одной стороны, не должна быть чрезмерно высока, то, с другой стороны, она не должна быть и чрезмерно низка»; то же на стр. 14—15 об ограниченных соревнованиях, стр. 35—36 о хранении залога, стр. 35 о принятии в залог гарантийных писем). По существу, даваемое автором разрешение тех или иных спорных вопросов базируется обычно на весьма веских теоретических и практических основаниях и нередко подтверждается приводимыми разъяснениями НКЮ (ср. толкование ст. 15 пол. о гос. по др. и пост. на стр. 40, о взыскании неустойки при расторжении подрядчиком неутвержденного еще договора, стр. 41, об участии руководителя учреждения в торговой комиссии, стр. 16 и 23). Ошибки попадаются так же редко, как и пропуски. Тем не менее книга М. Позняка выгодно отличается от многих аналогичных «практических», по малому пригодных для практики руководств, в изобилии появляющихся на книжном рынке.

Тем не менее, книга страдает некоторыми недостатками. Прежде всего, нельзя не отметить, что содержание книги не соответствует ее заглавию: автор в своем изложении вышел далеко за поставленные рамки. С одной стороны, он остановился не только на вопросах, касающихся подрядов и поставок, но и на купле-продаже, охватив, таким образом, все способы заготовлений по военному ведомству (ср. стр. 10, 28, 34, 46, 51, 52, 59). С другой стороны, как уже отмечалось, он осветил не только порядок производства торгов, но и порядок заключения, утверждения и регистрации договоров и вопросы об их обеспечении и исполнении (гл. VI). В соответствии с этим преобладающее место занимают не инструкции и формы, касающиеся торгов (№ 1, 6—8, 13), а типовые договоры, инструкция о регистрации виберижевых сделок, общие условия на отдачу и подряд строительных работ 13 мая 1925 г. и т. д. материал. В то же время ряд существенных вопросов, связанных с исполнением договоров, не нашел себе места в изложении: таковы вопросы об ответственности подрядчика за хранение материалов, о приемке, об ответственности его

за недостатками, о досрочном прекращении договора той и другой стороной, о праве заказчика на преимущественное удовлетворение из имущества подрядчика и т. д. Таким образом, если рассматривать книгу М. Позняка, как руководство по производству торгов, то она содержит в себе много лишнего балласта; если же рассматривать ее, как руководство по всей совокупности правовых вопросов, связанных с производством заготовления по военному ведомству, — а именно в таком более широком руководстве и нуждается практик, — книга оказывается недостаточно многообъемлющей: в ряде вопросов практик этот не найдет нужного ему ответа, и книга вряд ли оправдает слова предисловия заместителя начальника снабжений РККА и Ф. тов. Дмитриева о том, что «в этом руководстве даны все те данные, кои необходимы для обеспечения при заключении договоров интересов Красной армии».

Помимо этого общего дефекта в построении книги, необходимо отметить отдельные неправильные утверждения автора.

Неправильен взгляд, в силу которого размер неустойки может колебаться от 10 до 100% к сумме заказа (стр. 40). С одной стороны, согласно твердо установившейся судебной практике, подтвержденной НКЮ в разъяснении 26 декабря 1923 г. («Торг.-Пром. Газета» 1924 г., № 24), неустойка за **частичное** неисполнение договора может быть установлена в размере 10% от **неисполненной части** договора, что может составить много менее 10% всей суммы договора. С другой стороны, нет никаких формальных препятствий к установлению неустойки в размере, превышающем 100%, и при малой имущественной ценности подряда, несоответствующей тому крупному значению, которое его исполнение может иметь (шпр., какая-либо запасная часть авиомотора, без которой он не может быть использован), назначение такой неустойки экономически вполне целесообразно.

Неправильно утверждение М. Позняка о том, что **важные военные ведомством могут производиться только по ценам, не превышающим твердых бюджетных или предельных цен** (стр. 11). Как явствует из ст. 111 приказа Раисполвета РСФСР от 19 ноября 1924 г., № 1428, такие сделки **могут** быть заключаемы, но не иначе, как с санкции подлежащего центрального управления.

Сомнительным представляется утверждение автора о том, что потребление заготовленных поставщиком овчин, подозрительных по сибирской язве, освобождает поставщика от ответственности (стр. 42). Как известно, согласно ст. 119 Гражд. Кодекса, «невозможность исполнения не освобождает должника от ответственности, если предмет обязательства определен родовыми признаками и доставление имущества того же рода не стало объективно невозможно». Когда бы шла речь лишь об освобождении поставщика от ответственности за просрочку, вызванную необходимостью закупить новую партию овчин в другом районе,

Мало убедительными представляются доводы М. Позняка в пользу допущения вторичного изъятия сорепозавещ после вскрытия пакетов (стр. 19): такое сорепозавещ делает недостижимым основное назначение системы сличенных торгов, заключающееся в том, чтобы побудить сорепозавещ к назначению наименьших цен опасением перед тем, что цены в пакетах других сорепозавещ могут оказаться еще ниже и что по вскрытии этих пакетов назначение более низких цен будет уже невозможно.

Автор не останавливался на вопросе об авансах и, в частности, на их отличии от частичных платежей, предусмотренных по мере сдачи частей заказа в порядке ст. 230 Гражд. Кодекса. Между тем, вопрос этот имеет на практике существенное значение в виду того, что аванс в части, превышающей 25% суммы заказа, должен быть обеспечен залогом, в то время, как частичные платежи в таком обеспечении, естественно, не нуждаются.

Нельзя не отметить и ряда типичных дефектов книги, в особенности в виду того, что она предназначается для практиков, не имеющих юридической подготовки.

Расположение материалов не всегда может пасть себе оправдание: об обязанности госорганов заказчиков сообщать о сданных подрядах и поставках губфинотделам говорится не в главе о сдаче подрядов, а в главе о гербовом сборе (стр. 52), на том основании, что это сообщение следует, как и взыскание гербового сбора, интересам фиска. На стр. 15, где говорится о залоге при торгах, не сообщается, какими ценностями залог этот вносится, и нет ссылки на указания, имеющиеся по этому вопросу на стр. 35, и т. д.

Изложение подчас становится трудно понятным, благодаря неумеренно длинным и тяжеловесным периодам (напр., на стр. 11, 26).

Ни в тексте, ни даже в приложениях, не указывается, где опубликованы цитируемые автором законодательные акты, разъяснения НКЮ и т. д.

В тексте, за редкими исключениями, не содержится ссылок на статьи закона и в особенности на статьи помещенных в приложениях декретов. Между тем, такие ссылки дали бы читателю возможность самостоятельно разобраться в возникающих вопросах, ознакомиться с деталями и при обсуждении той или иной частности с подрядчиком ссылаться на закон, а не на изложение М. Позняка, ни для кого не обязательно. Нет указаний и на литературу затрагиваемых вопросов, кроме некоторых единичных ссылок.

Конечно, все отмеченные дефекты лишь в небольшой мере умаляют ту безусловную практическую ценность, какую книга М. Позняка может иметь не только для начальников военных учреждений, но в виду почти полного совпадения соответствующих законодательных актов и для всех прочих гос. предприятий и учреждений Союза.

К. Варшавский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Циркуляры Наркомюста: инструкция, №№ 230, 231, 232, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 243.—По та о л и я пленума
Вс. хсуда РСФСР.

Циркуляры Наркомюста.

Инструкция.

о порядке и условиях выдачи медработниками удостоверений о состоянии здоровья, рождений и смерти.

(Пункт 10 постановления ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. «о профессиональной работе и правах медицинских работников»—С. У. № 88, ст. 892).

Выдача удостоверений медработниками на основании пунктов 2, 19, 25, 27 и 35 положения о профессиональной работе и правах медицинских работников, утвержденного ВЦИК'ом и СНК'ом 1 декабря 1924 г., производится согласно ниже-следующих правил:

1. Каждый медработник имеет право выдачи удостоверений о состоянии здоровья, болезни, повреждениях и лечении лишь в пределах своих профессиональных прав и компетенции, предусмотренных в положении о профессиональной работе и правах медработников.

2. Медработники обязаны выдавать медицинское удостоверение: а) по требованию органов здравоохранения, административных, судебных и следственных властей, б) по требованию частных лиц, которых этих удостоверения касаются, или их законных представителей (родителей, опекунов), в случаях необходимости представления таких удостоверений в госучреждения (о рождении, смерти, болезни, привитии оспы, при заключении ими брака).

3. Удостоверения, выдаваемые по требованию госучреждений, могут направляться непосредственно в означенные учреждения или по указанию учреждения выдаваться на руки частным лицам.

4. Удостоверения о случаях телесных повреждений должны составляться согласно правил и формы, указанных в циркуляре НКЗ от 8/II—25 г. за № 134 («Бюллетень НКЗ» № 14 за 25 год).

5. Удостоверения о смерти выдаются согласно правил и формы, указанных в циркуляре НКЗ и НКВД от 18 июня 1925 г., опубликованном в «Бюллетене НКЗ» № 12—13 за 25 г.

Примечание 1. В случае невозможности для врача установить диагноз болезни при жизни больного или в случае смерти лица, не находившегося под врачебным наблюдением, причина смерти может быть установлена на основании наружного исследования или вскрытия трупа, а также на основании опроса окружающих лиц. При невозможности установления причины смерти в удостоверении на соответствующем месте должна быть отмечена невозможность определения причины смерти с соответствующим кратким объяснением.

Примечание 2. Судебно-медицинский осмотр и вскрытие трупов, освидетельствования потерпевшего и обвиняемого в тех случаях, где требуется медицинская экспертиза, производится на основании ст.ст. 193—195 УПК РСФСР.

6. В удостоверениях о рождении должны быть указаны: фамилия, имя, отчество и возраст роженницы, ее местожительство, время и место родов и пол ребенка.

7. Прочие выдаваемые удостоверения должны заключать в себе точное наименование свидетельствуемого, фамилию,

имя и отчество, указание его возраста, местожительства, места и времени освидетельствования, а также описание состояния здоровья больного или потерпевшего, характера заболевания или повреждения, степени тяжести их, опасности для жизни с указанием точного или вероятного момента их начала, причины происхождения и прочих сведений и соображений в соответствии с тем, что и для какой цели удостоверяется.

8. Всякое медицинское удостоверение должно писаться чернилами или химическим карандашом, иметь номер, дату, обозначение места выдачи, четкую подпись и печать учреждения или личную печать медработника. В случае отсутствия таковой подпись должна быть заверена соответствующим учреждением.

9. В каждом удостоверении должны быть указаны основание и цель его выдачи: указывается учреждение, организация или отдельное лицо, коим испрашивается удостоверение, а также учреждение или организация, в которые оно должно быть представлено.

10. Каждое удостоверение, выдаваемое медработниками в медицинских учреждениях и вне таковых, должно быть зарегистрировано в соответствующей книге учреждения или медработника, с указанием номера и даты, с кратким изложением его содержания и подлежит оплате гербовым сбором, согласно примечания к ст. 10 положения о профессиональной работе и правах медработника.

11. Регистрационная запись удостоверений должна храниться у медработников вне учреждений в течение 5 лет.

12. Нарушение указанных правил и порядка выдачи удостоверений влечет за собой ответственность по соответствующим статьям Уголовного Кодекса.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Курский.

Зам. Народного Комиссара Здравоохранения Соловьев.

5 ноября 1925 г.

Циркуляр НКЮ № 230.
НКВД № 617.

Губернским и областным исполкомам.

О выписке волостным (районными) исполкомами и сельсоветами «Собр. Узак. и Расп. Раб и Кр. Правительства».

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановлением от 31 августа с. г. (распубликованным в № 213 «Изв. ЦИК» от 18/IX с. г. и в № 61 «Собр. Узак. и Расп. Раб. и Кр. Правительства РСФСР») обязал губернские исполнительные комитеты (и соответствующие им органы) при составлении местных бюджетов включать в них расходы, необходимые на снабжение и обеспечение районных и волостных исполнительных комитетов «Собр. Узак. и Распоряж. Раб. и Крест. Правительства».

Таким образом, в 1926 г. рассылка «Собр. Узак. и Расп. пор.ж.» за счет государственного бюджета, как это имело место в 1925 г., производиться не будет. Вследствие изложенного местам во избежание перерыва в доставке «Собр. Узак. и Расп.» следует принять меры к своевременной даче местным исполнительным комитетам подписки на указанное издание, либо произвести подписку коллективно непосредственно губернскими и областными исполкомами для всей губернии или области.

Производство подписки на «Собр. Узак.» для сельских советов считать желательным и целесообразным в соответствии с наличием на местах средств.

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел **Болдырев.**
Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики
Курский.

24 ноября 1925 года.

Циркуляр № 231.

Всем краевым, областным и губернским судам.

Об изменении форм регистрационных карточек и ведомости о движении дел, разрешенных трудсессиями.

В изменение циркуляров НКЮ №№ 108 и 206 1923 г. и в отмену циркуляра № 44 1924 г. НКЮ предлагает:

1) всем трудсессиям принять к руководству с 1 января 1926 г. прилагаемые новые формы регистрационной карточки по трудовым гражданским делам и ведомости о движении трудовых дел в трудсессиях;

2) составление указанных регистрационных карточек и ведомостей народными судами, разрешающими трудовые дела, возложенное на них циркуляром НКЮ № 44 1924 г., с 1 января 1926 г. прекратить.

Печатаение бланков, по сообщению НКТ, будет производиться за счет НКТ, который будет снабжать ими трудсесии через губотделы труда.

Приложение: Формы регистрационной карточки и ведомости.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**
Член Коллегии Народного Комиссариата Юстиции
Бранденбургский.

24 ноября 1925 года.

Приложение № 1 к циркуляру № 231.

Представляется трудсессией в губернский отдел труда не позже 24 числа следующего за отчетным месяца.

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА ПО ТРУДОВОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ДЕЛУ

Разрешено в. . . Дело №. . . (по настоящему реестру), трудсесии.

Губерния. . . . . Дело заявлено в трудсессию. . . . . дня. . . мес. . . . 192. г.

1. Истец—рабочий, служащий, группа рабочих, служащих, профсоюз, наниматель (подчеркнуть).

2. Ответчик (название предприятия, учреждения, треста, кооператива, фамилия частного нанимателя). . . . .

3. Категория предприятия или нанимателя (госуд., кооперат., частное, смешанное, концессионное). . . . .

4. Число рабочих и служащих, заинтересованных в иске. .

5. Союз, в который входят рабочие и служащие, заинтересованные в иске. . . . .

6. Дело окончено по существу мес. . . . дня. . . . 192. г.

7. Содержание исковых требований и решений суда.

Исковые требования. Решение суда по каждому требованию отдельно. исковому

1. . . . .

2. . . . .

3. . . . .

4. . . . .

8. По делу поступила кассационная жалоба. . . . . чве. . . . мес. 192. г.

Подпись лица, регистрирующего трудовое гражданское дело.

Инструкционные указания.

1. Регистрационная карточка пересылается в губернский отдел труда через две недели после вынесения решения суда, в целях предоставления возможности произвести отметку о поступлении кассационной жалобы. На дело, разобранное в кассационном порядке, составляется новая карточка независимо от ранее переданной в секцию, заполненная по всем пунктам с отметкой «вторично» в левом углу лицевой стороны.

2. Сведения об исковых требованиях должны иметь конкретное содержание, т.е. отнюдь не ограничиваться простым заголовком. Так, например, если вопрос идет о невыплате 20 руб. основного заработка или о задержке оплаты 10 руб. за сверхурочные работы, то следует именно так и указывать, а не просто «зарплата» или «сверхурочные». Решение суда также должно быть дано в виде точного указания присужденной суммы.

Приложение № 2 к циркуляру № 231.

Представляется трудсессией в губ. отдел труда не позже 20 числа следующего за отчетным месяца.

ВЕДОМОСТЬ

движения судебно-трудовых дел по трудсессии на суда за. . . . . мес. 192. г.

КАТЕГОРИЯ ДЕЛ.	Число дел.												
	Всего поданных рассмотрению в отчетном периоде.	Из них.			Рассмотренных.								
		Оставшихся неразрешенными с прошлого месяца.	Вновь возникших.	Принятых к производству.	Возвращенных на новое рассмотрение.	Из них.							
						Всего.	Разрешенных окончательно по существу.	Дел по которым решение суда опротестовано о отмене или изменениях.	Препращенных.	Переданных по подсудности.	Оставшихся вновь неразрешенными к началу следующего месяца.	Оставшихся неразрешенными к началу следующего месяца.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Гражданские												
2	Уголовные												
3	Смешанные *)												

*) К смешанным делам следует относить уголовные дела с гражданским иском.

ИНСТРУКЦИЯ

к заполнению ежемесячной ведомости движения судебно-трудовых дел в трудовых сессиях нарсудов.

1. В гр. 3 заносится сумма дел, указанных в гр. гр. 4, 5 и 6 отчетной ведомости.

2. В гр. 4 входят дела, оставшиеся неразрешенными в предидущем месяце, т.е. данные гр. 14 ведомости движения предидущего месяца.

3. В гр. 5 входят дела, возникшие в настоящем отчетном месяце.

4. В гр. 6 входят дела, переданные на новое рассмотрение из числа опротестованных дел той же трудсессии.

5. В гр. 7 заносятся все дела, рассмотренные в отчетном месяце, т.е. сумма гр. гр. 8, 9, 10, 11 и 12 отчетной ведомости.

6. В гр. 13 заносятся все те дела, по которым вовсе не было судопроизводства в отчетном месяце. Данные эти получают при вычитании из данных гр. 3 данных гр. 7.

7. В гр. 14 входят все дела, как оставшиеся вовсе неразрешенными к концу отчетного месяца, так и отложенные или приостановленные в течение того же месяца, т.е. сумма дел по гр. гр. 10 и 13.

8. Гр. 14 является гр. 4 в «ведомости движения» следующего за отчетным месяца.

Циркуляр № 232.

Всем губернским и областным судам.

О перечислении в доход казны по § 40 ст. 4 сметы НКЮ процентных начислений по текущим счетам, открытым для хранения как нотариальных сборов, так и сумм, поступающих в платеж по предъявленным к протесту векселям, и о порядке проведения процентных начислений по книге текущих счетов и в отчетных ведомостях.

В виду возникающих на местах затруднений по вопросу о том, по какому подразделению сметы доходов Народного Комиссариата Юстиции надлежит сдавать в доход казны процентные начисления по текущим счетам, открытым в отделениях Государственного Банка и других кредитных учреждениях для хранения как нотариальных сборов, так и сумм, поступающих в платеж по предъявленным к протесту векселям, Народный Комиссариат Юстиции разъясняет, что указанные процентные начисления являются случайными поступлениями и, как таковые, подлежат сдаче в доход казны по § 40 ст. 4 (случайные поступления) сметы Народного Комиссариата Юстиции.

Нотариальные отделения и государственные нотариальные конторы, имеющие текущие счета по указанным суммам, самостоятельно сдают в доход казны проценты, начисляемые в конце бюджетного года или при закрытии текущего счета.

Указанные процентные начисления как нотариальные отделения, так и нотариальные конторы проводят только по книге соответствующего текущего счета следующим образом: на приход записывается—«согласно извещению отделения Госбанка или другого кредитного учреждения начислено процентов» и указывается сумма; в расход—«согласно извещению отделения Госбанка или другого кредитного учреждения перечислено в местный финансовый отдел под квитанцию от. . . . числа. . . . месяца 192. . . года за №. . . . в доход казны по § 40 ст. 4 сметы НКЮ» и указывается сумма.

В отчетных ведомостях о текущих счетах формы № 9 нотариальные конторы указывают в примечании сумму процентов, начисленных и сданных в доход казны, и прилагают к отчет-

ным ведомостям копии соответствующих извещений Госбанка и квитанций местного финансового отдела.

Нотариальное отделение о процентах, начисленных по текущим счетам нотариальных контор, и о сдаче их в доход казны одной общей суммой указывает в примечании в отчетной ведомости о текущих счетах контор формы № 7.

О процентных начислениях по своему текущему счету и о сдаче их в доход казны нотариальные отделения указывают в примечании в отчетной ведомости, в текущем счете отделения формы № 6 со ссылкой на соответствующие извещения отделения Госбанка и квитанции местного финансового отдела.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

24 ноября 1925 года.

Циркуляр № 234.

Краевым, обл. и губ. судам и прокурорам.

КОПИЯ ПРОКУРОРАМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

О делах о злостном нарушении органами низовой кооперации заключенных ими договоров на поставку хлебных продуктов.

Из поступивших в Народный Комиссариат Юстиции сведений усматривается, что за последнее время наблюдалось очень много случаев злостного нарушения органами низовой кооперации заключенных ими с кооперативными центрами и основными хлебозаготовителями договоров на поставку хлебных продуктов. При этом не только не поставлялись обусловленные количества хлебопродуктов, но и заготовленные на отпущенные средства продукты перепродавались частным заготовителям. Этим подрывается установленная директивами высших органов линия укрепления государственного и кооперативного заготовительного аппарата и наносится значительный ущерб делу хлебозаготовок.

Считая необходимым принять решительные меры борьбы с этими преступными действиями, НКЮ предлагает:

1. На время текущей хлебозаготовительной кампании все дела об указанных преступлениях производить в особо срочном порядке.

2. При разрешении означенных дел и избрании судами в отношении лиц, осужденных по этим делам, судебно-исправительных мер, учитывать всю серьезность их деяний, наносящих тяжелый вред рабоче-крестьянскому государству.

Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики Курский.

25 ноября 1925 года.

Циркуляр № 235.

Всем краевым, обл. и губернским судам.

О допустимости возбуждения ходатайств об исполнении отдельных судебных поручений судебными учреждениями иностранных государств лишь при условии, что эти государства находятся в дипломатических отношениях с СССР, и назначении достаточных сроков на исполнение этих поручений.

В виду наблюдающихся на практике irregularностей в отношении возбуждения ходатайств об исполнении отдельных поручений судов РСФСР судами иностранных государств, НКЮ предлагает при возбуждении этих ходатайств, помимо

строгое соблюдение цирку. пр. в НКЮ № 92 1923 г., № 85, 188 и 189—1924 г., № 64 1925 г. и др., руководствоваться следующими указаниями:

1) возбуждение ходатайств об исполнении отдельного поручения суда возможно исключительно в тех случаях, когда это поручение должно быть выполнено судом такого иностранного государства, которое состоит в нормальных дипломатических отношениях с СССР или находится с ним в договорных отношениях;

2) в тех случаях, когда исполнение этого поручения связано с каким-либо сроком (напр., день слушания дела), этот срок должен быть пазначен с учетом времени, необходимого на пересылку переписки через целый ряд учреждений. В частности, в отношении западных пограничных с СССР государств срок этот должен быть не менее месячного, в отношении других государств Западной Европы—трехмесячный, в отношении восточных пограничных государств—четырёхмесячный, в отношении дальне-восточных и заокеанских государств—шести-месячный.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**
Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

26 ноября 1925 года.

Циркуляр № 236.

Всем губ. и обл. прокурорам.

О представлении в Отдел Прокуратуры действующих обязательных постановлений губ. (обл.) исполкомов и копий протестов на незаконные постановления.

В целях установления надлежащего контроля за законностью издаваемых губ. и облисполкомами обязательных постановлений,—предлагается высылать в Отдел Прокуратуры действующие обязательные постановления исполкомов. Независимо от этого предлагается высылать в Отдел Прокуратуры копии протестов на незаконные постановления органов местной власти, направляемые в губ. и облисполкомы, прилагая при этом копии опротестованных постановлений.

Результаты рассмотрения означенных протестов в губ. и облисполкомах должны отмечаться в ежемесячных сведениях, представляемых в Отдел Прокуратуры в порядке циркуляра № 172 от 18 октября 1924 года.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и
Ст. Помпрокурора Республики **Крыленко.**

28 ноября 1925 года.

Циркуляр № 237.

Крайевым, обл. и губ. прокурорам.

копия прокурорам автономных республик.

Об обследовании порядка прохождения и разрешения дел об акцизных нарушениях.

Одним из губернских исполкомов возбужден вопрос об изменении действующего порядка наложения административных взысканий за нарушения постановлений о косвенных налогах. Порядок этот, установленный постановл. ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1924 г. («С. У.» 1925 г. № 1, ст. 11)

и сохраненный п. 9 постановления ЦИК и СНК СССР от 23 октября 1925 г. о порядке наложения взысканий за нарушение постановлений об акцизах и особом патентном сборе на право торговли спиртными напитками и табачными изделиями («Изв. ЦИК СССР» от 12 ноября № 258), предусматривает наложение в административном порядке взысканий за акцизные нарушения только СНК автономных республик, не имеющих губернского деления, и исполкомами губерний, округов и соответствующих административно-территориальных единиц по представлению подлежащих финорганов. Сосредоточение дел об акцизных нарушениях в республиканских областных, губернских и окружных центрах должно создать значительную их загрузку, вызвать излишнюю переписку и задержать в наложении взысканий. Считаю необходимым предварительно возбуждения вопроса об изменении установленного порядка в законодательном порядке иметь по этому предмету обоснованные на местном опыте отзывы лиц прокурорского надзора, предлагаю:

1) обследовать порядок прохождения и разрешения дел об акцизных нарушениях в пределах соответствующей административно-территориальной единицы;

2) в частности выяснить время, протекающее между совершением нарушения и наложением административного взыскания, а по возможности и приведением последнего в исполнение, и

3) на основании добытых данных представить отзыв о целесообразности изменения действующего порядка и предоставления права наложения административных взысканий за акцизные нарушения уездным и соответствующим исполкомам.

Затребованные сведения и отзывы надлежит представить не позже 15 января 1926 года.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики **Крыленко.**

28 ноября 1925 года.

Циркуляр № 238.

Постановление № 21

Народных Комиссариатов Юстиции и Финансов РСФСР.

Всем губ. и обл. судам.

Об освобождении от нотариальных сборов Общества бывших российских солдат во Франции и на Балканах.

На основании ст. 2 таксы оплаты нотариальных действий («С. У.» 1925 г. № 49, ст. 379) Народные Комиссариаты Юстиции и Финансов постановляют:

Освободить от платы за нотариальные действия Общество бывших российских солдат во Франции и на Балканах и все документы, совершаемые и свидетельствуемые в нотариальных конторах и у народных судей, действующих на основании примечания 2 к ст. 52 положения о судеустройстве, от имени Общества при его участии или предназначенные для представления в это Общество.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Зам. Народного Комиссара Финансов **Левин**

30 ноября 1925 года.

Циркуляр № 239.

Всем краевым, областным и губернским прокурорам.

КОПИЯ: ПРОКУРОРАМ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

О наблюдении за неуклонным соблюдением действующих узаконений об органах взимания налогов и сборов.

Ст. 5 положения о взимании налогов от 2 октября 1925 г. (Собр. Зак. СССР 1925 г., № 70, ст. 518) точно перечисляет органы взимания прямых общегосударственных и местных налогов, акцизов и сельскохозяйственного налога. Такими органами являются финансовые инспекторы, их помощники и финансовые агенты, старшие инспектора и инспектора косвенных налогов и их помощники, районные и волостные исполкомы. Допуская в ст. 6 взимание отдельных местных налогов местными органами других ведомств, положение в ст. 10 определяет роль агентов милиции в деле взимания налогов, как подсобную, обязывая их лишь оказывать содействие органам и должностным лицам, производящим взимание налогов.

Между тем, по сообщению Народного Комиссариата Финансов РСФСР, на местах наблюдаются случаи незаконного использования агентов милиции для непосредственного взимания налогов и сборов.

В виду этого предлагаю иметь наблюдение за неуклонным соблюдением действующих узаконений об органах взимания налогов и сборов и за привлечением агентов милиции лишь к содействию в деле взимания, осуществляемого уполномоченными на то лицами.

Постановления, нарушающие изложенные узаконения, подлежат опротестованию, а лица, отдающие незаконные

мерные в этой области распоряжения, должны привлекаться к законной ответственности в установленном порядке.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

3 декабря 1925 года.

Циркуляр № 243.

Всем губ., облсудам и прокурорам.

О подчиненности прокурора по трудовым делам при Верховном Суде и о порядке истребования им оконченных трудовых дел.

В изменении §§ 2-го (п.п. «ж»—«и») и 3-го инструкции Отдела Прокуратуры НКЮ от 4/II—23 г. за № 23 предлагается принять к сведению и руководству следующее:

1. Прокурор по трудовым делам при Верховном Суде в своей деятельности подчиняется непосредственно Старшему Помощнику Прокурора Республики, перед коим обязан отчетностью в установленные сроки.

2. При истреблении оконченных трудовых дел в порядке 133 ст. Положения о судостроительстве (по уполномочию Народного Комиссара Труда) прокурор по трудовым делам при Верховном Суде, в силу предоставленного ему Прокурором Республики права, может одновременно приостановить решение или приговор впредь до рассмотрения дела в порядке надзора.

3. Зам. завед. бюро надзора НКТ тов. Сафонов является одновременно заместителем прокурора по трудовым делам при Верховном Суде.

Замнаркопоста и Старший Помощник Прокурора Республики Крыленко.

7 декабря 1925 г.

Постановления пленума Верховного Суда РСФСР от 16 ноября 1925 года.

По протесту председателя Верховного Суда на определение ГИК Верховного Суда от 5 октября с. г. по делу Московского губсуда по иску Российского Коммерческого банка к 1-му Росс. акц. об-ву «Ростовар», Осиновскому и Тентелевскому химзаводу «Красный Химик» о взыскании 9.500 р.

Обстоятельства дела.

Решением от 5 февраля 1925 года гражданское судебное отделение Московского губернского суда постановило: взыскать с 1-го Российского акционерного о-ва «Ростовар», гр-на А. В. Осиновского и Тентелевского Химического завода «Красный Химик» солидарно в пользу истца—Российского Коммерческого Банка—по трем векселям 9.500 руб.

Это решение было обжаловано в кассационном порядке Ленинградским государственным красочным трестом, в состав которого входит и «Красный Химик», в ГИК Верховного Суда, которая определением от 5 октября 1925 года отменила указанное решение губсуда по следующим соображениям. Несмотря на то, что одному из ответчиков—Осиновскому—повестка о вызове в судебное заседание не посылалась, а повестка на имя второго ответчика—«Красного Химика»—ко времени слушания дела не была возвращена, суд все же постановил дело слушанием продолжать в виду ясности дела. Ме-

жду тем, в кассационном деле имеется указание на то, что в связи с векселями, на основании которых предъявлен иск ответчиком Осиновским, допущено уголовно-наказуемое деяние.

Определение ГИК было опротестовано председателем Верховного Суда в пленум Верховного Суда, который, согласившись с протестом, вынес следующее постановление:

Постановление.

«Принимая во внимание:

1) что со стороны ответчиков Осиновского и Ростовар, как надписателей по векселям, жалоб на решение губсуда подано не было и вопрос об их вызове в судебное заседание разрешен судом по существу правильно;

2) что надписатели по векселям несут совершенно самостоятельную ответственность (ст. 9 Положения о векселях), а стало быть, по отношению к ним о «неясности дела» говорить не приходится;

3) что в отношении третьего ответчика—векселедателя, не получившего повестки и не знавшего, по видимому, о слушании дела, отмена решения правильна;

4) что для применения п. «д» ст. 113 ГПК к делу по векселям вследствие существования уголовного дела необходимо привлечение истца в качестве обвиняемого, а возражения

по 10 ст. Положения о векселях независимо от того, сводятся ли они к просьбе о приостановлении дела вследствие наличия уголовного дела или к самостоятельному возражению по данному гражданскому делу, должны быть подтверждаемы и основаны на доказательствах, допускаемых при вексельном споре,—определение ГKK Верховного Суда от 5 октября 1925 г. в части, касающейся отмены решения губсуда о взыскании солидарно с Осинковского и Ростовар, отменить и решение Мосгубсуда в этой части оставить в силе; отмену же решения губсуда по отношению к третьему ответчику за неизвещением его о дне слушания дела признать правильной и в этой части дело передать в Московский губсуд на новое рассмотрение в ином составе».

По протесту председателя Верховного Суда на определение ГKK В рхсуда от 15 сентября 1925 г. по делу Рязанского губсуда по иску гр. Федосеева и гр. Кобозева о взыскании 1.007 руб.

Обстоятельства дела.

По расписке от 10 ноября 1924 года гр-н Кобозев обязался уплатить не позднее 25 ноября 1924 года гр-ну Федосееву за купленные у него яблоки 1.000 руб. В исковом заявлении, поданном в Рязанский губсуд 13 января 1925 года, гр-н Федосеев просил взыскать с гр-на Кобозева указанную в расписке сумму в виду отказа последнего от добровольной уплаты. В судебном заседании ответчик иска не признал и пояснил, что расписка им погашена полностью и в подтверждение уплаты долга по расписке просил вызвать ряд свидетелей.

Губсуд, основываясь на 217 ст. ГК, согласно которой совершенный в письменной форме договор займа (когда совершение в письменной форме требуется законом) не может быть оспорен свидетельскими показаниями, иск удовлетворил.

По кассационной жалобе ответчика и по кассационному протесту пом. прокурора Рязанской губернии дело поступило в ГKK Верховного Суда.

В своей кассационной жалобе ответчик, между прочим, указал, что, так как в данном случае в действиях гр-на Федосеева имеются признаки уголовно-наказуемого деяния, он уже после решения губсуда обратился с соответствующим заявлением к губпрокурору на предмет возбуждения уголовного преследования.

Пом. прокурора Рязанской губернии мотивировал свой протест тем, что исполнение договора может быть доказано свидетельскими показаниями, так как 217 ст. ГК не допускает свидетелей лишь в подтверждение наличия самого договора или действительности его, но не запрещает допускать свидетельские показания в подтверждение уплаты по этим договорам.

ГKK Верховного Суда, находя, что в законе нет запрещений устанавливать свидетельскими показаниями обстоятельства, предшествовавшие совершению договора или сопровождавшие его исполнение, отменила решение губсуда и передала дело на новое рассмотрение (один из членов ГKK остался при особом мнении).

Не соглашаясь с определением ГKK Верховного Суда и соображениями, изложенными в протесте пом. прокурора Рязанской губернии, председатель Верховного Суда внес дело на общее раз'яснение в пленум Верховного Суда, который, согласившись с протестом председателя Верховного Суда, вынес следующее постановление:

Постановление:

«Принимая во внимание:

1) ГК в ст. 217 совершенно категорически определяет, что депозитность, т.-е. получение полностью займа, требующего письменной формы, не может в гражданском деле доказываться свидетельскими показаниями;

2) что из смысла этой статьи ГК вытекает бесспорное положение, что и исполнение займа, требующего письменной формы, не может доказываться свидетельскими показаниями;

3) что вводимая местами судебная практика—«допущение свидетелей в подтверждение «сопровождающих сделку обстоятельств», когда их показания фактически сводятся к опровержению договора займа или к подтверждению уплаты по нему или к оспариванию суммы договора,—является обходом закона и не должна допускаться;

4) что по этим договорам (займа) допрос свидетелей допустим лишь в уголовном порядке судопроизводства или при споре о казальности или противозаконности сделки и т. п., в сумме своей неоспоренной;

5) то наш закон, однако, не лишает суд права применительно к ст. 4 ГПК или ст. 5 вводного закона в ГК в исключительных случаях и в данном вопросе делать исключение, но с определенным указанием мотивов подобного отступления, чтобы дать кассационной инстанции возможность проверки его правильности,—определение ГKK от 15 сентября 1925 года, как противоречащее этому раз'яснению, отменить, а так как ГKK оставила без обсуждения довод кассатора об уголовном характере деяния истца и о пред'явленном им уголовном обвинении, то дело возвратить на новое рассмотрение ГKK в том же или ином составе».

По протесту пом. прокурора Республики при Верховном Суде на определение ГKK Верховного Суда от 27 июля 1925 г. по делу Северо-Кавказского краевого суда по иску гр. Романчука к управлению Северо-Кавказских ж. д. о вознаграждении за увечье.

Обстоятельства дела.

Северо-Кавказский краевой суд в судебном заседании от 30 марта 1925 года признал иск гр-на Романчука к правлению Северо-Кавказских ж. д. о вознаграждении за увечье обоснованным и постановил: взыскать в его пользу с правления Сев.-Кавк. ж. д. 325 р. 33 к. алиментов за время с 22 ноября 1923 г. по 30 марта 1925 г. и обязать ответчика выдавать истцу пожизненно по 20 руб. в месяц на будущее время.

Из дела видно, что потерпевший находился в центральной больнице Сев.-Кавк. ж. д. с момента получения увечья (22 ноября 1923 г.) до 15 сентября 1924 г. и что он во время нахождения в больнице обращался в органы социального страхования с просьбами о назначении ему пенсии и о выдаче ему протеза, но ему в этом было отказано в виду того, что он, как безработный, не был застрахован.

По кассационной жалобе правления Сев.-Кав. ж. д. дело поступило в ГKK Верховного Суда, который определением от 27 июля 1925 года отменила решение Сев.-Кав. краевого суда и дело производством прекратила за неимением у истца права на иск в виду пропуска им срока исковой давности (увечье получено 22 ноября 1923 г., а иск пред'явлен 2 декабря 1924 г.). При чем в своих мотивах ГKK указала, что хотя вопрос о давности при разрешении дела губсудом не обсуждался, но, так как сокращенные сроки давности не могут быть продлены в порядке 49 ст. ГК, дело подлежит прекращению.

Определение ГKK было опротестовано пом. прокурора Республики при Верховном Суде в пленум Верховного Суда, который вынес следующее постановление:

Постановление.

«Соглашаясь с определением ГKK от 27 июля 1925 года в том, что к давностному сроку по ст. 404 прим. ГК, как специально давностному сроку, ст. 49 ГК об удлинении срока

не применима, как это раз'яснено постановлением пленума Верховного Суда в настоящем заседании (16—XI), но, принимая во внимание:

1) что течение исковой давности возникает с того времени, когда возникло право на предъявление иска (ст. 45 ГК), при чем исковая давность прерывается лишь предъявлением иска или же совершением со стороны обязанного лица действий, свидетельствующих о признании долга;

2) что по общему правилу право на предъявление иска по ст.ст. 403, 404 и сл. ГК возникает лишь с момента, с какого истец мог и должен был знать о причинении ему убытка, т.-е. в случае увечья с того дня, как выяснился его вред, в данном случае со дня выписки его из больницы;

3) что потерпевший не мог предъявить иска, пока на основании ст. 414 ГК не был предварительно вырешен вопрос, не имеет ли он получить полностью или отчасти возмещение вреда в порядке социального страхования, и пока об этом решении по его поданному им в срок заявлению ему не было объявлено;

4) что, сам жалобщик-ответчик указывает на это обстоятельство, хотя он и делает неправильный вывод о преждевременности иска, ибо истцу по неоспоренному его заявлению органами соц. страхования было отказано даже в выдаче протеза, а поэтому ссылка ответчика на давность явно неосновательна, пленум Верховного Суда постановляет:

определение ГИК от 27 июля 1925 г. отменить и оставить в силе решение Северо-Кавказского краевого суда от 30 марта 1925 года.

По протесту председателя Верховного Суда на определение ГИК Верховного Суда от 5 октября 1925 года по делу Оренбургского гудсуда по иску Оренбургского губотместхоза к гр. Латыпову о взыскании 11.491 р. 77 н. убытков по договору аренды.

Обстоятельства дела.

В октябре 1924 г. гр-н Латыпов снял у Оренбургского откоммунхоза в аренду на открытых торгах базарную площадь для взимания дневного денежного сбора сроком по 1 октября 1925 года за 33.00; руб. 30 коп. в месяц.

Согласно 4 п. кондиции после утверждения торгового производства ГИК арендатор обязан заключить в течение трех дней со дня утверждения нотариальный договор, и в случае незаключения этого договора по вине арендатора залог и заарендованные им арендные статьи остаются в откоммунхозе.

Торговое производство о сдаче гр. Латыпову в аренду базарной площади было утверждено ГИК 28 октября 1924 г. и в виду того, что гр-н Латыпов отказался от заключения договора, откоммунхоз предъявил 14 февраля 1925 года иск к гр. Латыпову о возмещении арендной платы с 10 октября по 15 февраля 1925 г. в сумме 11.491 р. 77 к. за вычетом залога, внесенного ответчиком на торгах в сумму 2.000 рублей.

В судебном заседании от 10 марта 1925 года Оренбургский губсуд в иске откоммунхозу об 11.491 р. 77 к. отказал в виду того, что арендный договор фактически заключен не был и за истцом было признано лишь право на оставление залога в 2000 рублей за нарушением арендатором 4 п. кондиции.

По кассжалобе истца дело поступило в ГИК Верховного Суда, которая определением от 5 октября 1925 г. решение губсуда отменила и дело передала на повторное рассмотрение, при чем в своих мотивах ГИК указала:

1) что губсуд неправильно отказал откоммунхозу в иске на том только основании, что не было заключено арендного договора, так как налицо было фактическое пользование в течение 4 месяцев со стороны ответчика всеми арендными статьями, сданными ему с торгов;

2) что суд, отвергнув наличие арендных отношений, должен был поставить вопрос о незаконном обогащении со стороны Латыпова;

3) что арендный договор не был заключен по вине Латыпова;

4) что п. 4 кондиции предусматривает не только оставление залога в пользу откоммунхоза, но и предоставляет ему право немедленно сдать аренду другому лицу, и, таким образом, обращение залога в пользу откоммунхоза носит штрафной характер и вовсе не лишает права отместхоз отыскивать возмещение за фактическое пользование его имуществом.

В виду того, что мотивы определения ГИК Верховного Суда противоречат раз'яснению пленума Верховного Суда от 29 июня 1925 года («Еж. С. Ю.» № 28), дело было внесено председателем Верховного Суда в пленум Верховного Суда, который, согласившись с предложением председателя Верховного Суда, вынес следующее постановление:

Постановление.

«Принимая во внимание:

1) что договор аренды на базарную площадь для взимания дневного денежного сбора и прочих сборов, имеющих характер местных налогов, как раз'яснено пленумом Верховного Суда 29 июня 1925 года, незаконен и недействителен, почему арендатора и нельзя винить в несовершении формального договора и внесенный им на торгах залог подлежит возврату ему или зачету в причитающиеся с него суммы, если он успел уже в какой-либо мере воспользоваться предметом аренды;

2) что хотя пленум Верховного Суда и постановил, что это раз'яснение не должно иметь обратной силы, но лишь по отношению к сделкам, уже осуществленным или окончательно ликвидированным;

3) что признание договора недействительным в силу закона не лишает истца права поворота, т.-е. в данном случае права на получение того, что ответчик фактически получил с заарендованной им базарной площади, при чем суд может при определении суммы полученных ответчиком сборов исходить из суммы, установленной на торгах, как минимальной суммы, подлежащей взысканию, если ответчик не докажет противного, с вычетом, конечно, из этой суммы представленного ответчиком залога,—пленум Верховного Суда постановляет:

оставить в силе определение ГИК от 4 октября с. г. с изменением п.п. 3, 4 и 5 мотивов этого определения в соответствии с вышеизложенными соображениями».

По предложению Президиума Верховного Суда по делу Мосгубсуда по иску Мосфинотдела к гр-ну Щепетильникову о взыскании 2.585 р. 41 н. за растраченное имущество.

Обстоятельства дела.

Приговором Московского губсуда от 30/X—1923 года гр-н Щепетильников был признан виновным в том, что он в 1922 году, состоя в должности заведующего складом № 1 Орехово-Зуевского продкома, проявил небрежное и халатное отношение к своим служебным обязанностям, в результате чего было расточение государственного имущества, и на основании 128 ст. УК приговорен к 1 году лишения свободы без поражения прав и по амнистии к 5 годовщине Октябрьской революции от фактического отбывания меры социальной защиты освобожден.

На основании этого приговора Мосфинотдел предъявил к гр-ну Щепетильникову иск в гражданском порядке и просил о взыскании с ответчика стоимости недостающих товаров в сумме 2.585 руб.

Рассмотрев дело в заседании от 19 марта 1925 года, гражданское судебное отделение Мосгубсуда, отвергнув обстоя-

тельства, послужившие основанием для вынесения уголовного приговора, постановило: в иске Мосфинотделу отказать.

Это решение было утверждено ГКК Верховного Суда.

По протесту председателя Верховсуда дело поступило в пленум Верховсуда, который, согласившись с протестом, вынес следующее постановление:

Постановление.

«Принимая во внимание:

1) что ст. 13 УПК устанавливает обязательность вступившего в законную силу приговора уголовного суда по вопросу о том, совершено ли преступление и совершено ли оно подсудимым;

2) что губсуд, признавая наличие 1 ч. ст. 403 ГК и одновременно применяя 2-ю часть этой статьи, впал в явное противоречие и отверг вступивший в законную силу приговор уголовного суда по существу;

3) что при таких условиях ГКК должна была либо возбудить вопрос о пересмотре приговора уголовного суда, либо отменить решение губсуда по гражданскому делу,—отменить определение ГКК от 5 октября 1925 и передать дело на новое рассмотрение ГКК»

По протесту помощн. прокурора УКК на определение УКК от 4 ноября 1925 года по делу Мосгубсуда, по обвинению гр. Соколова по 108 ст. с последствиями по 1 ч. 105 ст. УК.

Обстоятельства дела.

18 февраля 1925 г. главврачу больницы имени Достоевского стало известно о том, что у некоторых из больных, подвергнувшихся накануне рентгено-просвечиванию желудка, наблюдались явления острого отравления.

В дальнейшем выяснилось, что из больных, посетивших больницу накануне, заболело вследствие отравления 11 человек, из которых 1 (рабочий Васильев) на следующий день скончался. Судебно-медицинским вскрытием трупа Васильева было подтверждено, что отравление произошло вследствие приема внутрь перед просвечиванием серно-кислого бария.

Дальнейшим следствием было установлено, что этот барий был получен больницей 16 февраля из городского аптечного склада в пакете, опечатанном производственной печатью с наклеенной этикеткой экспериментального завода Анилтреста, при чем отравление получилось вследствие того, что при выпуске с завода бария в стадии упаковки произошло смешение серно-кислого бария с углекислым барием.

Вследствие этого Московский губсуд приговорил заведующего соевым отделением завода инженера Соколова за преступную халатность к одному году лишения свободы со строгой изоляцией.

По кассационной жалобе осужденного дело поступило в УКК Верховсуда, которая приговор в отношении Соколова отменила и дело в судебном порядке производством прекратила с передачей его на разрешение в дисциплинарном порядке по следующим соображениям:

Соколов соевым отделением ведал всего 1 месяц, при чем принял его от своего предшественника в неорганизованном

состоянии, а в такой короткий срок, как это устанавливает экспертиза, наладить правильно производство невозможно было; что нельзя отнести всю ответственность на Соколова еще и потому, что согласно приказа Наркомздрава № 141 от 16 июля 1924 года все медикаменты, получаемые аптечными складами, независимо от источника поступления должны подвергаться аналитическому исследованию, чего в действительности не было, что поэтому в действиях Соколова нет той преступной небрежности, которая дала бы основание подвергать его уголовной ответственности.

Это определение было опротестовано пом. прокурора, давшим заключение по делу, в пленум Верховсуда, который, согласившись с протестом, постановил:

Постановление.

«Принимая во внимание, что халатность, проявленная со стороны администрации отделения производства химических солей экспериментального завода Анилтреста и других лиц, принимавших участие в выпуске ядовитого бария, имела тяжкие последствия (отравление 11 рабочих, из которых 1 умер) и является безусловно социально-опасным, подлежащим рассмотрению в судебном, а не дисциплинарном порядке; что если бы УКК даже пришла к выводу о неответственности осужденного Соколова, она должна была по отмене приговора передать дело на доследование и новое рассмотрение в целях выявления лиц, ответственных за столь преступную халатность, в частности инженеров, непосредственно наблюдавших за упаковкой бария; что цель всякого судебного расследования должна заключаться не только в обнаружении конкретного преступления и привлечении отдельных лиц, но и вскрытии системы и обстановки работы, создающей возможность и в дальнейшем порождать подобные социально-опасные явления,—пленум Верховного Суда в отмену определения УКК Верховсуда от 4 ноября 1925 г. постановляет: приговор Московского губсуда от 25 августа 1925 года в силу 1 п. 413 ст. УПК (за недостаточностью проведенного следствия по делу) отменить и дело передать на новое рассмотрение губсуда в ином составе со стадии предварительного следствия с привлечением и других лиц, в обязанность которых входило наблюдение за выпуском бария, если новое следствие выявит их ответственность».

ОПЕЧАТКИ:

В № 46, в ст. тов. Бранденбургского, выразились досадные опечатки. На стр. 1413, левая колонка, строка 13 снизу, напечатано: «...собраниях, в докладах и в печати», следует: «...массовых собраниях, в докладах и в печати». На стр. 1414, левая колонка, строка 4 сверху, напечатано: «...должны ли материальные обстоятельства»; следует: «...должны ли материальные обязательства». На той же стр. и колонке, стр. 6 сверху, напечатано: «...из зарегистрированных брачных оснований»; следует: «...из зарегистрированных брачных отношений». На стр. 1415, правая колонка, строка 3 сверху напечатано: «...послужат наиболее прочной основой»; следует: «...смогут послужить наиболее прочной основой».

Юридическое Издательство Н.К.Ю. Р.С.Ф.С.Р.

Москва — Кузнецкий Мост, 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ“ на 1926 год.

Орган Народного Комиссариата Юстиции РСФСР. • Пятый год издания. •

Выходит под редакцией: т.т. Н. В. Крыленко, Я. Н. Бранденбургского и С. М. Прушицкого.

Ближайшее участие в журнале принимают т.т. С. Александровский, С. Аскаранов, Х. Бахчисарайцев, М. Брагинский, Я. Бранденбургский, М. Бухов, В. Войтинский, Ф. Вольфсон, А. Гойхбарг, Д. Гомберг, Е. Домбровский, И. Евтихийев, С. Зайцев, И. Ильинский, А. Иодковский, А. Карасс, И. Кобленц, М. Коваленков, Н. Крыленко, Н. Лаговьер, П. Лебедев, Д. Курский, А. Лисицын, В. Мокеев, Н. Нехамкин, С. Орловский, И. Перетерский, А. Приградов-Кудрин, С. Прушицкий, С. Раевич, А. Разумовский, Г. Рогинский, Д. Розенблюм, И. Ростовский, Г. Рындаунский, А. Семенова, В. Соколов, П. Стучка, З. Теттенборн, П. Трунев, А. Турубинер, С. Членов, М. Фрадкин, А. Эстрин, В. Яхонтов.

Обслуживая, главным образом, судебных работников, журнал благодаря доступности своего изложения является также необходимым пособием для советских, хозяйственных, профессиональных работников, работников дознания и уголовного розыска и вообще для всех лиц, желающих ознакомиться с советским правом и следить за советским законодательством.

Всем имеющим значение для широких слоев населения декретам посвящаются отдельные статьи. Кроме того, в обзоре советского законодательства, который регулярно печатается в каждом номере «Еженедельника», лицо, не могущее следить за официальным материалом, для просмотра которого требуется много времени, найдет краткое изложение каждого нового декрета.

В журнале помещаются статьи по всем отраслям права (государственное, международное, административное, гражданское, уголовное, трудовое, земельное и др.). Особое внимание в журнале уделяется вопросам судебной практики. В журнале печатаются кассационные определения угол. и гражд. касс. коллегий Верх. Суда, обзоры деятельности Наркомюста, разъяснения Отдела Зак. Предп. и Кодиф., обзоры законодательства, хроника отдельных ведомств (центра), отклики с мест и заметки о местной жизни судебных органов, обзоры юридической литературы, русской и заграничной, библиографические заметки о всех вновь выходящих юридических изданиях.

В журнале печатаются все циркуляры и распоряжения Наркомюста, Верх. Суда СССР и Верх. Суда РСФСР, разъяснения пленума последнего.

Подписная цена на год	11 р. 50 к.
» » на полгода	6 „ — „
Для судебных работников при условии подписки на год	8 „ 50 „
при подписки на полгода	4 „ 80 „

Всем годовым подписчикам, внесшим подписную плату до 15 января 1925 г., дается в виде бесплатного приложения Юридический Календарь в переплете на 1926 г.

В розничной продаже Юридический Календарь будет стоить 2 р.

На срок менее полугода подписка не принимается. — Сроки подписки только с 1 января и с 1 июля.

Контора обращается ко всем подписчикам с просьбой заблаговременно подписываться на журнал во избежание перерыва в получении, а также в виду того, что тираж журнала будет рассчитан только на подписчиков и розничная продажа будет ограничена.

Требования на подписку направлять по адресу:
Юридическое Издательство НКЮ — Москва, Кузнецкий Мост, 7.